Изданія бывшаго издательства

Э. Л. КАСПРОВИЧА въ ЛЕЙПЦИГѢ:

	М.	пф.
Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1865 г. Разсказъ одного изъ сосланныхъ (1875)	1	50
Воспоминанія княгини Е. Р. Дашковой (1876)	4	—
Записки Екатерины II, императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго (1876)	5	—
Записки генерала Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя (1902)	2	—
Записки князя Трубецкаго (1874)	1	50
Записки Ивана Дмитріевича Якушкина (1874)	2	—
Историческіе документы изъ временъ царствованія Александра I (1880)	2	50
Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ ихъ значеніи. Составилъ Липранди (1883)	1	—
Матеріалы для біографіи княгини Е. Р. Дашковой (1876)	2	—
Матеріалы для біографіи императора Павла I (1874)	1	50
Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина и письма его къ Рылѣеву, Бестужеву и другимъ (1875)	1	50
Матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева (1875)	1	50
Матеріалы для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова (1380)	1	50
Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II (1902)	2	50
Матеріалы для исторіи царствованія императора *Николая Павловича* (1880)	3	—
Новгородское возмущеніе въ 1831 г. Записки полковника Панаева, временнаго начальника возмущенія (1874)	1	—
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Дениса Васильевича Давыдова, непропущенныя цензурою въ Россіи (1906)	3	—
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Данилевскаго (1875)	1	—
О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Сочиненіе князя М. Щербатова (1876)	1	50
О раскольникахъ при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II. Пополнено запискою Мельникова (1882)	1	50
Объ аристократіи, въ особенности русской. Письмо изъ Россіи (1874)	1	—

ЗАПИСКИ
ЕКАТЕРИНЫ II
ИМПЕРАТРИЦЫ РОССІИ

Переводъ съ французскаго

Изданіе Э. Л. Каспровича
въ Лейпцигѣ 1876 г.

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. M. B. H.

ЗАПИСКИ

ЕКАТЕРИНЫ II,

ИМПЕРАТРИЦЫ РОССІИ.

Переводъ съ Французскаго.

Девятое изданіе.

(Mémoiren der Katharina II., Kaiserin von Russland.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

Изъ письма Переводчика.

„Въ самый день смерти матери, Павелъ приказалъ графу Ростопчину запечатать и потомъ разобрать ея бумаги. Вмѣстѣ съ знаменитою запискою полуграмотнаго Алексѣя Орлова („Матушка, пощади и помилуй, дуракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили . . .“), прочитавъ которую Павелъ перекрестился и сказалъ: Слава Богу! наконецъ я вижу, что мать моя не убійца, Ростопчинъ нашелъ и эти мемуары. Они запечатаны были въ пакетѣ съ надписью: *Его Императорскому Высочеству, В. Князю Павлу Петровичу, моему любезнѣйшему сыну*, и состояли изъ самаго текста и коротенькихъ отмѣтокъ на клочкахъ бумаги, на которыхъ Екатерина означала отдѣльные случаи своего прошедшаго, и вѣроятно потомъ составляла по нимъ разсказъ свой: въ такомъ видѣ подлинная рукопись хранится въ государственномъ архивѣ, въ Петербургѣ. Мемуары писаны въ послѣдніе годы царствованія, не раньше 1783 года, потому что

Екатерина говоритъ въ одномъ мѣстѣ о графѣ Никитѣ Панинѣ какъ о покойникѣ, а онъ умеръ въ 1783 году (въ Мартѣ). Цѣль ихъ очевидна; это — потребность души, великой при всѣхъ недостаткахъ и даже преступленіяхъ, оправдаться въ глазахъ сына и потомства, которое конечно должно оцѣнить и побужденіе и искренность этихъ признаній. Но невозможность полнаго оправданія какъ будто выражается въ томъ самомъ, что мемуары не доведены до конца, ни даже до главной катастрофы. Какъ будто великая женщина сама поддалась гнусностямъ, столь живо ею изображаемымъ; она дѣйствительно приняла участіе во всѣхъ интригахъ двора, превышая своихъ противниковъ уже только умомъ и ловкостью, а не нравственнымъ достоинствомъ. Ея связь съ Салтыковымъ и искусственное воспроизведеніе наслѣдника русскому престолу, внушаютъ омерзеніе, но не къ ней: ее жалѣешь какъ женщину, ей сочувствуешь. Обманутая Салтыковымъ, послѣ долгихъ искушеній, она рѣшается на борьбу съ судьбою, и въ свою очередь не разбираетъ средствъ. Связь съ Понятовскимъ уже голый развратъ. Дальше невозможно оправдываться. Дальше слѣдуютъ Орловъ, Потемкинъ и проч.

До послѣдняго времени мемуаръ Екатерины содержались въ великой тайнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вся преемственность царскаго рода разрушается.

Не только происхожденіе его отъ Романовыхъ опровергнуто, но даже связь съ Голштинской династіей, о которой запрещалось у насъ преподавать въ гимназіяхъ — прерывается сыномъ.

Говорятъ, что Павелъ далъ только одну копію мемуаровъ другу и товарищу своего дѣтства, князю Александру Куракину. Когда онъ умеръ въ 1818 году, Александръ Ивановичъ Тургеневъ успѣлъ проникнуть въ его библіотеку и снялъ для себя списокъ. Отсюда пошли всѣ списки, существовавшія въ Россіи. Пушкинъ въ Одессѣ собственноручно переписалъ для себя всѣ мемуары изъ библіотеки графа Воронцова. Около 1827 года, когда Николай приказалъ Блудову разобрать дворцовый бумажный хламъ, мемуары были ему показаны, и потомъ подъ государственною печатью положены въ главный архивъ. Еще отъ матери своей предубѣжденный противъ Екатерины, Николай называлъ ее обыкновенно „черною женщиной", простирая свою ненависть не только къ лицу ея, но и къ ея учрежденіямъ. Разсказываютъ, что когда Арсеньевъ, преподавая нынѣшнему Государю русскую исторію и дошедши до царствованія Екатерины, началъ восхвалять ея мудрость и славное правленіе, ученикъ сталъ глядѣть на него съ удивленіемъ, и на вопросъ, что его удивляетъ, отвѣчалъ: „Какъ же? я всегда слышалъ, что она запятнала нашъ родъ!" Преслѣдованіе Мемуаровъ началось съ тѣхъ поръ

какъ Тургеневъ проговорился Николаю, что знаетъ ихъ. Николай посылалъ черезъ III отдѣленіе къ тѣмъ лицамъ, у кого были списки, просить ихъ для себя, и потомъ сожигалъ. Даже наслѣдникъ его и не могъ достать завѣтной рукописи до самаго вступленія своего на престолъ: въ Мартѣ 1855 года, когда государственный Архивъ находился въ Москвѣ (его увезли на всякій случай отъ Англичанъ, стоявшихъ подъ Петербургомъ), одинъ изъ важныхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ нарочно пріѣзжалъ съ ключами архива доставать мемуары для прочтенія Государю. Съ этихъ поръ начались новые списки.

Пусть утѣшатся друзья Исторіи: истина когда нибудь да выходитъ наружу!“

Записки Императрицы Екатерины II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1729—1751.)

Счастіе не такъ слѣпо, какъ обыкновенно думаютъ. Часто оно есть ничто иное какъ слѣдствіе вѣрныхъ и твердыхъ мѣръ, не замѣченныхъ толпою, но тѣмъ не менѣе подготовившихъ извѣстное событіе. Еще чаще оно бываетъ результатомъ личныхъ качествъ, характера и поведенія.

Чтобы лучше доказать это, я построю слѣдующій силлогисмъ:

ПЕРВАЯ ПОСЫЛКА: качества и характеръ.
ВТОРАЯ: поведеніе.
ВЫВОДЪ: счастіе или несчастіе.

И вотъ тому два разительныхъ примѣра:

ПЕТРЪ III. — ЕКАТЕРИНА II.

Петръ III. — Мать и отецъ его.

Мать его, дочь Петра I-го, скончалась отъ чахотки, черезъ два мѣсяца послѣ его рожденія, въ небольшомъ Гольштинскомъ городѣ Килѣ. Ея сокрушила тамошная жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III-го, гольштинскій герцогъ Карлъ Фридрихъ — племянникъ шведскаго короля Карла XII — былъ государь слабый, бѣдный, дуренъ собою, небольшаго роста и слабаго сложенія (смотри журналъ Берхгольца въ Магазинѣ Вюшинга). Онъ умеръ въ 1739 году, и опеку надъ его сыномъ, которому тогда было около 11 лѣтъ, принялъ его двоюродный братъ герцогъ Гольштинскій и епископъ Любекскій Адольфъ Фридрихъ, вступившій потомъ вслѣдствіе Абовскаго міра и по ходатайству императрицы Елизаветы, на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра III-го былъ гофмаршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ Шведъ, потомъ оберъ-камергеръ Берхгольцъ, авторъ вышеупомянутаго журнала, и четыре камергера, изъ которыхъ одинъ Адлерфельдъ написавшій исторію Карла XII. Вахмейстеръ былъ Шведъ, а двое другихъ, Вольфъ и Мадфельдтъ, Гольштинцы. Принца воспитывали какъ наслѣдника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Гольштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидившихъ друга. Каждая

партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по своему, и разумѣется внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидилъ Брюмера и не любилъ никого изъ своихъ придворныхъ, потому что они его тяготили.

Съ десятилѣтняго возраста Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству. Его часто заставляли являться на придворные выходы, и слѣдили за нимъ неусыпно. Въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ Россіи, онъ любилъ двоихъ стариковъ-камердинеровъ, Лифляндца Крамера и Шведа Румберга. Сей послѣдній былъ для него дороже всѣхъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный; онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Брюмеръ, а слѣдовательно и Берхгольцъ, который на все глядѣлъ глазами Брюмера, были приверженцы принца опекуна и правителя. Всѣ остальные не любили этого принца и еще менѣе его приближенныхъ.

Императрица Елисавета, вступивъ на престолъ Русскій, послала за племянникомъ въ Гольштинію камергера Корфа, и принцъ-правитель немедленно отправилъ его въ сопровожденіи гофмаршала Брюмера, камергера Берхгольца и камергера Дикера (который былъ племянникъ Брюмера). Пріѣздъ его чрезвычайно обрадовалъ императрицу. Вскорѣ рѣшилась объявить принца временно своимъ наслѣдникомъ, но прежде всего онъ долженъ былъ принять греческую вѣру. Враги Гофмаршала Брюмера, а именно оберкамергеръ графъ Бестужевъ и графъ Никита Панинъ, долго бывшій Русскимъ посланникомъ въ Швеціи, увѣряли, будто, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императрица объявитъ своего племянника наслѣдникомъ Рус-

скаго престола, *Брюмеръ всячески старался испортить* душу и сердце своего питомца, между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ старанie чтобы воспитать его достойнымъ Шведской короны. Но я никогда не могла повѣрить столь жестокому обвиненiю, и объясняла воспитанiе Петра III стеченiемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Разскажу, что видѣла и слышала. Этимъ объяснится многое.

Въ первый разъ я увидала Петра III, одинадцати лѣтъ, въ Евтинѣ, у его опекуна Принца Епископа Любекскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины отца его, герцога Карла Фридриха. Это было въ 1739 году. Принцъ-Епископъ со*звалъ въ Евтинъ всѣхъ* родственниковъ, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, прiѣхали изъ Гамбурга, и привезли меня съ собою. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ того тамъ были еще принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Гольштинiи. Тутъ я услыхала какъ собравшiеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ наклоненъ къ пьянству, что приближенные не даютъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приближенныхъ и особливо Брюмера; что впрочемъ онъ довольно *живаго нрава, но сложенiя* слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно цвѣтъ лица его былъ блѣденъ; онъ казался тощъ, и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобы онъ держалъ себя какъ совершеннолѣтнiй. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденiи. Натянутость и неискренность перешли отъ внѣшнихъ прiемовъ обращенiя и въ самый характеръ.

Вскоръ по пріѣздѣ этого гольштинскаго двора въ Россію, явилось Шведское посольство съ просьбою, чтобы императрица дозволила племяннику своему быть наслѣдникомъ Шведскаго престола. Но Елисавета, уже объявившая свои намѣренія на этотъ счетъ въ предварительныхъ статьяхъ Абовскаго мира (какъ выше сказано) отвѣчала Шведскому сейму, что племянникъ ея наслѣдуетъ Русскій престолъ, и что она не отступаетъ отъ предварительныхъ статей Абовскаго мира, по которому наслѣдникомъ шведскаго престола долженъ быть принцъ-правитель Гольштиніи. Старшій братъ принца-правителя былъ обрученъ съ императрицею Елисаветою, не за долго до смерти Петра I. Бракъ не состоялся, потому что женихъ умеръ отъ оспы, черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія. Но императрица Елисавета сохранила объ этомъ принцѣ самое нѣжное воспоминаніе, которое выражала всѣмъ его родственникамъ.

Такимъ образомъ Петръ III, исповѣдавъ вѣру по обряду греческой церкви, былъ объявленъ наслѣдникомъ Елисаветы и Великимъ княземъ Русскимъ. Въ учители ему дали Симона Тодорскаго, бывшаго потомъ епископомъ Псковскимъ. Принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по обряду и въ правилахъ самаго строгаго и наименѣе вѣротерпимаго лютеранства. Съ дѣтства онъ не хотѣлъ ничему учиться, и я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ по воскресеньямъ и въ праздничные дни стоило великихъ трудовъ, чтобъ заставить его идти въ церковь и подчиниться благочестивымъ обрядомъ, и что въ разговорахъ съ Симономъ Тодорскимъ онъ по большей части обнаруживалъ отвращеніе отъ религіи. Его императорское высочество не хотѣлъ ни съ чѣмъ согласиться,

только спорилъ о каждомъ предметѣ и приближенные его часто бывали призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Наконецъ, послѣ многихъ для себя непріятностей, онъ подчинился волѣ императрицы своей тетки; но можетъ быть по предразсудку, по привычкѣ, или по охотѣ противорѣчить, онъ нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи. Брюмеръ, Берхгольцъ и другіе Гольштинцы оставались при немъ до его женитьбы. Къ нимъ для виду присоединили нѣсколько учителей. Преподаватель Русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинъ, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи, собственно только игралъ съ нимъ и служилъ вмѣсто шута. Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Во внутреннихъ своихъ комнатахъ великій князь занимался исключительно военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были настоящія дѣтскія игры, постоянное ребячество. Вообще онъ былъ очень ребячливъ, хотя ему было уже шестнадцать лѣтъ 1744. Въ 1744 году, 9 Февраля, Екатерина II съ матерью своею пріѣхала въ Москву, гдѣ тогда находился Русскій дворъ.

Русскій дворъ въ то время раздѣленъ былъ на два большіе стана или партіи. Во главѣ первой, начинавшей снова возвышаться послѣ своего униженія, стоялъ Вицеканцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ внушалъ къ себѣ гораздо

больше страха, нежели привязанности, былъ до чрезвычайности пронырливъ и подозрителенъ, твердъ и неколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно жестокъ съ подчиненными, врагъ непримиримый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ пока они сами не измѣняли ему; впрочемъ неуживчивъ и во многихъ случаяхъ мелоченъ. Онъ управлялъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Передъ поѣздкою двора въ Москву, онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными Императрицы, которыхъ хотѣлъ отмѣнить; но теперь онъ начиналъ оправляться. Онъ держался Англіи и дворовъ Вѣнскаго и Дрезденскаго. Пріѣздъ Екатерины II и ея матери былъ ему непріятенъ, какъ дѣло, тайно отъ него устроенное противною партіею. У него было множество враговъ, но всѣ они трепетали передъ нимъ. Онъ имѣлъ надъ ними превосходство въ занимаемой имъ должности, а характеромъ своимъ неизмѣримо превышалъ дипломатовъ царской передни.

Противуположная партія держала сторону Франціи, находившейся подъ французскимъ покровительствомъ Швеціи и Короля Прусскаго. Душею этой партіи былъ маркизъ Де-ла-Шетарди, а матадорами прибывшіе ко двору Гольштинцы. Они привлекли къ себѣ Лестока, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ переворотѣ, который возвелъ на Русскій престолъ императрицу Елисавету. Лестокъ въ значительной степени пользовался ея довѣренностью. Онъ служилъ при Императрицѣ Екатеринѣ I, и по кончинѣ ея сдѣлался лейбъ-медикомъ Елисаветы. И матери и дочери онъ оказалъ существенныя услуги. Онъ былъ довольно уменъ, хитеръ и умѣлъ вести интригу, но нрава злаго, и сердца черннаго. Всѣ эти ино-

страницы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который также участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь когда она вступала на престолъ. Она женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, на графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Сія послѣдняя воспитывалась вмѣстѣ съ императрицею Елисаветою и была къ ней очень привязана. Къ этой же партіи присоединился графъ Александръ Румянцовъ, отецъ Фельдмаршала, заключившій съ Швеціею Абовскій миръ, почти безъ участія Бестужева. Сюда же отчасти принадлежали Генералъ-Прокуроръ Трубецкой, все семейство Трубецкихъ, и слѣдовательно принцъ Гессенъ-Гомбургскій, пользовавшійся въ то время большимъ уваженіемъ: самъ по себѣ ничего не значилъ, его уважали по многочисленной семьѣ жены его, отецъ и мать которой были еще живы. Старуха Трубецкая была въ большомъ почетѣ.

Главнымъ изъ остальныхъ приближенныхъ къ Императрицѣ были тогда Шуваловы. Они соперничали съ Оберъ-Егермейстеромъ Разумовскимъ, который на ту пору считался первымъ фаворитомъ. Бестужевъ умѣлъ пользоваться ими; но главною опорою служилъ ему баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, бывшій нѣкогда при кабинетѣ Петра I, человѣкъ суровый и упрямый, любившій порядокъ и справедливость и требовавшій, чтобы во всемъ соблюдалась заведенная форма. Остальные придворные присоединялись то къ той, то къ другой партіи, смотря по выгодамъ и по личнымъ видамъ.

Казалось, великій князь былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень

предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла, что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что не любилъ своихъ приближенныхъ, и что былъ очень ребячливъ. Я молчала и слушала, и тѣмъ пріобрѣла его довѣренность. Помню, какъ между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что ему всего болѣе нравится во мнѣ то, что я его двоюродная сестра, и что по родству онъ можетъ говорить со мною откровенно; вслѣдъ за тѣмъ онъ мнѣ открылся въ своей любви къ одной изъ фрейлинъ императрицы, удаленной отъ двора по случаю несчастія ея матери, госпожи Лопухиной, которая была сослана въ Сибирь; онъ мнѣ объяснилъ что желалъ бы жениться на ней, но что готовъ жениться на мнѣ такъ какъ этого желаетъ его тетка. Я краснѣла, слушая эти изліянія родственнаго чувства, и благодарила его за предварительную довѣренность; но въ глубинѣ души я не могла надивиться его безстыдству и совершенному непониманію многихъ вещей.

Въ десятый день по пріѣздѣ моемъ въ Москву, въ Субботу, императрица отправилась въ Троицкій Монастырь. Великій князь остался съ нами въ Москвѣ. Мнѣ уже дали троихъ учителей, Симона Тодорскаго для наставленія въ греческой вѣрѣ, Василія Ададурова для русскаго языка, и балетмейстера Ланге для танцевъ. Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала по ночамъ, и въ то время какъ все кругомъ спало, я сидя на постели вытверживала наизусть тетради, которыя мнѣ давалъ Ададуровъ. Въ комнатѣ было жарко, и не зная московскаго климата, я не считала нужнымъ обуваться, а какъ вставала съ

постели, такъ и учила мои уроки. Вслѣдствіе этого, на пятнадцатый день, у меня открылось воспаленіе въ боку, которое чуть было не свело меня въ могилу. Въ середу, послѣ отъѣзда императрицы въ Троицкій Монастырь, я одѣвалась, чтобы идти съ матушкой обѣдать къ великому князю, какъ вдругъ почувствовала сильную дрожь. Насилу я выпросила у матушки позволеніе лечь въ постель. Воротившись отъ обѣда, она нашла меня въ безпамятствѣ; я была вся въ жару и чувствовала нестерпимую боль въ боку. Матушкѣ вздумалось, что у меня начинается оспа; она послала за докторами, и требовала, чтобъ они меня лѣчили отъ оспы. Доктора говорили, что мнѣ надо пустить кровь, но она никакъ не соглашалась на это, говоря, что братъ ея умеръ въ Россіи отъ оспы послѣ кровопусканія, и что она не хочетъ, чтобы и со мной случилось тоже. Доктора и приближенные великаго князя (у котораго еще не было оспы), послали обо всемъ подробное князю (у котораго еще не было оспы), послали обо всемъ подробное донесеніе къ императрицѣ, а я лежала въ постели, окруженная докторами и матушкою, которые спорили между собою не зная дѣла. Лихорадочный жаръ и боль въ боку чрезвычайно меня мучили; я стонала, и матушка меня бранила за это, требуя, чтобы я терпѣливо переносила страданія.

Наконецъ въ Субботу вечеромъ, въ семь часовъ, т. е. на пятый день моей болѣзни, императрица возвратилась въ Москву, и прямо изъ кареты пришла ко мнѣ въ комнату, гдѣ я лежала въ безпамятствѣ. Съ ней былъ графъ Лестокъ и еще одинъ лейбъ-медикъ. Выслушавъ мнѣніе врачей, она сѣла у моего изголовья и приказала пустить

мнѣ кровь. Я очнулась въ ту же минуту, какъ потекла кровь, и открывъ глаза, увидала себя въ объятіяхъ императрицы, которая приподымала меня. Но я была между жизнью и смертью 27 дней, въ теченіи которыхъ шестнадцать разъ мнѣ пускали кровь, иногда по четыре раза на день. Матушку почти не пускали ко мнѣ въ комнату. Она по прежнему вооружалась противъ этихъ частыхъ кровопусканій, и громко говорила, что меня хотятъ уморить. Однако она стала убѣждаться, что у меня не будетъ оспы. Императрица приставила ко мнѣ графиню Румянцову и еще нѣсколько женщинъ. Повсему было видно, что не довѣряли уму моей матушки. Наконецъ благодаря стараніямъ доктора Санше (родомъ Португальца) нарывъ въ правомъ боку прорвался; я его выплюнула, и съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче. Тотчасъ замѣтила, что поступки матушки во время моей болѣзни унизили ее въ общемъ мнѣніи. Когда мнѣ было очень дурно, она хотѣла привести ко мнѣ лютеранскаго священника. Чтобы предложить мнѣ это (какъ я послѣ узнала), меня старались привести въ чувство или воспользовались минутами облегченія; но я отвѣчала: „за чѣмъ же? Позовите лучше Симона Тодорскаго; я охотно поговорю съ нимъ.“ Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ, былъ всѣмъ очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу, какъ императрицу, такъ и весь дворъ. Еще другое мелкое обстоятельство повредило моей матушкѣ. Около святой недѣли, поутру, она послала одну изъ своихъ камерфрауенъ сказать мнѣ, чтобъ я ей уступила голубую съ серебромъ матерію, которую, передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, подарилъ мнѣ братъ моего

отца, потому что она мнѣ очень понравилась. Я отвѣчала матушкѣ пусть возметъ, это въ ея волѣ, хотя я очень люблю эту матерію, потому что мнѣ ее подарилъ дядя, видя, какъ она мнѣ нравится. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію противъ воли, и зная, что я такъ долго находилась между жизнью и смертью и всего нѣсколько дней какъ стала оправляться, начали толковать между собою, что со стороны моей матери вовсе неблагоразумно причинять малѣйшее неудовольствіе умирающей дочери, и что не только что отнимать у меня матерію, она не должна бы и поминать о томъ. Все это было пересказано императрицѣ, которая тотчасъ же прислала это въ досаду моей матери. Сію послѣднюю обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня и не имѣетъ ко мнѣ никакой нѣжности. Во время болѣзни я привыкла оставаться съ закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальныя женщины разговаривали между собою нисколько не стѣсняясь, и этимъ путемъ я многое узнала.

Такъ какъ я начинала выздоравливать, то Великій князь приходилъ проводить вечера въ комнатахъ матушки, которыя въ тоже время были моими. Онъ какъ всѣ, принималъ ко мнѣ большое участіе. Во время болѣзни императрица часто плакала обо мнѣ. Наконецъ, 21 Апрѣля 1884 года, въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, я почувствовала себя въ силахъ показаться публикѣ въ первый разъ послѣ этой тяжкой болѣзни.

Полагаю, что любоваться во мнѣ было нечѣмъ. Я исхудѣла какъ скелетъ, выросла; лице мое, всѣ черты стали длиннѣе, волосы лѣзли, и я была блѣдна какъ смерть. Я сама видѣла, что я без-

образна какъ пугало, не могла узнать себя. Въ этотъ день императрица прислала мнѣ баночку румянъ и приказала нарумяниться.

Какъ скоро наступила весна, хорошая погода, Великій князь сталъ рѣже посѣщать насъ. Онъ предпочиталъ гулять, стрѣлять, охотиться въ московскихъ окрестностяхъ. Но по временамъ онъ приходилъ къ намъ обѣдать или ужинать, и тутъ попрежнему пускался со мною во ребяческія откровенности. Свита его обыкновенно разговаривала съ моею матерью, къ которой съѣзжалось много гостей. Разные толки въ этихъ собраніяхъ вовсе не нравились тѣмъ, кто въ нихъ не участвовалъ, и между прочимъ графу Бестужеву. Все враги сего послѣдняго собирались у насъ и въ числѣ ихъ былъ Маркизъ де ла Шетарди, который въ то время еще не заявилъ себя посланникомъ Франціи, но уже получилъ отъ своего двора кредитную грамоту на эту должность.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица снова отправилась въ троицкій монастырь. Великій князь, я и матушка поѣхали вслѣдъ за нею. Съ нѣкотораго времени императрица стала очень холодно обращаться съ матушкою. Въ троицкомъ монастырѣ дѣло вышло на чистоту. Разъ послѣ обѣда великій князь сидѣлъ у насъ въ комнатѣ; неожиданно явилась императрица, сказала матушкѣ, чтобы она шла за нею въ другую комнату. Графъ Лестокъ пошелъ туда же. Мы съ великимъ княземъ сѣли на окошко и ждали, что изъ этого будетъ. Разговоръ продолжался довольно времени. Мы хохотали, какъ вдругъ явился графъ Лестокъ, проходя мимо, подошелъ къ намъ, и сказалъ: „Это веселье тотчасъ кончится.“ Потомъ обратившись ко мнѣ онъ сказалъ: „Укладывайтесь, вы тотчасъ

же отправляетесь въ дорогу и возвращаетесь къ себѣ домой.“ Великій князь спросилъ, что это значитъ. Лестокъ отвѣчалъ: „Узнаете послѣ“, и съ этимъ словомъ пошелъ исполнить порученіе, которое было дано ему и котораго я не знала. Мы съ великимъ княземъ начали разгадывать что бы это значило. Онъ толковалъ въ слухъ слова Лестока, я обдумывала дѣло молча. Онъ говорилъ: „Но если матушка ваша виновата, то это до васъ не относится.“ Я ему отвѣчала: „Долгъ мой ѣхать вмѣстѣ съ матушкой и дѣлать что она прикажетъ.“ Я видѣла ясно, что онъ разстался бы со мною безъ сожалѣнія. Что касается до меня, то знаю его свойства, я бы не пожалѣла его; но къ Русской коронѣ я не была такъ равнодушна. Наконецъ дверь въ спальню отворилась, императрица вышла оттуда вся красная и съ разгнѣваннымъ видомъ. Вслѣдъ за нею вышла матушка съ красными и заплаканными глазами. Окошко, на которое мы вскарабкались, было довольно высоко, и мы торопливо соскочили съ него. Это разсмѣшило императрицу: уходя, она поцаловала насъ обоихъ. Когда она удалилась, мы нѣсколько разузнали, въ чемъ было дѣло.

Маркизъ де ла Шетарди, прежде, или лучше сказать, когда былъ въ первой разъ посланникомъ въ Россіи, пользовался милостью и довѣренностью императрицы; но теперь, во второй пріѣздъ, онъ ошибся въ своихъ надеждахъ. Слова его были скромнѣе его писемъ, пропитанныхъ желчью и горечью. Письма эти были вскрыты и дешифрованы; изъ нихъ обнаружились во всѣхъ подробностяхъ его разговоры съ моей матерью и со многими другими лицами о тогдашнихъ обстоятельствахъ и объ императрицѣ. Такъ какъ онъ

еще не успѣлъ представить свою кредитивную грамоту, то его велѣно было выслать изъ имперіи. У него взяли назадъ орденъ Св. Андрея и портретъ императрицы; но всѣ остальные ея подарки, состоявшіе изъ брилліантовъ не были отняты. Я не знаю успѣла или нѣтъ матушка оправдаться во мнѣніи императрицы: но дѣло въ томъ, что мы не уѣхали, хотя съ матушкою по прежнему обращались крайно недовѣрчиво и холодно. Какія у нея были разговоры съ маркизомъ Шетарди, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что однажды онъ обратился ко мнѣ и поздравилъ меня съ тѣмъ, что я причесана en Moïse. Я отвѣчала, что въ угоду императрицы я готова носить всякую прическу, лишь бы она ей нравилась. Послѣ такого отвѣта онъ одѣлалъ пируетъ на лѣво, ушелъ отъ меня въ другую сторону и больше со мной не заговаривалъ.

По возвращеніи въ Москву съ великимъ княземъ, мы съ матушкою начали вести болѣе уединенную жизнь, чѣмъ прежде. Къ намъ меньше стало ѣздить гостей, и меня приготовляли къ исповѣданію вѣры. День 28 Іюня былъ назначенъ для этого обряда, а на другой день, въ праздникъ Св. Петра, должно было послѣдовать мое обрученіе съ великимъ княземъ. Помню, что въ это время гофмаршалъ Брюмеръ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ жалобами на своего питомца, и говорилъ, чтобы я постаралась исправить или образумить великаго князя; но я ему отвѣчала, что мнѣ невозможно принять на себя эту обязанность, что въ такомъ случаѣ я ему опротивлю точно также, какъ его приближенные. Въ это время матушка очень подружилась съ принцемъ и съ принцессою Гессенъ Гомбургскими, и особливо съ братомъ

принцессы, камергеромъ Бецкимъ. Дружба эта не нравилась графинѣ Румянцовой, гофмаршалу Брюмеру и вообще всѣмъ. Матушка обыкновенно сидѣла съ ними въ своей комнатѣ, а мы въ это время съ великимъ княземъ возились въ передней комнатѣ, гдѣ намъ была своя воля. Въ обоимъ насъ было много дѣтской рѣзвости.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ императрица праздновала въ Москвѣ миръ со Швеціею, и по этому поводу мнѣ какъ Русской Великой Княжнѣ-невѣстѣ составила особый придворный штатъ. Тотчасъ послѣ празднества императрица приказала намъ ѣхать въ Кіевъ. Сама она отправилась черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за нами. Мы ѣхали не торопясь; матушка, я, графиня Румянцова и матушкина камерфрау въ одной каретѣ; Великій князь, Брюмеръ, Берхгольцъ и Дикеръ въ другой. Разъ послѣ обѣда Великій князь, которому надоѣли его педагоги, пересѣлъ къ намъ въ карету, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ иначе ѣхать какъ съ нами. Матушкѣ наскучило видѣть передъ собою только его да меня, и она вздумала увеличить компанію. Она сказала объ этомъ молодымъ кавалерамъ нашей свиты, въ числѣ которыхъ были князь Голицынъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и графъ Захаръ Чернышевъ. Тотчасъ опростали одну изъ каретъ, ѣхавшихъ съ нашими постелями, устроили кругомъ лавки, и на другой день Великій князь, матушка, я, князь Голицынъ, графъ Чернышевъ и еще кто то, или двое, кто былъ по моложе изъ нашей свиты, усѣли въ этой каретѣ и такъ продолжали наше путешествіе. Намъ было очень весело ѣхать; но остальные спутники вооружились противъ этого нововведенія, особливо гофъ-маршалъ Брюмеръ, оберъ-камергеръ Берхгольцъ, гра-

фиия Румянцова, матушкина камерфрау, да и вся остальная свита, потому что мы ихъ не пускали къ себѣ и веселились всю дорогу, между тѣмъ какъ они ссорились и умирали со скуки.

Такимъ образомъ, въ исходѣ третей недѣли, мы пріѣхали къ Козельскъ, гдѣ въ теченіи трехъ другихъ недѣль дожидались императрицы, которая была задержана въ пути разными обстоятельствами. Въ Козельскѣ мы узнали, что многія лица изъ Императрицыной свиты съ дороги отправились въ ссылку, и что она въ очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ въ половинѣ Августа она пріѣхала въ Козельскъ, и мы оставались тамъ еще съ нею до послѣднихъ чиселъ Августа. Въ большой залѣ, занимавшей средину дома, постоянно съ утра до вечера, шла игра въ фараонъ, и по большей цѣнѣ. За то въ остальныхъ комнатахъ была тѣснота. Матушка и я спали въ одной комнатѣ, графиня Румянцова и матушкина камерфрау въ слѣдующей, и такъ далѣе. Разъ Великій князь пришелъ къ намъ въ комнату. Матушка писала, подлѣ нея стояла ея расиертая шкатулка. Великому князю изъ любопытства хотѣлось, порыться въ ней; матушка не позволила, а онъ ушелъ отъ нея подпрыгивая. Но прыгая въ комнатѣ чтобы разсмѣшить меня, онъ зацѣпился за отпертую шкатулку и опрокинулъ ее. Матушка разгнѣвалась, и они стали браниться. Матушка говорила, что онъ нарочно уронилъ ея шкатулку; онъ отвѣчалъ, что она говоритъ неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтвержденія. Зная нравъ матушкинъ, я боялась, что она надаетъ мнѣ пощечинѣ, если я не буду держать ея сторону; но въ тоже время мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни обидѣть великаго князя,

и такимъ образомъ я была между двухъ огней. Однако я сказала матушкѣ, что я не думаю, чтобы Великій князь имѣлъ дурной умыселъ, но что прыгая просто зацѣпилъ платьемъ крышку шкатулки, стоявшей на крошечномъ табуретѣ. Тутъ матушка кинулась на меня; когда она бывала сердита, ей нужно было на кого нибудь излить свой гнѣвъ. Я замолчала и заплакала. Великій князь, видя что весь гнѣвъ матушки обрушился на меня, потому что я взяла его сторону, упрекалъ ее въ несправедливости и говорилъ, что она бѣсится со злости, а она называла его невоспитаннымъ мальчишкой. Однимъ словомъ брань дошла до того, что оставалось только драться, на что впрочемъ они оба не рѣшились.

Съ этихъ поръ Великій князь былъ предубѣжденъ противъ матушки и никогда не могъ забыть этого спора. Матушка тоже не переставала сердиться на него; имъ было неловко другъ съ другомъ, и между ними возникла взаимная недовѣрчивость и злоба. Оба они не скрывали этого отъ меня, и мнѣ стоило большихъ трудовъ успокоивать ихъ, въ чемъ я не всегда успѣвала. Они безпрестанно были готовы осмѣять другъ другу колкостей. Такое положеніе становилось для меня съ каждымъ днемъ тяжеле. Я старалась не выходить изъ повиновенія матушки и угождать Великому князю, который въ самомъ дѣлѣ въ то время былъ со мною откровеннѣе чѣмъ съ кѣмъ либо, потому что онъ видѣлъ что матушка часто бросалась на меня, когда не могла придраться къ нему. Это очень располагало его въ мою пользу, и онъ довѣрялся мнѣ.

Наконецъ 29 Августа мы пріѣхали въ Кіевъ. Мы оставались тамъ десять дней, и за тѣмъ от-

правились назадъ въ Москву точно такимъ же манеромъ какъ ѣхали въ Кіевъ.

Въ Москвѣ этою осенью при дворѣ не прекращались балеты, комедіи и маскарады. Но не смотря на это, императрица часто бывала въ дурномъ расположеніи духа. Однажды мы смотрѣли комедію. Ложа, въ которой мы сидѣли, матушка, я и Великій князь, была насупротивъ ложи Ея Величества. Я замѣтила, что императрица о чемъ то говорила графу Лестоку съ большимъ жаромъ и съ сердцемъ. Когда она кончила, Лестокъ явился къ намъ въ ложу, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Вы видѣли, какъ императрица говорила со мною?“ Я отвѣчала ему, что видѣла. „Ну такъ знаете же,“ сказалъ онъ, „что она очень на васъ гнѣвается.“ — „На меня! за что?“ — „За то, что у Васъ много долговъ,“ отвѣчалъ онъ. „Она говоритъ, что колодець можно наконецъ вычерпать, что когда она была Великою княжною, то неполучала больше вашего и должна была содержать цѣлый домъ, но не смѣла входить въ долги, потому что знала, что за нее никто не станетъ платить.“ Все это онъ произнесъ сухимъ и рѣзкимъ тономъ, конечно для того, чтобы она изъ своей ложи могла видѣть, какъ онъ исполнилъ ея приказаніе. У меня въ глазахъ показались слезы, и я замолчала. Послѣ того онъ ушелъ. Великій князь, сидѣвшій возлѣ меня и слушавшій нашъ разговоръ, спросилъ у меня чего не разслышалъ, и потомъ, больше выраженіемъ лица нежели словами, давалъ мнѣ знать, что меня побранили. Это былъ у него обыкновенный способъ дѣйствія, онъ думалъ сдѣлать угодное императрицѣ, поддакивая ей, когда она на кого нибудь гнѣвалась. Матушка, узнавъ въ чемъ дѣло, стала говорить, что все это отъ того,

что ее отстранили отъ меня и дозволили мнѣ не спрашиваться ея совѣтовъ, и что поэтому она умываетъ руки. Такимъ образомъ оба они были противъ меня.

Что касается до меня, то я рѣшилась тотчасъ же привести въ порядокъ дѣла свои, и на другой день потребовала счета. Оказалось, что я должна 18,000 рублей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ императрица мнѣ прислала 15,000 и большой сундукъ съ богатыми матеріями. Слѣдовательно долгу всего было 2,000 рублей, и мнѣ казалось, что это не богъ знаетъ какая сумма. Разныя причины вовлекли въ эти издержки.

Въ первыхъ, я пріѣхала въ Россію съ весьма плохимъ гардеробомъ. Много, если у меня было три или четыре платья, между тѣмъ какъ при русскомъ дворѣ переодѣвались по три раза въ день. Все мое бѣлье состояло изъ дюжины рубашекъ, и я спала на матушкиныхъ простыняхъ.

Во вторыхъ, мнѣ сказали, что въ Россіи любятъ подарки, и что щедростью задобриваются люди и пріобрѣтаются друзья.

Въ третьихъ, ко мнѣ приставили графиню Румянцову, которая мотала больше всѣхъ въ Россіи, и постоянно возилась съ купцами. Ежедневно она приносила мнѣ всякую всячину и совѣтывала купить. Часто я брала только для того, чтобы подарить ей, потому что ей очень этого хотѣлось.

Великій Князь также мнѣ дорого стоилъ, потому что любилъ подарки.

Кромѣ того я замѣтила, что матушка переставала сердиться, какъ скоро ей дадутъ что нибудь что ей нравилось, и такъ какъ она въ то время часто сердилась, и особливо на меня, то я не пренебрегала этимъ средствомъ. Причина, отчего

матушка была сердита, заключалась отчасти въ томъ, что императрица была очень не довольна ею, унижала ее и дѣлала ей непріятности. Кромѣ того матушкѣ было непріятно, что я, обыкновенно ходившая позади ея, теперь стала ходить впереди; я избѣгала этого гдѣ было можно; но въ публикѣ я должна была быть впереди. Вообще я поставила себѣ правиломъ оказывать ей всевозможное предпочтеніе и покорность; но пользы отъ этого было мало; она безпрестанно, при всякомъ случаѣ, бранила меня. Это вредило ей самой и не располагало общаго мнѣнія въ ея пользу.

Многія лица, и особливо графиня Румянцова своими пересказами и разными сплетнями, вооружали императрицу противъ матушки. Много значила тутъ и восьмимѣстная карета, въ которой мы ѣхали въ Кіевъ. Въ ней сидѣла одна молодежь, и никого изъ пожилыхъ: богъ знаетъ, какой оборотъ дали этой забавѣ въ сущности совершенно невинной. Безъ сомнѣнія нѣкоторые, имѣвшіе право сидѣть съ нами по чинамъ своимъ, обидѣлись тѣмъ, что мы предпочли имъ тѣхъ, съ кѣмъ, было веселѣе. Но все дѣло пошло отъ того, что мы не пустили въ карету Бецкого и Трубецкихъ; матушка во время путешествія въ Кіевъ, была совершенно увѣрена въ ихъ дружбѣ. Брюмеръ и графиня Румянцова также не остались въ дому, и восьмимѣстная карета осталась намъ памятна.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Великій князь заболѣлъ въ Москвѣ корью. Такъ какъ у меня еще не было ея, то взяты были предосторожности, чтобы она ко мнѣ не пристала. Окружавшіе Великаго князя не ѣздили къ намъ, и всѣ увеселенія прекратились. Съ наступленіемъ зимы, болѣзнь эта

прошла, и мы отправились изъ Москвы въ Петербургъ, въ саняхъ; матушка со мною въ однихъ, Великій князь съ Брюмеромъ въ другихъ. День рожденія императрицы, 18 Декабря, мы праздновали въ Твери, и на другое утро поѣхали дальше. На полудорогѣ, въ Хотиловскомъ яму, вечеромъ, Великій князь занемогъ сидя у меня въ комнатѣ. Его увели въ его комнату и положили спать. Ночью у него былъ сильный жаръ. На другой день, около полудня, мы съ матушкой пошли навѣстить его. Но едва я преступила порогъ, какъ Брюмеръ очутился передо мною и сказалъ, чтобы я не ходила дальше. Я спросила зачѣмъ, и узнала, что у Великаго князя показались осиѣнныя пятна. Такъ какъ у меня не было оспы то матушка поспѣшила увести меня изъ комнаты. Рѣшено было, что мы съ матушкой тотъ же день отправимся въ Петербургъ, а Великій князь съ своею свитою останется въ Хотиловѣ. Графиня Румянцова и матушкина камерфрау также остались тамъ, какъ говорили, ходить за больнымъ.

Къ Императрицѣ, которая опередила насъ и была уже въ Петербургѣ, послали курьера. Мы встрѣтились съ нею недалеко отъ Новгорода: узнавъ, что Великій князь заболѣлъ оспою, она ѣхала изъ Петербурга къ нему въ Хотилово, гдѣ и оставалась во все время болѣзни. Была полночь, когда мы съ нею встрѣтились; но она велѣла остановиться санямъ, и спрашивала у насъ о здоровьи Великаго князя. Матушка сказала ей, какъ мы его оставили, и вслѣдъ за тѣмъ императрица велѣла ящику ѣхать дальше. Мы также поѣхали, и къ утру были въ Новъгородѣ.

Было воскресенье, и я ходила къ обѣднѣ. Потомъ мы обѣдали, и затѣмъ собирались въ путь,

какъ увидали камергера князя Голицына и камеръ-юнкера Захара Чернышева. Они ѣхали изъ Москвы въ Петербургъ. Матушка разсердилась на князя Голицына, потому что онъ ѣхалъ съ графомъ Чернышевымъ, а графъ Чернышевъ, не знаю, что то солгалъ. Матушка говорила, что отъ него надобно бѣгать, какъ отъ человѣка опаснаго и сплетника. Она дулась на нихъ обоихъ; но такъ какъ это было очень скучно, при томъ же выбирать было не изъ чего, оба они были умнѣе и разговорчивѣе остальныхъ, то я вовсе не раздѣлила матушкина гнѣва и тѣмъ заслужила ея брань.

Наконецъ мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ насъ помѣстили въ одной изъ пристроекъ дворца. Великому князю также отвели особый домъ, между нашимъ помѣщеніемъ и дворцомъ; дворецъ тогда былъ тѣсенъ, и для него не было тамъ мѣста. Мои комнаты были на лѣво отъ дворца, матушкины на право. Увидавъ это, матушка разсердилась; во первыхъ ей показалось, что мои комнаты лучше расположены, нежели ея; во вторыхъ ей непріятно было, что наши комнаты раздѣлялись общею залою. На самомъ же дѣлѣ у каждой изъ насъ было по четыре комнаты, двѣ на улицу и двѣ на дворъ, всѣ комнаты были одинаковы, обиты голубою и красною матеріею, безъ всякаго различія. Но вотъ главная причина, отъ чего матушка сердилась. Въ Москвѣ императрица присылала мнѣ черезъ графиню Румянцову планъ этого дома, спрашивала моего мнѣнія, какъ размѣстить насъ и приказала, чтобы я никому о томъ не сказывала. Выбирать было нечего, потому что оба отдѣленія были одинаковы; я такъ и сказала графинѣ; но изъ словъ сей послѣдней я заключила, что императрицѣ было бы пріятнѣе, чтобы я жила

особо, а не въ однихъ комнатахъ съ матушкою. Я сама желала этого, потому что мнѣ было неловко въ комнатахъ матушки, и короче сказать, быть въ ея обществѣ никому не нравилось. Матушка провѣдала, что ко мнѣ приносили планъ, стала меня спрашивать, и я ей сказала всю правду, *какъ было дѣло. Она бранила меня, за чѣмъ* я не сказала ей тотчасъ. Я отвѣчала, что было запрещено говорить; но она этимъ не удовольствовалась. Вообще я замѣчала, что она съ каждымъ днемъ все больше на меня гнѣвается; что она перессорилась почти со всѣми, такъ что больше не приходила къ намъ за столъ, а обѣдала и ужинала у себя въ комнатахъ. Что касается до меня, то я ходила къ ней раза по три или по четыре въ день. Остальное время я училась русскому языку, и играла на клавикордахъ. Я покупала себѣ книгъ; и въ 15 лѣтъ вела уединенную жизнь, и была довольно углублена въ себя для моего возраста.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Москвы пріѣхало Шведское посольство, въ главѣ котораго находился сенаторъ Цедеркрейцъ. Черезъ нѣсколько времени за тѣмъ пріѣхалъ еще графъ Гилленбургъ, имѣвшій порученіе извѣстить императрицу о свадьбѣ Шведскаго принца (брата моей матери) съ принцессою Шведскою. Мы познакомились съ графомъ Гилленбургомъ и со многими другими Шведами еще въ то время, какъ наслѣдный Принцъ уѣзжалъ въ Швецію. Это былъ очень умный человѣкъ, уже не молодой, и очень уважаемый моею матушкою. Во мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе; *потому что въ Гамбургѣ* видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ говорилъ ей, что она напрасно

не обращаетъ на меня вниманія, что я дитя выше лѣтъ моихъ, и что у меня философское расположеніе ума. Пріѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ насъ, онъ спрашивалъ, что сталось съ моей философіей въ суетѣ придворной жизни. Я ему пересказала чѣмъ я занималась у себя въ комнатѣ. Онъ возражалъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ знать себя, что я окружена препятствіями, съ которыми не могу бороться, что надо имѣть очень возвышенную натуру, чтобы преодолѣть ихъ, и что надо питать душу чтеніемъ лучшихъ книгъ. Онъ мнѣ совѣтывалъ читать Житія знаменитыхъ мужей Плутарха, житіе Цицерона и о Причинахъ величія и упадка Римской Республики, сочиненіе Монтескье. Я тотчасъ послала за этими книгами (ихъ тогда едва можно было сыскать въ Петербургѣ) и сказала ему, что я напишу свой портретъ, такъ какъ знаю ли я себя или нѣтъ.

Дѣйствительно я описала самое себя, назвала мое сочиненіе „Изображеніе Философа въ 15 лѣтъ", и отдала его ему. Много лѣтъ спустя, именно въ 1758 году, я нашла у себя эту тетрадь, и сама удивилась, съ какою глубиною и точностью изобразила я себя. Къ сожалѣнію я тогда же сожгла ее вмѣстѣ со всѣми другими бумагами; это было во время несчастнаго дѣла Бестужева; я уничтожила тогда всѣ бумаги, какія у меня были въ комнатахъ.

Графъ Гилленбургъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мое сочиненіе. Не знаю, снялъ ли онъ съ него списокъ. Онъ прибавилъ къ нему страницъ двѣнадцать своихъ размышленій обо мнѣ, въ которыхъ старался укрѣпить во мнѣ возвышенность и твердость души, равно и другія качества

ума и сердца. Много разъ я читала и перечитывала эти размышленія, и старалась проникнуться ими. Я дала себѣ обѣтъ искренно слѣдовать его совѣтамъ; а какъ скоро я давала себѣ въ чемъ нибудь обѣтъ, то я не помню, чтобъ когда нибудь не исполнила его. По желанію графа Гилленбурга, я отдала ему назадъ его размышленія. Я должна признаться, что складъ ума моего и души моей образовался и укрѣпился подъ его значительнымъ вліяніемъ.

Въ началѣ Февраля императрица съ великимъ княземъ возвратились изъ Фотилова. Какъ скоро намъ сказали, что она пріѣхала, мы пошли встрѣчать ее, *и нашли ее въ большой залѣ. Это было* между четвертымъ и пятымъ часомъ вечера, въ залѣ было почти темно; но не смотря на то, я едва не испугалась, увидавъ Великаго князя; — онъ чрезвычайно выросъ и перемѣнился, всѣ черты его сдѣлались грубѣе, опухоль на лицѣ еще не прошла, и не было никакого сомнѣнія, что у него останутся сильныя рябины. Онъ былъ остриженъ и носилъ огромный парикъ, который еще больше безобразилъ его. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю ли я его. Я пробормотала ему какую то любезность на счетъ его выздоровленія; но въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасно дуренъ.

9 Февраля прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхала къ русскому двору. 10 Февраля 1745 г. императрица праздновала день рожденія Великаго князя. Ему наступилъ 18-й годъ. Императрица обѣдала на тронѣ со мною одной. Великій князь не являлся въ публику ни въ этотъ день, ни долго послѣ. Его не торопились показывать, потому что оспа обезобразила его. Въ этотъ день императрица была со мною очень ласкова.

Она сказала мнѣ, что ее очень утѣшали русскія письма, которыя я ей писала въ Хотилово (правду сказать, ихъ сочинялъ Ададуровъ, я только переписывала), и что она знаетъ какъ я прилежно занимаюсь русскимъ языкомъ. Она говорила со мною по русски, хотѣла, чтобы я отвѣчала ей также по русски, и изволила хвалить мое произношеніе. Потомъ она говорила какъ я похорошѣла послѣ московской болѣзни; однимъ словомъ во все время обѣда она безпрестанно оказывала мнѣ знаки расположенія и милости. Послѣ обѣда я возвратилась къ себѣ веселая и счастливая, и всѣ поздравляли меня съ этимъ. Императрица приказала принести къ себѣ мой портретъ, начатый живописцемъ Каравакомъ, и оставила его у себя въ комнатѣ. Это тотъ самый портретъ, который скульпторъ Фальконетъ увезъ съ собою во Францію. Онъ былъ въ то время необыкновенно похожъ.

Чтобы идти къ обѣднѣ или къ императрицѣ, мы съ матушкою должны были проходить комнатами великаго князя, которыя были рядомъ съ моими; такимъ образомъ мы его часто видали. По вечерамъ онъ также являлся къ намъ на нѣсколько минутъ, но безъ особеннаго удовольствія; напротивъ онъ всегда бывалъ радъ какому нибудь предлогу остаться у себя въ комнатахъ, гдѣ предавался своему обыкновенному ребячеству, о которомъ я упоминала.

Вскорѣ послѣ пріѣзда императрицу и великаго князя въ Петербургъ, матушка была очень опечалена и не могла скрыть этого. Вотъ какъ это было.

Братъ ея, принцъ Августъ, написалъ къ ней въ Кіевъ о своемъ желаніи пріѣхать въ Россію.

Матушку извѣстили, что онъ собирается въ Россію только за тѣмъ, чтобы прибрать въ свои руки управленіе Гольштиніею, именно: хотѣли заранѣе объявить великаго князя совершеннолѣтнимъ, и такимъ образомъ уничтожить опеку старшаго брата, сдѣлавшагося наслѣднымъ принцемъ шведскимъ; младшій братъ, принцъ Августъ, сталъ бы править Гольштиніею отъ имени великаго князя.

Таковы были замыслы гольштинской партіи, враждебной наслѣдному принцу Шведскому. Въ интригѣ этой участвовали также и Датчане, они не могли простить Шведскому принцу того, что онъ одержалъ верхъ надъ Датскимъ принцемъ, котораго Далекарлійцы хотѣли выбрать наслѣдникомъ Шведскаго престола. Матушка отвѣчала брату своему принцу Августу изъ Козельска, что вмѣсто того, чтобъ принимать участіе въ замыслахъ людей, враждебныхъ брату, ему слѣдуетъ ѣхать къ мѣсту своей службы, въ Голландію, и что лучше съ честью погибнуть въ сраженіи нежели строить козни противъ своего брата и въ Россіи мѣшаться съ врагами сестры своей. Подъ сими послѣдними матушка разумѣла графа Бестужева, который благопріятствовалъ этимъ замысламъ, желая черезъ то повредить Брюмеру и всѣмъ остальнымъ приверженцамъ наслѣднаго принца Шведскаго, бывшаго опекуномъ великаго князя по управленію Гольштиніей. Матушкино письмо было вскрыто и прочтено гр. Бестужевымъ и императрицею, которая теперь была очень недовольна матушкою, и противъ наслѣднаго принца Шведскаго была также заранѣе предубѣждена, потому что онъ, по совѣтамъ жены своей, сестры короля Прусскаго, поддался французской партіи и фран-

цузской политикѣ, вовсе не согласной съ видами Россіи. Его называли неблагодарнымъ, а матушку обвиняли въ томъ, что она вовсе не любитъ своего младшаго брата, такъ какъ она писала ему о погибели въ сраженіи. Выраженіе это находили жестокимъ и безчеловѣчнымъ, между тѣмъ какъ матушка хвалилась имъ передъ друзьями своими и называла его твердымъ и торжественнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнія матушки не были уважены. Напротивъ, чтобъ насолить ей и досадить всей Гольштино-Шведской партіи, гр. Бестужевъ, безъ вѣдома матушки, выхлопоталъ принцу Августу позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Узнавъ что онъ ѣдетъ, матушка чрезвычайно разгнѣвалась и огорчилась. Она встрѣтила его очень холодно; но это нисколько не смутило его, такъ какъ онъ опирался на Бестужева. Императрицу убѣдили благосклонно принять его, что она и сдѣлала для виду. Впрочемъ все это не продолжалось и не могло продолжаться, потому что самъ по себѣ принцъ Августъ былъ лицо вовсе не замѣчательное. Уже одна наружность вредно располагала въ его пользу: онъ былъ малъ ростомъ и неуклюжъ; сверхъ того не большаго ума и раздражительнаго нрава. Имъ руководили его приближенные, тоже люди ничего не значущіе. Сказать правду, онъ былъ просто глупъ и тѣмъ очень сердилъ матушку, которую пріѣздъ его довелъ почти до отчаянія. Черезъ приближенныхъ совершенно овладѣвъ принцемъ Августомъ, графъ Бестужевъ разомъ попалъ въ нѣсколько цѣлей. Ему хорошо было извѣстно, что великій князь также какъ и онъ, терпѣть не могъ Брюмера, котораго въ свою очередь не любилъ и принцъ Августъ за его приверженность къ наслѣдному принцу Шведскому.

Подъ предлогомъ родства и въ качествѣ Гольштинца, принцъ Августъ не отходилъ прочь отъ великаго князя, безпрестанно говорилъ съ нимъ о Гольштиніи, твердилъ о его будущемъ совершеннолѣтіи; и по его совѣтамъ, великій князь сталъ просить тетку и графа Бестужева, чтобы его заранѣе объявили совершеннолѣтнимъ. Для этого нужно было согласіе Римскаго императора, которымъ въ то время былъ Карлъ VII, изъ баварскаго дома; но между тѣмъ какъ шли переговоры, онъ умеръ, и дѣло было отложено до избранія въ императоры Франца I.

Дурно принятый матушкою, Принцъ Августъ не оказывалъ ей уваженія, и тѣмъ самымъ еще болѣе унизилъ ее во мнѣніи великаго князя. Съ другой стороны какъ принцъ Августъ, такъ и старый камердинеръ, фаворитъ великаго князя вѣроятно опасаясь моего будущаго вліянія, часто твердили ему о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ женою. Ромбергъ бывшій Шведскій драгунъ, говорилъ ему, что его жена не смѣла передъ нимъ пикнуть, не только что мѣшаться въ дѣла его, что какъ только она раздѣвала ротъ, онъ ей приказывалъ молчать, что онъ былъ глава дома, и что мужчинѣ стыдно быть простакомъ и слушаться жены своей. Но они видно не разсчитывали на скромность великаго князя, или не знали, что когда у него бывало что нибудь на сердцѣ или въ головѣ, то онъ немедленно являлся разсказывать обо всемъ тѣмъ, съ которыми обыкновенно говорилъ, вовсе не обращая вниманія, кто были эти лица. Такимъ образомъ я узнала объ этихъ внушеніяхъ отъ самого великаго князя, при первой нашей встрѣчѣ. Вообще онъ воображалъ, что всѣ люди держатся одного съ нимъ мнѣнія, и что

это очень естественно и такъ должно быть. Я разумѣется, все это держала про себя, но въ тоже время не переставала серьезно обдумывать предстоявшую мнѣ участь. Я рѣшилась щадить откровенность великаго князя, для того, чтобы онъ по крайней мѣрѣ видѣлъ во мнѣ лице, которому можетъ повѣряться во всемъ, безъ малѣйшихъ для себя непріятностей, и въ теченіи долгаго времени мнѣ это удавалось. Вообще я обращалась со всѣми какъ могла лучше, и старалась пріобрѣсти дружбу, или по крайней мѣрѣ смягчить непріязнь тѣхъ людей, которыхъ я могла подозрѣвать въ неблагопріятномъ къ себѣ расположеніи. Я не хотѣла держаться никакой партіи, ни во что не вмѣшивалась, всегда показывала веселый видъ, была предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми. Я была отъ природы веселаго нрава, и съ удовольствіемъ замѣчала, что съ каждымъ днемъ росло расположеніе ко мнѣ публики, которая смотрѣла на меня какъ на замѣчательнаго и умнаго ребенка. Я показывала великую почтительность матушкѣ, безпредѣльное послушаніе императрицѣ, отличную внимательность великому князю, и однимъ словомъ всѣми средствами старалась снискать любовь публики.

Еще въ Москвѣ императрица назначила мнѣ дамъ и кавалеровъ, составившихъ мой дворъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, она приставила ко мнѣ русскихъ женщинъ, для того чтобы, какъ она говорила, я могла скорѣе выучиться русскому языку. Я была очень этимъ довольна. Самой старшей изъ дѣвушекъ, которыхъ мнѣ дали, было около двадцати лѣтъ, всѣ онѣ были очень веселаго нрава, такъ что съ этого времени, вставши чуть съ постели и до самой

ночи я не переставала пѣть, танцовать, рѣзвиться и и дурачиться у себя въ комнатѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, ко мнѣ приходили въ спальню три мои фрейлины, двѣ княжны Гагарины и Кошелева, и тутъ мы играли въ жмурки, и въ разныя другія игры, по нашему возрасту. Всѣ эти дѣвушки ужасно боялись графини Разумовской, но такъ какъ она съ утра до вечера играла въ карты, въ передней комнатѣ, либо у себя, и вставала изъ за стола только за нуждою, то мы почти не видали ея. Посреди этихъ веселостей, мнѣ пришло въ голову распредѣлить обязанности моихъ фрейлинъ. Деньги, расходы и бѣлье я оставила на попеченіи *мамзель Шенкъ*, старой фрейлины, пріѣхавшей со мною изъ Германіи, глупой и ворчливой, которой вовсе не нравились наши веселости и которой досадно было, что всѣ эти молодыя дѣвушки стали раздѣлять ея должность и мое расположеніе. Бриліянты я поручила дѣвицѣ Юковой, такъ какъ она была умнѣе, веселѣе и откровеннѣе другихъ, и я начала очень любить ее. Камердинеръ Тимофей Евреиновъ принялъ въ свое вѣденіе мои платья; дѣвица Балкова, вышедшая потомъ за мужъ за поэта Сумарокова, должна была смотрѣть за моими кружевами; ленты я отдала дѣвицѣ Скороходовой старшей, впослѣдствіи вышедшей за *Аристарха Кашки*на; младшая сестра ея, Анна, ничего не получила, потому что ей всего было 13 или 14 лѣтъ. На другой день вечеромъ послѣ того какъ я совершенно полновластно и никого не спрашиваясь устроила свое хозяйство, давали комедію. Надо было проходить туда комнатами матушки. Комедію смотрѣли императрица, великій князь и весь дворъ. Ее давали въ маленькомъ театрѣ, который былъ устроенъ въ манежѣ,

принадлежавшемъ въ царствованіе Анны герцогу Курляндскому (я занимала его комнаты). Послѣ комедіи, когда императрица возвратилась къ себѣ, графиня Разумовская явилась ко мнѣ въ комнату и объявила, что императрица не довольна тѣмъ, что я раздала мои вещи подъ присмотръ моимъ женщинамъ, и что она приказала взять назадъ у Жуковой ключи отъ моихъ бриліантовъ и отдать ихъ по прежнему мамзель Шенкъ. Графиня Румянцова тутъ же, въ моемъ присутствіи, исполнила это приказаніе, и ушла за тѣмъ. У насъ съ Юковой вытянулись лица; а мамзель Шенкъ торжествовала послѣ такаго довѣрія, оказаннаго ей императрицею. Она начала подымать носъ передо мною, и оттого стала еще глупѣе прежняго и еще менѣе внушала къ себѣ расположенія.

На первой недѣли великаго поста у меня была очень странная сцена съ великимъ княземъ. Утромъ я съ своими женщинами, которыя всѣ были очень набожны, была у себя въ комнатѣ и слушала заутреню, которую служили въ передней комнатѣ, какъ вдругъ ко мнѣ явилось посольство отъ великаго князя; онъ прислалъ своего карлика спросить о моемъ здоровьи и сказать, что по случаю великаго поста онъ въ этотъ день не придетъ ко мнѣ. Когда карликъ вошелъ, мы всѣ слушали молитвы и во всей точности исполняли правила поста, по нашему обряду. Я велѣла передать великому князю обыкновенное привѣтствіе, карликъ ушелъ назадъ. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ былъ тронутъ тѣмъ что видѣлъ или вообразилъ, что дорогой господинъ его, вовсе не имѣвшій охоты молиться, захочетъ послѣдовать нашему примѣру; или можетъ быть по глупости, только что, воз-

вратившись въ комнату великаго князя, онъ началъ чрезвычайно расхваливать благочестіе, царствовавшее у меня въ комнатахъ, и этимъ самымъ очень разсердилъ противъ меня великаго князя. При первой нашей встрѣчѣ я увидала, что онъ на меня дуется, и когда спросила за что, онъ сталъ меня бранить за чрезмѣрную набожность, и онъ сослался на карлика, какъ на очевидца. Я возражала ему, говоря, что исполняю только приличіе, котораго невозможно обойти безъ скандала и дѣлаю то, что всѣ дѣлаютъ; но онъ оставался при своемъ мнѣніи. Споръ этотъ, кончился также какъ кончается большая часть споровъ, т. е. каждый остался при своемъ; но такъ какъ во время обѣдни его императорскому высочеству не съ кѣмъ было больше говорить, какъ со мною, то по немногу онъ переставалъ дуться на меня.

Чрезъ два дни послѣ этого произошла другая тревога. Было утро; у меня служили заутреню, какъ вошла ко мнѣ въ комнату мамзель Шенкъ, вся взволнованная, и объявила, что матушкѣ дурно и что она въ обморокъ. Я тотчасъ побѣжала къ ней и нашла ее на полу на матрацѣ, но въ памяти. Я осмѣлилась спросить что съ нею; она отвѣчала, что хотѣла пустить себѣ кровь, но что фельдшеръ по неловкости четыре раза не попадалъ куда слѣдуетъ въ обоихъ рукахъ и ногахъ, и что отъ этого она лишилась чувства. Я знала, какъ матушка боялась кровопусканія и не могла понять, какъ ей вздумалось пустить себѣ кровь, и за чѣмъ это было нужно. Тѣмъ не менѣе она упрекала мнѣ, что я вовсе не принимаю въ ней участія, и по этому поводу наговорила мнѣ множество непріятностей. Я защищалась какъ

могла и извиняла себя невѣдѣніемъ; но видя, что она въ дурномъ нравѣ, я замолчала, старалась удерживать слезы и оставалась при ней до тѣхъ поръ, пока она съ неудовольствіемъ приказала мнѣ уйти. Я возвратилась въ свою комнату въ слезахъ и когда мои женщины спрашивали о чемъ я плачу, я имъ разсказала все какъ было. По нѣскольку разъ въ день я ходила въ комнаты къ матушкѣ, и оставалась тамъ сколько слѣдовало, чтобъ не быть ей въ тягость, чего она строго всегда требовала и къ чему я очень привыкла. Въ жизни моей я ничего такъ не избѣгала какъ быть кому нибудь въ тягость, и я всегда удалялась тотчасъ же, какъ скоро въ душѣ моей раждалось подозрѣніе, что я могу быть въ тягость, и слѣдовательно могу наскучить; но я знаю по опыту, что не всѣ держатся этого правила, потому что мнѣ часто приходилось терпѣть отъ людей, которые не умѣютъ удаляться, прежде чѣмъ отяготятъ собою и наскучатъ.

Во время поста матушка испытала и настоящее огорченіе: совершенно неожиданно она получила извѣстіе, что младшая сестра моя, Елисавета, трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду, скоропостижно скончалась. Матушка была очень огорчена; я также плакала по сестрѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ одно прекрасное утро, императрица пришла ко мнѣ въ комнату. Она послала за матушкою, и вмѣстѣ съ нею пошла въ мою уборную, гдѣ онѣ долго на единѣ разговаривали, и затѣмъ возвратились въ мою спальню, матушка съ красными глазами и въ слезахъ. Онѣ продолжали говорить, и я узнала, что дѣло шло о кончинѣ императора Карла VII, о которой императрица тогда получила извѣстіе. Въ это время

императрица еще ни съ кѣмъ не заключила союза и колебалась между Пруссіею и Австріею, которыя обѣ имѣли своихъ приверженцевъ. Она имѣла одинѣ и тѣже причины неудовольствія, какъ и противъ австрійскаго дома такъ и противъ Франціи, съ которою былъ въ дружбѣ король прусскій; ибо если маркизъ Ботта министръ Вѣнскаго двора, былъ принужденъ выѣхать изъ Россіи за дурные отзывы на счетъ императрицы, которымъ въ то время постарались придать значеніе заговора, то съ другой стороны подъ этимъ же предлогомъ былъ высланъ изъ Россіи и маркизъ Де-ля-Шетарди. Я не знаю, что собственно было цѣлью разговора императрицы съ матушкою; но матушка по видимому осталась очень довольна имъ и возымѣла великія надежды. Въ то время она вовсе не была расположена къ австрійскому дому. Что касается до меня, то во всемъ этомъ я была просто зрителемъ, весьма страдательнымъ, весьма скромнымъ, и можно сказать даже равнодушнымъ.

Послѣ святой, когда настала весна, я сказала графинѣ Румянцовой, что мнѣ хотѣлось бы выучиться ѣздить верхомъ, и она испросила на то согласіе императрицы. Ровно черезъ годъ послѣ воспаленія, которымъ я была больна въ Москвѣ у меня начались боли въ груди; я по прежнему была чрезвычайно худа, и по совѣту докторовъ пила каждое утро молоко и Зельцерскую воду. Въ домѣ Румянцовой, въ казармахъ измайловскаго полка, я взяла первый урокъ верховой ѣзды; въ Москвѣ я ѣздила нѣсколько разъ верхомъ, но очень дурно.

Въ Маѣ мѣсяцѣ императрица съ великимъ княземъ переѣхали въ лѣтній дворецъ; а мнѣ съ ма-

тушкой дали каменное строеніе, въ то время находившееся вдоль Фонтанки, возлѣ дома Петра I. Часть этого строенія занимала матушка, а другую часть я. Тутъ прекратились частыя посѣщенія великаго князя; онъ прислалъ человѣка на чисто сказать мнѣ, что живетъ слишкомъ далеко отъ меня, и потому не можетъ часто видаться со мною. Я хорошо чувствовала, какъ ему мало было до меня дѣла, и какъ мало онъ меня любитъ. Мое самолюбіе и моя суетность страдали, но я была слишкомъ горда, чтобы горевать о томъ; я сочла бы себѣ униженіемъ, если кто нибудь смѣлъ изъявлять мнѣ состраданіе. Но тѣмъ не менѣе оставаясь одна, я заливалась слезами; потомъ тихонько утирала ихъ и отправлялась шалить съ моими дѣвушками. Матушка также обращалась со мною очень холодно и церемонно; но не проходило дня, чтобы я по нѣскольку разъ не навѣщала ея. Въ сущности мнѣ было очень скучно, но я никому о томъ не говорила. Жукова однажды подмѣтила мои слезы и стала распрашивать. Я ей сказала причины, какія мнѣ показались наиболѣе правдоподобными, но скрыла настоящія. Больше чѣмъ когда либо я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески пріобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда въ лѣтній дворецъ, начали говорить о приготовленіяхъ къ моей свадьбѣ. Дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ мы всѣ были больше вмѣстѣ, нежели въ городѣ. Императрица и великій князь занимали верхъ дома, построеннаго Петромъ I, ма-

тушка и я жили внизу, въ комнатахъ принадлежавшихъ великому князю. Мы каждый день обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ палаткѣ, на открытой галлереѣ, пристроенной къ его комнатамъ; ужиналъ онъ у насъ. Императрицы часто не было: она уѣзжала въ разныя деревни свои. Мы много гуляли — пѣшкомъ, верхомъ и въ коляскѣ. Тутъ для меня стало ясно какъ день, что всѣ приближенные великаго князя, и въ томъ числѣ его воспитатели, не пользовались вовсе его уваженіемъ и утратили надъ нимъ всякую власть. Военныя забавы, которымъ онъ до сихъ поръ предавался тайкомъ, производились теперь чуть ли не въ ихъ присутствіи. Графъ Брюмеръ и другой главный воспитатель бывали при немъ только въ публикѣ, составляя его свиту. Все остальное время онъ проводилъ исключительно въ обществѣ лакеевъ, и предавался ребячеству, удивительному для его возраста, именно игралъ въ куклы. Матушка, пользуясь отсутствіемъ императрицы, уѣзжала на ужины въ окрестныя деревни, всего чаще къ принцу и принцессѣ Гессенъ-Гомбургскимъ. Моя комната прямо выходила въ садъ, такъ что стоило отворитъ дверь, чтобъ быть съ саду. Однажды вечеромъ матушки не было дома (она уѣхала верхомъ въ гости), и я послѣ ужина захотѣла воспользоваться прекрасною погодою, и предложила моимъ женщинамъ и тремъ моимъ фрейлинамъ прогуляться по саду. Уговорить ихъ вовсе было не трудно. Насъ собралось восьмеро, мой камердинеръ былъ девятый, и за ними шли еще два лакея. Мы гуляли до полночи невиннѣйшимъ образомъ. Когда матушка возвратилась, мамзель Шенкъ, отказавшаяся гулять съ нами и осуждавшая нашу прогулку, тотчасъ же побѣжала къ ней и

сказала, что я ушла гулять не смотря на то, что она меня отговоривала. Матушка легла спать и когда я возвратилась съ моей свитою, мамзель Шенкъ торжественно возвѣстила мнѣ, что матушка два раза присылала спрашивать, возвратилась ли я и хотѣла меня видѣть, но за позднимъ временемъ и уставши дожидаться меня, легла почивать. Я тотчасъ побѣжала къ ней, но дверь была уже заперта. Я говорила мамзель Шенкъ, за чѣмъ она меня не кликнула; она увѣряла, что не могла насъ отъискать; но все это было сдѣлано, чтобы только досадить мнѣ и побранить меня. Я хорошо это чувствовала и легла въ постель съ большимъ безпокойствомъ. На другой день, только что проснувшись, я поспѣшила къ матушкѣ и нашла ее еще въ постелѣ. Я хотѣла подойти и поцаловать у нея руку, но она съ гнѣвомъ не допустила меня до себя и начала страшно бранить меня, какъ я смѣла гулять въ саду безъ ея позволенія. Я отвѣчала, что ея не было тогда дома. Она говорила, что въ это время гулять неприлично, и прибирала еще разнаго рода упреки, вѣроятно для того, чтобы отнять у меня охоту къ ночнымъ прогулкамъ; тѣмъ не менѣе, если и можно было назвать эту прогулку неблагоразумною, то во всякомъ случаѣ она была самымъ невиннымъ дѣломъ. Но всего больше меня огорчало ея обвиненіе, будто мы ходили на верхъ, въ комнаты великаго князя. Я назвала это вопіющею клеветою, послѣ чего она такъ разсердилась, что, казалось, выходила изъ себя. Чтобы укротить ея гнѣвъ, я поскорѣе стала на колѣни; но она говорила, что я разыгрываю комедію изъ своей покорности — и прогнала меня отъ себя. Со слезами возвратилась я въ мою комнату. Обѣдать

мы пошли на верхъ къ великому князю. Матушка все еще была очень сердита. Великій князь, видя мои красные глаза, спросилъ, что со мною, и я ему разсказала всю правду. На этотъ разъ онъ принялъ мою сторону и обвинялъ матушку въ каприсахъ и въ раздражительности. *Я просила его, чтобъ онъ ни слова не говорилъ* ей; онъ послушался, и гнѣвъ матушкинъ понемногу прошелъ, но она продолжала обратиться со мною очень сухо. Изъ Петергофа въ исходѣ Іюля мы переѣхали назадъ въ городъ, гдѣ все готовилось торжествовать нашу свадьбу.

Наконецъ Императрица назначила быть свадьбѣ 21 Августа. По мѣрѣ того какъ приближался этотъ день, меланхолія все болѣе и болѣе овладѣвала мною. Сердце не предвѣщало мнѣ счастія; одно честолюбіе меня поддерживало. Въ глубинѣ души моей было не знаю что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано *или поздно я добьюсь, что сдѣлаюсь самодержавною* русскою императрицею. Свадьба была отправлена съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Накануне я встрѣтила въ моихъ комнатахъ мадамъ Крузе, сестру императрицыной первой камерфрау: Императрица опредѣлила ее ко мнѣ въ первую камерфрау. На другой же день я замѣтила, что она приводила въ отчаяніе всѣхъ остальныхъ моихъ женщинъ; я по обыкновенію подошла было къ одной изъ нихъ, но она сказала: Ради Бога, не подходите ко мнѣ, намъ запрещено говорить съ вами въ полголоса. Съ другой стороны любезный супругъ мой рѣшительно не занимался мною, *но все время проводилъ съ своими лакеями*, играя въ солдаты, экзерсируя ихъ въ своей комнатѣ, или перемѣняя мундиры по двадцати разъ

на день. Я скучала и зѣвала; мнѣ не съ кѣмъ было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню. На третій день свадьбы, въ день роздыха, графиня Румянцова увѣдомила меня, что императрица отставила ее отъ меня и что она переѣзжаетъ въ свой домъ къ мужу и дѣтямъ. Я не очень сожалѣла о ней, потому что черезъ нее выходило много сплетней.

Свадебные праздники продолжались десять дней. За тѣмъ мы съ великимъ княземъ переселились въ лѣтній дворецъ, гдѣ жила Императрица. Въ это же время стали говорить объ отъѣздѣ матушки, съ которою со времени моего замужства я уже не видалась ежедневно, и которая съ той поры стала обращаться со мною гораздо мягче. Въ исходѣ Сентября она уѣхала; великій князь и я провожали ее до Краснаго Села. Ея отъѣздъ искренно огорчилъ меня, и я много плакала. Простившись съ нею, мы поѣхали назадъ въ городъ. Воротившись во дворецъ, я велѣла позвать дѣвицу Юкову; мнѣ отвѣчали, что она отправилась навѣстить больную мать свою. На другой день я опять спросила о ней; женщины мои отвѣчали мнѣ тоже. Въ этотъ день, около полудня, императрица съ великимъ торжествомъ переселилась изъ лѣтняго дворца въ зимній; мы слѣдовали за нею въ ея покои. Дошедши до парадной спальни своей, она остановилась, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, стала говорить объ отъѣздѣ моей матушки и по видимому милостиво приказывала мнѣ чтобы я перестала горевать о ней. Но какъ же я была изумлена, когда вслѣдъ за тѣмъ, въ присутствіи тридцати человѣкъ, она мнѣ объявила, что Юкова взята отъ меня по просьбѣ матушки, которая опасалась, чтобы я не пристра-

стилась через чуръ къ этой дѣвушкѣ, вовсе того незаслуживающей; и при этомъ императрица говорила о бѣдной Юковой съ замѣтнымъ раздраженіемъ. Сказать правду, эта сцена вовсе не была для меня ни убѣдительна, ни поучительна; но меня глубоко опечалила судьба Юковой, которую удалили отъ двора единственно потому что я любила ее больше другихъ моихъ женщинъ за ея общительный нравъ. Зачѣмъ же опредѣлили ее ко мнѣ — говорила я сама себѣ — если она не заслуживала того. Матушка не могла ее знать, не могла даже говорить съ нею, потому что не знала по русски, а Юкова не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ; матушка не могла имѣть съ ней никакихъ сношеній иначе какъ чрезъ глупую мамзель Шенкъ, которая была почти вовсе безъ здраваго смысла. Юкова терпитъ за меня *ergo* не слѣдуетъ оставлять ее въ ея несчастіи, причина котораго заключается единственно въ моемъ расположеніи къ ней. Я никогда не могла узнать на вѣрное, въ самомъ ли дѣлѣ матушка просила Императрицу удалить отъ меня эту дѣвушку; если это было такъ, то матушка предпочла насильственныя мѣры мѣрамъ кроткимъ, потому что она никогда ничего не говорила мнѣ объ Юковой, между тѣмъ какъ стоило ей сказать одно слово, *и я по крайней мѣрѣ* стала бы остерегаться этой привязанности, хотя совершенно невинной. Впрочемъ, съ другой стороны, Императрица также могла бы поступить не столь рѣзкимъ образомъ. Юкова была молода; стоило бы сыскать ей приличную партію, что было бы очень легко. Вмѣсто того, съ нею поступили, какъ я разсказала выше.

Откланявшись Императрицѣ, мы съ великимъ княземъ пошли въ свои комнаты. Дорогою я

замѣтила, что онъ заранѣе зналъ отъ своей тетушки о томъ, что она мнѣ теперь объявила. Я ему передала свое недовольствіе и объяснила, что эта дѣвушка потерпѣла несчастіе единственно изъ за это, что возымѣли подозрѣніе, будто я къ ней пристрастилась, и что такъ какъ она терпитъ изъ любви ко мнѣ, то я считаю себя въ правѣ не покидать ея, по крайней мѣрѣ на сколько это зависитъ отъ меня. Дѣйствительно, что я тотчасъ же послала ей денегъ черезъ моего камердинера; но онъ мнѣ сказалъ, что она уже уѣхала съ матерью и сестрою въ Москву. Я приказала передать ей деньги черезъ брата, служившаго сержантомъ въ гвардіи. Мнѣ сказали, что ему также и женѣ его велѣно ѣхать, и что его перевели офицеромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Въ то время я никакъ не могла объяснить себѣ, какая была всему этому причина; мнѣ казалось, что тутъ зло дѣлали даромъ, по капризу, безъ малѣйшей причины и даже безъ предлога. Но дѣло не остановилось на этомъ. Посредствомъ моего камердинера и другихъ людей моихъ я старалась сыскать для Юковой приличную партію; мнѣ предложили одного гвардейскаго сержанта Травина, дворянина съ состояніемъ. Онъ поѣхалъ въ Москву съ тѣмъ чтобы жениться на ней если понравится ей, и дѣйствительно женился. Его сдѣлали капитаномъ въ одномъ армейскомъ полку. Какъ скоро Императрица узнала объ этомъ, она сослала ихъ въ Астрахань. Трудно понять, что была за цѣль этого преслѣдованія.

Въ Зимнемъ Дворцѣ мы съ великимъ княземъ жили въ отведенныхъ намъ покояхъ. Комнаты великаго князя отдѣлялись отъ моихъ огромною

лѣстницею, которая вела также въ покои Императрицы. Чтобы ему придти ко мнѣ, или мнѣ къ нему, надо было пройти часть этой лѣстницы, что разумѣется было не совсѣмъ удобно, и особливо зимою. Тѣмъ не менѣе мы съ нимъ по нѣсколько разъ въ день совершали это путешествіе. По вечерамъ я приходила въ его переднюю комнату играть съ оберъ-камергеромъ Бергхольцомъ, а великій князь въ другой комнатѣ дурачился съ своими кавалерами. Моя игра на биліардѣ прекратилась съ отъѣздомъ господъ Брюмера и Бергхольца, которыхъ Императрица уволила отъ великаго Князя въ исходѣ зимы 1746 года.

Въ эту зиму было много маскерадовъ въ значительныхъ домахъ Петербурга, которые въ то время были очень малы. Дворъ и весь городъ обыкновенно собирались на эти маскерады. Послѣдній былъ данъ Татищевымъ, въ домѣ принадлежавшемъ Императрицѣ и называвшемся Смольнымъ Дворцемъ. Середина этого деревяннаго дома сгорѣла, и оставались только двухъ-этажные флигеля. Въ одномъ изъ нихъ танцовали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ, такъ что надо было въ серединѣ Января проходить дворомъ, по снѣгу; и послѣ ужина всѣ опять отправились въ первый флигель. Возвратившись домой, великій князь легъ спать, но на другой день проснулся съ сильною болью, такъ что не могъ встать съ постели. Я велѣла позвать докторовъ, которые объявили, что у него жестокая горячка. Вечеромъ его перенесли съ моей постели въ мою аудіенцъ-камеру, гдѣ пустили ему кровь и уложили въ приготовленную постель. Ему нѣсколько разъ отворяли кровь, и онъ былъ очень опасенъ. Императрица по нѣсколько разъ въ день приходила

навѣщать его и была очень довольна, замѣчая у меня на глазахъ слезы.

Однажды вечеромъ я читала вечернія молитвы въ небольшой образной, находившейся возлѣ моей уборной комнаты, какъ взошла ко мнѣ госпожа Измайлова, одна изъ любимицъ Императрицы. Она сказала мнѣ, что Императрица, зная какъ я огорчаюсь болѣзнью великаго князя, прислала сказать мнѣ, чтобъ я надѣялась на Бога и не огорчалась, и что она ни въ какомъ случаѣ меня не покинетъ. Измайлова спросила, что я читаю; я показала ей молитвы на сонъ грядущій, на что она замѣтила, что молитвенникъ напечатанъ слишкомъ мелко и что я испорчу себѣ глаза, читая со свѣчею. За тѣмъ я попросила ее поблагодарить Императрицу за ея ко мнѣ милости, и мы разстались весьма дружелюбно; она отправилась къ Императрицѣ передать ей то что я сказала, а я пошла спать. На слѣдующее утро Императрица прислала мнѣ молитвенникъ напечатанный крупными буквами, для того, какъ она говорила, чтобъ я не портила глазъ. Въ комнату гдѣ лежалъ великій князь, хотя она была возлѣ моей, я нарочно не ходила часто, потому что замѣтила, что ему все равно тутъ ли я или нѣтъ, и что ему пріятнѣе было оставаться со своими приближенными, которые, сказать правду, были мнѣ не совсѣмъ пріятны. При томъ же я не привыкла проводить время такъ, чтобы быть среди людей и не смотря на то оставаться въ одиночествѣ. Между тѣмъ наступилъ великій постъ. На первой недѣлѣ я говѣла. Вообще въ то время я была наклонна къ набожности. Я очень хорошо видѣла, что великій князь вовсе не любитъ меня; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы онъ опять признался мнѣ въ своей

страсти къ дѣвицѣ Карръ, императрициной фрейлинѣ, вышедшей потомъ за мужъ за князя Голицына, шталмейстера Императрицы. Графу Дивіеру, своему камергеру, онъ сказалъ, что между этой дѣвушкой и мною не можетъ быть никакаго сравненія. Дивіеръ былъ противнаго мнѣнія, онъ на него разсердился за это. Эта сцена происходила почти въ моемъ присутствіи, и я видѣла, какъ онъ дулся на Дивіера. Въ самомъ дѣлѣ — разсуждала я сама съ собою — не истребливъ себѣ нѣжныхъ чувствъ къ этому человѣку, который такъ дурно платитъ за нихъ, я непремѣнно буду несчастлива и измучусь ревностью безъ всякаго толку. Вслѣдствіе этого я старалась восторжествовать надъ моимъ самолюбіемъ и изгнать изъ сердца ревность относительно человѣка, который не любилъ меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы онъ желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно; я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію моихъ обязанностей, но для этого мнѣ былъ нуженъ мужъ со здравымъ смысломъ, а мой его не имѣлъ. Я ѣла постное первую недѣлю великаго поста. Въ субботу Императрица велѣла сказать мнѣ, что ей было бы пріятно, чтобъ я попостилась еще вторую недѣлю. Въ отвѣтъ на это я просила, чтобъ Ея Величество позволила мнѣ ѣсть постное всѣ семь недѣль. Переговоры эти шли черезъ гофмаршала ея двора, Сиверса, зятя госпожи Крузе; онъ сказалъ мнѣ, что Императрица была чрезвычайно довольна моею просьбою и совершенно на нее согласна. Великій князь, узнавъ, что я продолжаю ѣсть постное, сталъ бранить меня; я возражала ему, что не могла

поступить иначе. Оправившись отъ болѣзни, онъ продолжалъ притворяться, чтобы не выходить изъ своей комнаты, гдѣ ему было пріятнѣе, чѣмъ на придворныхъ представленіяхъ. Онъ вышелъ уже на страстной недѣлѣ, на которой говѣлъ.

Послѣ святой онъ устроилъ у себя въ комнатѣ кукольный театръ, на который приглашалъ гостей и даже дамъ. Эти представленія были величайшею глупостью. Въ комнатѣ, гдѣ они давались, одна дверь была задѣлана, потому что она выходила въ покои Императрицы, и именно въ ту комнату, гдѣ стоялъ столъ съ машиною, опускавшійся и подымавшійся, такъ что на немъ можно было обѣдать безъ прислуги. Однажды великій князь, приготовляя такъ называемой спектакль свой, услышалъ, что въ этой сосѣдней комнатѣ кто то говорилъ. Будучи непомѣрно живъ, онъ тотчасъ схватилъ находившійся тутъ столярный приборъ, которымъ обыкновенно просверливаютъ дыры въ доскахъ, и принялся сверлить задѣланную дверь такъ что наконецъ можно было видѣть, что за нею было. Императрица обѣдала тамъ; съ нею сидѣлъ оберъегермейстеръ графъ Разумовскій въ стеганомъ шлафрокѣ (онъ въ этотъ день принималъ лекарство и еще человѣкъ двѣнадцать самыхъ приближенныхъ людей). Его Императорское Высочество, мало того что самъ наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласилъ тѣхъ, кто былъ съ нимъ, раздѣлить его удовольствіе и поглядѣть въ щели, просверленныя имъ съ такимъ искуствомъ. Когда онъ и его приближенные насытились вдоволь этимъ нескромнымъ удовольствіемъ, онъ началъ звать къ себѣ мадамъ Крузе, меня и моихъ дамъ, предлагая намъ посмотрѣть кое что, чего мы никогда не видали. Онъ

намъ не сказывалъ что это такое, вѣроятно для того, чтобы пріятно изумить насъ. Я не слишкомъ торопилась исполнить его желаніе; но Крузе и мои дамы пошли за нимъ. Я подошла послѣдняя, и нашла ихъ передъ этою дверью гдѣ онъ наставилъ скамеекъ, стульевъ и подножекъ, для удобства зрителей, какъ говорилъ онъ. Подходя, я спросила что это такое; онъ подбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и сказалъ въ чемъ дѣло. Эта дерзкая глупость испугала и привела меня въ негодованіе. Я тотчасъ объявила, что не хочу ни смотрѣть, ни принимать участіе въ такой опасной забавѣ, которая конечно навлечетъ ему непріятностей, *если тетушка узнаетъ о томъ, и что трудно* чтобъ она не узнала, такъ какъ онъ посвятилъ въ свою тайну по крайней мѣрѣ человѣкъ двадцать. Всѣ тѣ, которые собирались посмотрѣть въ щели, видя мой отказъ, начали по одиночкѣ уходить отъ двери. Великій князь тоже нѣсколько смутился, и сталъ по прежнему заниматься своимъ кукольнымъ театромъ, а я ушла къ себѣ въ комнату. До воскресенья все было тихо. Въ этотъ день не знаю почему то, противъ обыкновенія, я опоздала къ обѣднѣ. Возвратившись къ себѣ, я пошла снимать придворное платье, какъ вдругъ явилась Императрица съ весьма разгнѣваннымъ *видомъ и раскраснѣвшись. Я не видала* ее за обѣднею, потому что она стояла у обѣдни въ своей особой, малой церкви. По этому я какъ обыкновенно, подошла къ ней къ рукѣ. Она поцаловала меня, приказала кликнуть великаго князя, а между тѣмъ бранила меня, за чѣмъ я опоздала къ обѣднѣ и предпочла благочестію наряды. Она прибавила, что при Императрицѣ Аннѣ, хотя она не жила при дворѣ а въ особомъ

домѣ, довольно далеко отъ дворца, но тѣмъ не менѣе всегда исполняла свои обязанности, и что для этого она даже часто вставала при свѣчахъ. Потомъ она велѣла позвать моего парикмахера и сказала ему, что если впередъ онъ будетъ такъ медленно убирать мнѣ голову, то она его прогонитъ. Когда она кончила съ нимъ, явился великій князь. Онъ только что раздѣлся и пришелъ въ шлафрокѣ съ ночнымъ колпакомъ въ рукѣ, очень веселый и живой. Онъ подбѣжалъ къ рукѣ Императрицы. Она его поцѣловала, и начала спрашивать, какъ онъ осмѣлился сдѣлать то, что сдѣлалъ. Она сказала, что была въ комнатѣ, гдѣ столъ съ машиною, и нашла дверь всю въ дырахъ, что всѣ дыры были противъ того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ, что онъ вѣроятно забылъ, чѣмъ ей обязанъ, что она считаетъ его неблагодарнымъ; что у ея отца, Петра I, также былъ неблагодарный сынъ, котораго онъ наказалъ, лишивъ его наслѣдства; что при Императрицѣ Аннѣ всегда оказывала ей почтеніе, подобающее лицу коронованному и богомъ помазанному; что Императрица Анна не любила много говорить и сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей почтенія; что онъ мальчишка, котораго она выучитъ какъ нужно жить. Тутъ великій князь началъ сердиться, хотѣлъ отвѣчать ей и пробормоталъ нѣсколько словъ; но она приказала ему молчать, и взволновалась до такой степени, что больше не знала мѣры своему гнѣву, что съ нею обыкновенно случалось, когда она сердилась. Она наговорила ему множество оскорбительныхъ и рѣзкихъ вещей, показывая ему и гнѣвъ свой и презрѣніе. Мы оба были изумлены и поражены, и хотя эта сцена не относилась прямо до меня, но у меня на-

вернулись слезы. Она замѣтила это и сказала: Все что я говорю, до тебя не относится; я знаю, что ты не смотрѣла и не хотѣла смотрѣть сквозь дверь. Произнесши это справедливое сужденіе, она черезъ это самое нѣсколько успокоилась и замолчала. Впрочемъ трудно было еще что нибудь прибавить къ тому что она сказала. Поклонившись намъ, она ушла къ себѣ, вся красная и съ сверкающими глазами. Великій князь пошелъ къ себѣ, а я стала молча раздѣваться и обдумывала слышанное. Когда я раздѣлась, великій князь пришелъ ко мнѣ, и сказалъ нѣсколько пристыженнымъ и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ: она была точно фурія и не знала что говорила. Мы толковали слова ея, и потомъ сѣли вдвоемъ обѣдать у меня въ комнатѣ. Когда великій князь ушелъ къ себѣ, ко мнѣ явилась мадамъ Крузе и сказала: надо сказать правду, Императрица нынче поступила какъ настоящая мать. Я видѣла, что она хочетъ вызвать меня на разговоръ и потому нарочно молчала. Она продолжала: мать гнѣвается и бранится на дѣтей своихъ, и потомъ гнѣвъ проходитъ. Вамъ обоимъ стоило сказать ей: *Виноваты, матушка*, и вы бы ее обезоружили. Я замѣтила, что мы были изумлены и поражены гнѣвомъ ея величества, и что я ничего не могла сдѣлать въ эту минуту, какъ только слушать и молчать. Крузе ушла отъ меня, по всему вѣроятію чтобъ передать Императрицѣ что она отъ меня вывѣдала. Что же касается до меня, то слова: *виноваты, матушка*, какъ средство смягчить гнѣвъ Императрицы, остались у меня въ головѣ, и потомъ я при случаѣ съ успѣхомъ воспользовалась ими, какъ будетъ показано ниже.

Не задолго передъ тѣмъ какъ Императрица

уволила графа Брюмера и оберъкамергера Бергхольца должностей, которыя они занимали при великомъ князѣ, однажды утромъ, я вышла въ переднюю комнату раньше обыкновеннаго и нашла въ ней Брюмера. Пользуясь тѣмъ, что мы были на единѣ, Брюмеръ просилъ и заклиналъ меня ежедневно ходить въ уборную Императрицы. Надо сказать, что матушка передъ отъѣздомъ своимъ выпросила мнѣ эту привилегію, но до сихъ поръ я очень мало сю пользовалась, потому что мнѣ чрезвычайно было тамъ скучно; разъ или два я ходила туда, но женщины Императрицы обыкновенно удалялись одна за другой, такъ что я оставалась одна въ уборной. Я передала все это Брюмеру. Онъ мнѣ говорилъ, что на это смотрѣть нечего и что надо продолжать. Сказать правду, я ничего не понимала въ этомъ царедворческомъ постоянствѣ; можетъ быть онъ имѣлъ тутъ свои виды, но для себя я не видала никакой нужды торчать въ Императрициной уборной, и сверхъ того быть въ тягость ей. Я сказала Брюмеру, что чувствую отвращеніе къ этимъ дежурствамъ; онъ всячески старался убѣдить меня, но не успѣлъ. Мнѣ гораздо было пріятнѣе оставаться у себя въ комнатахъ и особливо безъ мадамъ Крузе. Въ эту зиму я подмѣтила за ней рѣшительную страсть къ пьянству. Она выдавала тогда дочь свою за гофмаршала Сиверса и часто отлучалась, либо люди мои находили средство напоить ее, послѣ чего она уходила спать, и я такимъ образомъ избавлялась отъ этого ворчливаго аргуса.

По увольненіи графа Брюмера и оберъкамергера Бергхольца отъ должностей при великомъ князѣ, Императрица опредѣлила состоять при немъ генералу Князю Василію Репнину. Лучшаго вы-

бора Императрица не могла сдѣлать; князь Репнинъ былъ не только благородный и честный, но сверхъ того умный и очень любезный человѣкъ, проникнутый чувствомъ законности, и съ чистыми правилами. Въ отношеніи лично ко мнѣ князь Репнинъ дѣйствовалъ выше всѣхъ похвалъ. О графѣ Брюмерѣ я не жалѣла; онъ мнѣ надоѣдалъ своими вѣчно политическими разговорами и страстью къ интригамъ. Напротивъ открытый нравъ князя Репнина, который какъ военный человѣкъ, чуждъ былъ всякихъ козней, внушалъ мнѣ довѣріе. Что касается до великаго князя, то онъ былъ въ восторгѣ, избавившись отъ своихъ педагоговъ, которыхъ терпѣть не могъ. Но прощаясь съ нимъ они порядочно настращали его, сказавъ, что оставляютъ его въ жертву интригамъ графа Бестужева, который былъ главною пружиною во всѣхъ перемѣнахъ, совершавшихся въ Гольштинскомъ герцогствѣ, подъ мнимымъ предлогомъ совершеннолѣтія великаго князя. Дядя мой принцъ Августъ по прежнему жилъ въ Петербургѣ, выжидая, чтобъ ему поручили управленіе Гольштиніей.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы переѣхали въ Лѣтній Дворецъ. Въ исходѣ мая Императрица приставила ко мнѣ, въ качествѣ главной надзирательницы, родственницу свою и статсъ-даму, Чоглокову. Это назначеніе поразило меня какъ громомъ. Чоглокова во всемъ слушалась графа Бестужева, была до крайности проста, злаго сердца, капризна и очень корыстолюбива. Мужъ ея, камергеръ, въ это время ѣздилъ въ Вѣну, не знаю съ какимъ то порученіемъ отъ Императрицы. Увидавъ, что она переѣзжаетъ ко мнѣ, я во весь тотъ день, я много плакала; на слѣдующее утро я должна была пустить себѣ кровь. Утромъ Им-

ператрица пришла ко мнѣ въ комнату и замѣтивъ что у меня красны глаза, сказала, что молодыя женщины, которыя не любятъ мужей своихъ, обыкновенно плачутъ, что матушка моя увѣряла ее въ моемъ расположенiи къ великому князю, что впрочемъ она меня не принуждала къ этому браку, и что какъ скоро я уже за мужемъ, то нечего больше плакать. Я вспомнила наставленiе мадамъ Крузе и сказала ей: *Виновата, матушка,* послѣ чего она утихла. Между тѣмъ пришелъ великiй князь; Императрица на этотъ разъ приняла его сухо, и за тѣмъ удалилась. Мнѣ пустили кровь, въ чемъ я имѣла большую нужду. Потомъ я легла въ постель и цѣлый день проплакала. На другой день послѣ обѣда великiй князь отвелъ меня въ сторону и изъ словъ его я тотчасъ догадалась, что ему сказали, что Чоглокова приставлена ко мнѣ потому что я его не люблю. Я сказала ему, что не могу понять, какимъ образомъ вздумали усилить мою нѣжность къ нему, давъ мнѣ эту женщину. Другое дѣло быть моимъ Аргусомъ, но для этого слѣдовало выбрать кого нибудь по умнѣе; для такой должности, мало злости и капризовъ. Чоглокова слыла очень добродѣтельною женщиною, потому что въ то время безъ памяти любила своего мужа. Она вышла за него по любви: мнѣ дали ее какъ прекрасный примѣръ для подражанiя. Увидимъ, до какой степени удался опытъ. Но тутъ было обстоятельство, которое, какъ кажется, ускорило, ибо думаю, что и съ самаго начала графъ Бестужевъ старался окружить насъ своими клевретами; ему хотѣлось точно тоже устроить и при дворѣ Императрицы, но тамъ дѣло было труднѣе. Когда я прiѣхала въ Москву, у великаго князя было

трое камерлакеевъ, *по фамиліи* Чернышевы, всѣ трое сыновья гренадеровъ изъ Императрицыной Лейбкомпаніи (*эти лейбкомпанцы состояли* въ капитанскомъ чинѣ, въ вознагражденіе за то, что возвели Императрицу на престолъ). Великій князь очень *любилъ ихъ, всѣхъ троихъ*. *Они* считались въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей, и въ самомъ дѣлѣ были очень услужливы; всѣ трое высокаго роста и прекраснаго сложенья, особливо старшій, который исполнялъ всѣ порученія великаго князя и потому по нѣсколько разъ въ день *являлся ко мнѣ*. *Когда великому* князю не хотѣлось идти ко мнѣ, то всѣ свои тайны онъ передавалъ Чернышеву. Чернышевъ *былъ очень близокъ* и дружеиъ съ моимъ камердинеромъ, Евреиновымъ, и черезъ нихъ я часто узнавала много такаго, чего бы мнѣ никогда не пришлось узнать. *Кромѣ того оба они были ко мнѣ душевно* и сердечно привязаны; нерѣдко я получала отъ нихъ такія свѣденія о разныхъ вещахъ, которыя иначе *мнѣ было* бы трудно получить. Не знаю, по какому то случаю, старшій Чернышевъ однажды сказалъ великому князю: *Вѣдь она не моя невѣста, а ваша*. Великій князь разсмѣялся этому, передалъ это выраженіе мнѣ, и съ этихъ поръ называлъ меня въ шутку: *его невѣста*, а Андрея Чернышева, говоря *со мною*, *ваша женихъ*. Чтобы положить конецъ этому вздору, Андрей Чернышевъ, послѣ нашей свадьбы, предложилъ великому князю называть меня *его матушкою*, и я стала звать его *мой сынокъ*. Мы безпрестанно толковали съ великимъ княземъ объ этомъ сынкѣ; онъ не чаялъ въ немъ души, и я также очень привязалась къ нему. Но мои люди этимъ были не довольны, одни изъ зависти, другіе опасаясь послѣд-

ствій, которыя могли изъ этого выдти и для насъ. Однажды во время придворнаго маскерада, я пришла къ себѣ въ комнату перемѣнить платье; камердинеръ мой Тимофей Евреиновъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ и всѣ мои люди чрезвычайно боятся за меня, и что я подвергаю себя великой опасности. Я спросила, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ: Вы безпрестанно говорите объ Андреѣ Чернышевѣ, и имъ однимъ заняты. Ну такъ что же — возразила я въ невинности сердца — что тутъ дурнаго? Онъ мой сынокъ. Великій князь любитъ его также и еще больше какъ я; онъ къ намъ привязанъ и вѣренъ намъ. Да, отвѣчалъ онъ, все это правда; великій князь можетъ дѣлать что ему угодно, но вы другое дѣло. Вы награждаете этого человѣка за его вѣрную службу вашею милостью и привязанностью; но ваши люди толкуютъ о любви. Когда онъ произнесъ это слово, оно поразило меня какъ громомъ. Ничего подобнаго не входило мнѣ въ голову. Меня крайне встревожили и дерзкіе толки людей моихъ и то, что я находилась въ такомъ опасномъ положеніи, нисколько не подозрѣвая его. Евреиновъ сказалъ мнѣ, что изъ дружбы къ Чернышеву онъ посовѣтовалъ ему сказаться больнымъ для того, чтобы прекратить эти толки. Тотъ послушался, и мнимая болѣзнь его продолжалась почти до Апрѣля мѣсяца. Великій князь очень часто навѣдывался о немъ и безпрестанно говорилъ со мною объ этой болѣзни, ничего не подозрѣвая. Когда мы переѣхали въ Лѣтній Дворецъ, Андрей Чернышевъ появился вновь; я не могла больше его видѣть безъ смущенія. Между тѣмъ Императрица нашла нужнымъ подчинить дворцовую прислугу новому распорядку. Камерлакеи, слѣдовательно

въ числѣ ихъ и Андрей Чернышевъ, должны были служить во всѣхъ комнатахъ, по очередно. Послѣ обѣда у великаго князя часто бывали концерты, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ играя на скрыпкѣ. Я обыкновенно скучала на нихъ, и однажды ушла съ концерта къ себѣ въ комнату. Комната эта выходила въ большую залу Лѣтняго Дворца, въ которой тогда расписывали потолокъ и которая была загромождена подмостками. Императрицы не было дома, мадамъ Крузе отправилась къ своей дочери, мадамъ Сиверсъ; у себя въ комнатѣ я не нашла ни души. Отъ скуки я отворила дверь въ залу, и на другомъ концѣ ея увидала Андрея Чернышева. Я подозвала его знаками, и онъ подошелъ къ двери, правду сказать съ большимъ опасеніемъ. Я спросила его, скоро ли будетъ Императрица; онъ сказалъ мнѣ: Вы меня не разслышите, въ залѣ слишкомъ стучатъ; позвольте мнѣ взойти къ *вамъ въ комнату*. Я отвѣчала ему: Нѣтъ, не нужно. Говоря это, я держала дверь полуотворенную, а онъ стоялъ за дверью въ залѣ. Случайно я повернула голову въ противоположную сторону и увидѣла за собою у другой двери моей уборной комнаты камергера графа Дивіера; онъ сказалъ мнѣ: великій князь спрашиваетъ ваше высочество. Я затворила дверь въ залу и вмѣстѣ съ графомъ Дивіеромъ возвратилась въ комнаты, гдѣ великій князь давалъ свой концертъ. Впослѣдствіи я узнала, что графъ Дивіеръ, какъ и многіе другіе изъ состоявшихъ при насъ лицъ, занимался подслушиваніемъ и переносами. На *другой же день въ воскресенье*, послѣ обѣдни, мы съ великимъ княземъ узнали, что трое Чернышевыхъ были опредѣлены офицерами въ Орен-

бургскіе полки; и въ этотъ же самый день послѣ обѣда ко мнѣ приставили Чоглокову.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого намъ велѣно было готовиться къ путешествію вмѣстѣ съ Императрицею въ Ревель. Въ это же время Чоглокова объявила мнѣ отъ имени Ея Императорскаго Величества, что я могу больше не приходить въ Ея уборную, и если мнѣ что нибудь нужно сказать ей, то чтобы я относилась къ ней не иначе, какъ черезъ нее, Чоглокову. Въ сущности это распоряженіе очень меня обрадовало, избавивъ отъ обязанности торчать между Императрициными женщинами; впрочемъ я не слишкомъ часто и ходила туда и очень рѣдко видала Императрицу. Съ тѣхъ поръ какъ я стала ходить въ уборную, мнѣ удалось видѣть ее всего три или четыре раза, и обыкновенно когда я входила, Императрицины женщины одна за другой удалялись. Чтобъ не быть одной, я тоже не оставалась тамъ по долгу.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Императрица поѣхала въ Ревель, и мы волѣдъ за нею. Великій князь и я ѣхали въ четырехмѣстной коляскѣ; остальные два мѣста занимали принцъ Августъ и Чоглокова. Путешествіе наше отличалось скукой или неудобствами. Въ почтовыхъ и станціонныхъ домахъ обыкновенно располагалась сама Императрица; для насъ разбивали палатки, либо помѣщали насъ въ кухнѣ. Помню, что однажды во время этого путешествія мнѣ пришлось одѣваться у печки, въ которой пекли хлѣбъ, а въ другой разъ я взошла въ палатку, гдѣ мнѣ приготовлена была постель, и по колѣна замочилась въ водѣ. Кромѣ того, мы всѣ, и господа и слуги, вели самую безпокойную жизнь, такъ какъ у Императрицы не было опредѣленнаго часа ни для остановокъ, ни для

выѣздовъ, ни для обѣда, ни для ночлега. Наконецъ на десятый или на двѣнадцатый день, мы пріѣхали въ имѣніе графа Штейнбока, находящееся въ сорока верстахъ отъ Ревеля. Оттуда Императрица съ великою пышностію, двинулась дальше, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру быть въ Катериненталѣ; но не знаю, по какой причинѣ, только путешествіе наше продлилось до втораго часа утра. Во всю дорогу, начиная отъ Петербурга до самаго Ревеля, Чоглокова сидѣвшая съ нами, въ коляскѣ, страшно надоѣдала намъ и приводила насъ въ отчаяніе. При всякой шалости она твердила: это будетъ не угодно Ея Императорскому Величеству, ибо Императрица не останется этимъ довольна. Подобныя замѣчанія вызывались самыми невинными и самыми ничтожными случаями. Съ моей стороны я не думала возражать и почти всю дорогу проспала въ коляскѣ.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Катериненталь, придворная жизнь пошла прежнимъ, обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. въ залѣ занимавшей середину двухъэтажнаго дома, и составлявшей переднюю комнату Императрицы, съ утра до вечера и до поздней ночи происходила карточная игра, довольно значительная. Чоглокова была игрица. По ея настоянію я наравнѣ съ другими играла въ фараонъ, которымъ обыкновенно занимались всѣ любимцы Императрицы, если не уходили въ покой Ея Величества, или лучше сказать въ ея палатку. Эта большая и великолѣпная палатка была разбита возлѣ ея комнатъ, которыя находились въ нижнемъ этажѣ и были очень малы, какъ всѣ, построенныя Петромъ I (этотъ загородный домъ былъ его постройки; имъ же разведенъ и садъ). Князь и княгиня Репнины

бывшіе съ нами въ этомъ путешествіи и знавшіе, какъ высокомѣрно и безсмысленно обращалась съ нами Чоглокова, настаивали, чтобы я сказала о томъ Измайловой и графинѣ Шуваловой, главнымъ любимицамъ Императрицы. Обѣ онѣ не любили Чоглоковой и уже провѣдали, какъ она вела себя во время путешествія. Маленькая графиня Шувалова, до чрезвычайности болтливая, не дождалась меня, и подсѣвъ ко мнѣ во время игры, сама завела рѣчь объ обращеніи Чоглоковой. У нея былъ очень острый языкъ, и она умѣла придать такой видъ всему, что дѣлала Чоглокова, что вскорѣ сія послѣдняя стала общимъ посмѣшищемъ. Шувалова сдѣлала еще больше: она обо всѣмъ разсказала Императрицѣ. По всему вѣроятію, Чоглоковой дали нагоняй, такъ какъ послѣ этого она обращалась со мною гораздо вѣжливѣе, въ чемъ по истинѣ я имѣла великую нужду, потому что мной начинала одолѣвать страшная тоска. Я чувствовала себя въ совершенномъ одиночествѣ. Въ Ревелѣ великій князь временно влюбился въ мадамъ Цедерпарре, и по обыкновенію не замедлилъ открыться мнѣ въ этой любви. Я часто чувствовала боль въ груди и въ Катеринентал̇ѣ стала харкать кровью, вслѣдствіе чего мнѣ пускали кровь. Въ этотъ день послѣ обѣда, Чоглокова вошла ко мнѣ въ комнату и увидѣла что я плачу. Тутъ она сдѣлалась чрезвычайно нужна, спрашивала что со мною, и отъ имени Императрицы предложила мнѣ прогуляться по саду, чтобы разсѣять мою ипохондрію, какъ говорила она. Въ этотъ день великій князь ѣздилъ охотиться съ оберъегермейстромъ Разумовскимъ. Кромѣ того Чоглокова принесла мнѣ отъ Императрицы три тысячи рублей на игру въ фара-

онъ; дамы замѣтили, что у меня не достаетъ денегъ и сказали о томъ Ея Величеству. Я просила Чоглокову поблагодарить Императрицу за ея милости, и мы пошли вмѣстѣ въ садъ подышать воздухомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ насъ въ Катериненталь пріѣхалъ великій канцлеръ графъ Бестужевъ съ Императорскимъ посломъ барономъ Претлахомъ, и изъ словъ сего послѣдняго мы узнали, что оба Императорскіе двора заключили между собою союзный договоръ. За тѣмъ Императрица отправилась смотрѣть морскіе маневры; но кромѣ дыму отъ пушечныхъ выстрѣловъ мы ничего не видали; день былъ чрезвычайно жаркій, и на морѣ была совершенная тишина. По возвращеніи съ этихъ маневровъ, былъ балъ въ палаткахъ Императрицы, разбитыхъ на терассѣ; ужинать приготовили на чистомъ воздухѣ вокругъ фонтановъ, которые должны были играть; но едва Императрица сѣла за столъ, какъ начался проливный дождь, перемочившій все общество, которое кое какъ нашло убѣжище подъ палатками и въ домахъ, чѣмъ и кончился этотъ праздникъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ Императрица поѣхала въ Рогервикъ, гдѣ опять маневрировалъ флотъ и мы опять ничего не видали кромѣ дыму. Отъ этой поѣздки у насъ и всѣхъ разболѣлись ноги; Рогервикъ построенъ на скалѣ, покрытой толстымъ слоемъ маленькихъ камушекъ, такъ что если нѣсколько времени стоять на одномъ мѣстѣ, то ноги уходятъ вглубь и совершенно обсыпаются камушками. Мы останавливались въ палаткахъ, и по этимъ камнямъ приходилось безпрестанно ходить какъ въ самыхъ палаткахъ, такъ и изъ одной палатки въ другую. Слишкомъ четыре мѣсяца послѣ этого у меня болѣли ноги. Работники

строившіе плотину, надѣвали деревянные башмаки, которые не выдерживали такой ходьбы больше восьми или десяти дней. Императорскій посолъ сопровождалъ насъ съ этотъ портъ. Онъ тамъ обѣдалъ у Императрицы и потомъ ужиналъ на полдорогѣ между Рогервикомъ и Ревелемъ; во время ужина къ Императрицѣ привели статридцати-лѣтнюю старуху, которая была похожа на ходячій скелетъ. Императрица велѣла дать ей кушанья со своего стола и денегъ, послѣ чего мы поѣхали дальше. По возращеніи въ Катериненталь, Чоглокова была обрадована свиданіемъ съ мужемъ, который пріѣхалъ назадъ изъ Вѣны. Императрица намѣревалась ѣхать въ Ригу, и многіе придворные экипажи уже были высланы впередъ; но по пріѣздѣ изъ Рогервика она внезапно отмѣнила эту поѣздку. Многіе ломали себѣ голову и не могли догадаться, что была за причина такой отмѣны. Много лѣтъ спустя дѣло объяснилось. Проѣздомъ черезъ Ригу, Чоглоковъ встрѣтилъ одного изступленнаго либо помѣшаннаго Лютеранскаго пастора, который подалъ ему письмо и записку къ Императрицѣ, съ убѣдительными просьбами не ѣхать въ Ригу, и съ увѣщаніемъ, что Императрица можетъ подвергнуться величайшей опасности, что враги ея разставили по дорогѣ убійцъ, и тому подобныя глупости. Получивъ эти бумаги, Императрица раздумала ѣхать дальше. Пасторъ оказался сумашедшимъ, но тѣмъ не менѣе поѣздка не состоялась.

Изъ Ревеля мы поѣхали назадъ въ Петербургъ и дорогою безпрестанно останавливались. Послѣ этого путешествія у меня разболѣлось горло, такъ что я нѣсколько дней пролежала въ постелѣ. За

тѣмъ мы отправились въ Петергофъ, и оттуда каждую недѣлю ѣздили въ Ораніенбаумъ.

Въ началѣ Августа Императрица прислала сказать великому князю и мнѣ, чтобы мы говѣли. Мы оба покорились Ея волѣ. Немедленно у насъ начались заутрени и вечерни, и мы ежедневно должны были ходить къ обѣднѣ. Въ пятницу, послѣ исповѣди, объяснилось, почему насъ заставили говѣть. Симонъ Тодорскій, епископъ Псковскій, разспрашивалъ насъ по одиночкѣ, что такое у насъ было съ Чернышевыми; мы съ невиннымъ чистосердечіемъ разсказали ему все, и онъ нѣсколько смутился увидавъ, что тутъ даже не было и тѣни того, что бы могло дать поводъ къ дерзкимъ подозрѣніямъ. Мнѣ онъ нечаянно сказалъ: „Но почему же Императрица думаетъ иначе?“ Я отвѣчала, что не знаю. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ разсказалъ нашу исповѣдь Императрицину духовнику, а тотъ передалъ ее Императрицѣ, что разумѣется не могло повредить намъ. Въ Субботу мы пріобщились, а въ понедѣльникъ уѣхали на восемь дней въ Ораніенбаумъ; Императрица отправилась въ Царское Село. По пріѣздѣ въ Ораніенбаумъ, великій князь записалъ въ полкъ всю свою свиту. Камергеры, камеръ-юнкеры, придворные чиновники, адъютанты князя Репнина, даже сынъ его, дворцовые слуги, егеря, садовники, всѣ получили по мушкету. Его Императорское Высочество ежедневно упражнялъ ихъ, разставлялъ ихъ по часамъ, и обратилъ коридоръ нашего дома въ гауптвахту, гдѣ онѣ должны были проводить цѣлый день. Къ обѣду кавалеры входили на верхъ, и по вечерамъ являлись въ залу танцовать въ щиблетахъ. Дамъ было всего: я, Чоглокова, Княгиня Репнина, три мои

фрейлины и моя камерфрау; слѣдовательно эти балы были не очень многолюдны. Танцы вовсе не удавались, потому что мужчины чрезвычайно бывали утомлены этими безпрестанными военными упражненіями, которыя сердили ихъ и были не по душѣ придворнымъ. Послѣ балу ихъ увольняли домой спать. Вообще образъ жизни, которую мы вели въ Ораніенбаумѣ, смертельно надоѣдалъ какъ мнѣ такъ и всѣмъ; съ утра до вечера пятеро или шестеро дамъ сидѣли вмѣстѣ и не видали посторонняго лица, а мущины противъ воли должны были заниматься военнымъ ученіемъ. Отъ скуки я принималась за книги, которыя привезла съ собою. Вообще послѣ свадьбы я безпрестанно читала. Первая книга, прочтенная мною въ замужествѣ, была романъ, подъ заглавіемъ: *Tiran le blanc*, и въ теченіи цѣлаго года я читала одни романы. Но они стали мнѣ надоѣдать; случайно мнѣ попались *Письма госпожи Севинье*, которыя я прочла съ удовольствіемъ и очень скоро. Потомъ мнѣ подвернулись подъ руку сочиненія Вольтера, и послѣ нихъ я стала разборчивѣе въ моемъ чтеніи.

Мы возвратились въ Петергофъ, потомъ еще раза два или три ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ проводили время по прежнему, и за тѣмъ переселились въ Петербургъ, въ Лѣтній Дворецъ. Въ концѣ осени Императрица перешла въ Зимній Дворецъ и заняла комнаты, въ которыхъ мы жили прошлою зимою; намъ отвели комнаты, гдѣ жилъ великій князь будучи женихомъ. Комнаты эти очень намъ понравились, потому что дѣйствительно были очень покойны. Въ нихъ нѣкогда жила Императрица Анна. Каждый вечеръ къ намъ собирался весь нашъ дворъ. Тутъ заводились раз-

наго рода игры, либо давались концерты. По два раза въ недѣлю мы ѣздили на представленія въ большой театръ, находившійся тогда противъ казанской церкви. Однимъ словомъ эта зима была самая веселая и самая удачная, какую я когда либо проводила въ моей жизни. Каждый день мы то и дѣло, что хохотали и танцовали.

Около середины зимы Императрица приказала намъ ѣхать за собою въ Тихвинъ. Это было богомолье. Но въ эту самую минуту, какъ мы вышли садиться въ сани, намъ было сказано, что поѣздка отложена. Мы узнали по секрету, что оберъ-егермейстеръ графъ Разумовскій заболѣлъ подагрою, и что безъ него Императрица не хотѣла ѣхать. Но недѣли черезъ двѣ или черезъ три мы дѣйствительно отправились въ Тихвинъ. Это путешествіе продолжалось всего пять дней. На возвратномъ пути мы проѣзжали Рыбачьею Слободою мимо того дома, гдѣ, какъ я знала, находились Чернышевы. Я глядѣла въ окна, думая увидать ихъ, но ничего не увидала. Князь Репнинъ не участвовалъ въ этомъ путешествіи. Намъ сказали что у него открылась болѣзнь въ мочевомъ пузырѣ. Ко всеобщему неудовольствію должность его во время путешествія исполнялъ мужъ Чоглоковой, гордый и грубый дуракъ, котораго, какъ и жены его всѣ страшно боялись. Въ самомъ дѣлѣ оба они были нелюбезные люди. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ впослѣдствіи, нашлись средства не только усыпить этихъ аргусовъ, но и расположить ихъ въ свою пользу. Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ было играть съ ними въ Фараонъ, потому что оба они любили игру и еще больше выигрышъ. Средство это было найдено прежде другихъ, остальныя послѣ.

Въ эту зиму скончалась отъ горячки моя фрейлина княжна Гагарина, тотчасъ послѣ своей помолвки съ камергеромъ княземъ Голицынымъ, который потомъ женился на ея младшей сестрѣ. Мнѣ было очень жаль ея, и во время ея болѣзни, я много разъ ея навѣщала, не смотря на запрещеніе Чоглоковой. На мѣсто ея Императрица выписала изъ Москвы старшую сестру ея, которая потомъ вышла за графа Матюшкина.

Весною мы переѣхали въ Лѣтній Дворецъ, и оттуда въ деревню. Князь Репнинъ, подъ предлогомъ болѣзни, получилъ позволеніе переселиться къ себѣ въ домъ, и Чоглоковъ продолжалъ временно исполнять его должность. Онъ съ самого начала ознаменовалъ свою дѣятельность удаленіемъ отъ нашего двора камергера графа Дивіера и камерьюнкера Вильбуа; они не нравились Чоглокову, потому что нравились намъ съ великимъ княземъ, и по его представленію оба были переведены въ армію, первый бригадиромъ, второй полковникомъ. Это была уже третья отставка, считая первую въ 1745 году, когда отъ насъ удалили, по просьбѣ матушки, графа Захара Чернышева. Подобнаго рода удаленія считались при дворѣ немилостью, и слѣдовательно не могли быть пріятны удаляемымъ лицамъ. Мы съ великимъ княземъ были очень огорчены отъѣздомъ Дивіера и Вильбуа, Принцъ Августъ, добившись желаемаго, былъ извѣщенъ отъ имени Императрицы, что онъ можетъ ѣхать. Это было также устроено происками Чоглоковыхъ, которымъ непремѣнно хотѣлось, чтобы мы съ великимъ княземъ не имѣли довѣренныхъ лицъ, и которые въ этомъ случаѣ дѣйствовали по наставленіямъ графа Бестужева, подозрѣвавшаго все и всѣхъ.

Этимъ лѣтомъ отъ нечего дѣлать и отъ скуки, которая у насъ царствовала, я пристрастилась къ верховой ѣздѣ. Остальное время я сидѣла у себя въ комнатѣ и читала все что мнѣ попадалось подъ руку. Что касается до великаго князя, то онъ лишившись любимыхъ людей своихъ, не замедлилъ выбрать себѣ новыхъ любимцевъ между придворными слугами. Въ это время однажды по утру камердинеръ мой Евреиновъ, убирая мнѣ голову, разсказалъ, какимъ страннымъ случаемъ ему удалось узнать, что Андрей Чернышевъ и братья его находятся въ Рыбачьей Слободѣ, подъ арестомъ въ увеселительномъ домѣ Императрицы (составлявшемъ ея личную собственность и доставшемся по наслѣдству отъ матери). Вотъ какъ онъ сдѣлалъ это открытіе. На масляницѣ онъ катался въ саняхъ, съ женою своею, сестрою и ея мужемъ; женщины сидѣли въ саняхъ, а мужчины стояли на запяткахъ. Мужъ сестры его былъ секретаремъ въ Петербургскомъ магистратѣ, а сестра сего послѣдняго была замужемъ за помощникомъ секретаря въ тайной канцеляріи. Однажды они отправились кататься въ Рыбачью и заѣхали къ управителю этого Императрицына помѣстья. У нихъ зашелъ споръ о томъ, на какое число придется Свѣтлое Воскресенье. Хозяинъ дома сказалъ, что онъ тотчасъ рѣшитъ споръ, и что для этого стоитъ только послать къ арестантамъ и взять у нихъ Святцы, гдѣ показаны всѣ праздники и расписанъ календарь на нѣсколько лѣтъ впередъ. Книгу, черезъ нѣсколько минутъ принесли; зять Евреинова взялъ ее, и только что раскрылъ, какъ увидалъ руку Андрея Чернышева, означившаго на книгѣ свое имя и число дня, въ который великій князь подарилъ ее ему. День

Свѣтлаго Воскресенья былъ найденъ, споръ кончился, книгу отослали назадъ, и гости возвратились въ Петербургъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней зять Евреинова передалъ ему по секрету о своемъ открытіи. Евреиновъ настоятельно просилъ, чтобы я ни слова не говорила о томъ великому князю, на скромность котораго онъ не надѣялся. Я обѣщала и сдержала слово.

Въ серединѣ Великаго поста мы ѣздили съ Императрицею въ Гостилицы на именины въ оберъ-егермейстеру графу Разумовскому. Тамъ были танцы, и было довольно весело, послѣ чего мы возвратились въ городъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой поѣздки мнѣ сказали о кончинѣ отца моего, которая очень меня огорчила. На восемь дней меня оставили въ покоѣ, и я могла плакать сколько хотѣла; но въ восьмой день Чоглокова объявила мнѣ, что довольно плакать, и что Императрица приказала перестать, такъ какъ отецъ мой былъ не король. Я отвѣчала ей, что дѣйствительно онъ не былъ королемъ; на это она мнѣ замѣтила, что великой княгинѣ не прилично такъ долго плакать по отцѣ, который былъ всего только принцъ. Наконецъ было положено, чтобы шесть недѣль я носила трауръ, но чтобы въ слѣдующее воскресенье явилась въ публику.

Въ первый разъ что я вышла, въ передней комнатѣ Императрицы мнѣ повстрѣчался графъ Санти, оберъ-церемоніймейстеръ Ея Величества. Я перекинула съ нимъ нѣсколько словъ, ничего незначущихъ, и пошла дальше. Черезъ нѣсколько дней узнаю отъ Чоглоковой, что Императрица получила отъ графа Бестужева бумагу, за подписью графа Санти, въ которой сей послѣдній сообщалъ, будто я ему передавала свое неудоволь-

ствіе, почему послы иностранныхъ дворовъ непредставились мнѣ и не изъявили сожалѣнія по случаю кончины отца моего. Императрица — говорила Чоглокова — очень не довольна этимъ; она находитъ, что Вы черезъ чуръ горды, тогда какъ должны были бы помнить, что отецъ Вашъ былъ не король, и потому Вы не можете и не имѣете никакого права требовать, чтобы иностранные послы изъявляли Вамъ сожалѣніе по случаю его смерти. Эти слова Чоглоковой ошеломили меня. Я отвѣчала ей, что если графъ Санти сказалъ или написалъ, будто я говорила ему что-нибудь подобное или даже объ этомъ предметѣ, то онъ отъявленный лгунъ; что ничего похожаго никогда не входило мнѣ въ голову, и что слѣдовательно ни съ нимъ, ни съ кѣмъ другимъ я не могла имѣть подобнаго разговора. Это была сущая правда, потому что я поставила себѣ неизмѣннымъ правиломъ не имѣть ни въ какомъ случаѣ ни малѣйшихъ притязаній, во всемъ согласоваться съ волею Ея Величества и поступать такъ, какъ мнѣ прикажутъ. Чистосердечіе, съ которымъ я возражала, по видимому убѣдило Чоглокову. Она обѣщалась доложить Императрицѣ, что я обвиняю графа Санти во лжи. Дѣйствительно она пошла къ Ея Величеству и возвратилась съ извѣстіемъ, что Императрица очень гнѣвается на графа Санти за такую ложь и приказала сдѣлать ему выговоръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ко мнѣ являлось нѣсколько человѣкъ отъ графа Санти, въ томъ числѣ камергеръ графъ Никита Панинъ и вице-канцлеръ Воронцовъ, съ объясненіемъ, что графъ Бестужевъ вынудилъ у него это ложное показаніе, и что онъ чрезвычайно огорчается, заслуживъ мою немилость. Я отвѣчала этимъ гос-

подамъ, что лгунъ все остается лгуномъ, каковы бы ни были причины, заставляющія его лгать, и что я рѣшилась вовсе не говорить съ нимъ изъ опасенія, чтобы онъ еще чего не налгалъ на меня. Я объясняю себѣ это дѣло слѣдующимъ образомъ. Санти былъ Итальянецъ. Посредничать было его страстью, и онъ былъ очень занятъ своею должностью оберъ-церемоніймейстера. Я никогда не говорила съ нимъ больше, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ. Онъ, можетъ быть, думалъ, почему бы дипломатическому корпусу не явиться ко мнѣ съ изъявленіемъ сожалѣнія по случаю кончины отца моего; и по своимъ понятіямъ вѣроятно разсчитывалъ одолжить меня, устроивъ это представленіе. Съ этою цѣлью онъ отправился къ великому канцлеру и своему начальнику, графу Бестужеву и сказалъ ему, что я вышла въ первый разъ, что онъ нашелъ меня очень печальною, и что по всему вѣроятію я еще больше огорчилась, не встрѣтивъ дипломатическаго корпуса съ изъявленіемъ сожалѣній. Графъ Бестужевъ, по своему всегдашнему недоброжелательству, обрадовался случаю насолить мнѣ, тутъ же велѣлъ записать то что ему сказалъ, или то что совѣтовалъ ему, ссылаясь на меня графъ Санти, и потребовалъ отъ сего послѣдняго, чтобы онъ выставилъ свое имя подъ бумагою. Графъ Санти боялся своего начальника какъ огня, и еще больше боялся потерять мѣсто, и потому разумѣется предпочелъ солгать, чѣмъ пожертвовать собою. Бестужевъ препроводилъ бумагу къ Императрицѣ, которая разгнѣвалась и послала ко мнѣ Чоглокову, какъ разсказано выше; но такъ какъ отвѣтъ мой основанъ былъ на сущей правдѣ, то изо всего этого ничего не вышло;

только господинъ оберъ-церемоній мейстеръ остался съ носомъ.

Въ деревнѣ великій князь устроилъ себѣ собачню, и началъ самъ дрессировать собакъ. Когда надоѣдало ему ихъ мучить, онъ принимался за скрипку. Онъ не зналъ ни одной ноты, но имѣлъ сильное ухо и полагалъ главное достоинство игры въ томъ, чтобы сильнѣе водить смычкомъ и чтобы звуки были какъ можно громче. Игра его раздирала слухъ, и не рѣдко слушателямъ приходилось сожалѣть, что они не смѣютъ заткнуть себѣ уши. Образъ нашей жизни былъ одинаковъ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. По возвращеніи въ Лѣтній Дворецъ мадамъ Крузе, хотя не переставала быть аргусомъ, но очень смягчилась въ своемъ обращеніи, даже до того, что за одно съ нами обманывала Чоглоковыхъ, которые для всѣхъ сдѣлались ненавистью. Она доставляла великому князю игрушекъ, куколь и другихъ дѣтскихъ бездѣлушекъ, до которыхъ былъ онъ страстный охотникъ. Днемъ ихъ прятали подъ моей постелью; Великій князь тотчасъ послѣ ужина уходилъ въ спальню, и какъ скоро мы были въ постели, мадамъ Крузе запирала дверь на замокъ и великій князь принимался играть до часу и до двухъ утра. Я на равнѣ съ мадамъ Крузе, рада, не рада, должна была участвовать въ этомъ пріятномъ занятіи. Иногда я забавлялась имъ, но гораздо чаще оно меня утомляло и даже безпокоило, потому что куклы и игрушки, иныя очень тяжелыя, наполняли и заваливали собою всю кровать. Не знаю, провѣдала ли Чоглокова объ этихъ ночныхъ увеселеніяхъ, но только однажды около полуночи она постучалась къ намъ въ спальню; прежде чѣмъ отперетъ ей, великій князь,

Крузе и я торопливо оправили постель и упрятали всѣ игрушки подъ одѣяло. За тѣмъ дверь была отперта, по Чоглокова страшно разсердилась за то, что мы заставили ее дожидаться, и объявила что Императрица будетъ очень недовольна, если узнаетъ что мы до сихъ поръ не спимъ. Она удалилась съ бранью, но ничего не догадалась. Вслѣдъ за тѣмъ великій князь продолжалъ свою забаву, пока наконецъ ему захотѣлось спать.

Въ началѣ осени мы опять поселились въ тѣхъ комнатахъ Зимняго Дворца, въ которыхъ жили первые мѣсяцы послѣ нашей свадьбы. Тутъ черезъ посредство Чоглокова послѣдовало отъ имени Ея Величества строжайшее запрещеніе, чтобы никто, безъ особеннаго позволенія Чоглокова и жены его, не смѣлъ ходить въ комнаты къ великому князю и ко мнѣ; кавалерамъ и дамамъ нашего двора приказано было оставаться въ предспальней и никакъ не переступать дальше, и кромѣ того всѣмъ даже и слугамъ, подъ страхомъ отставки отнюдь, не говорить съ нами въ тихомолку. Такимъ образомъ я и великій князь могли быть свободны только другъ съ другомъ; это было своего рода заточеніе, котораго ни я ни онъ не заслужили. Мы передавали другъ другу наше негодованіе и наши мысли на этотъ счетъ. Для большаго развлеченія во время зимы, великій князь велѣлъ привести изъ деревни около восьми или десяти собакъ и помѣстилъ ихъ въ деревянномъ чуланѣ, отдѣлявшемъ альковъ моей спальни отъ большихъ сѣней, которыя были позади нашихъ комнатъ. Сквозь досчатую стѣну алькова несло псиной, и въ нашей спальнѣ была постоянная вонь. На мои жалобы великій князь отвѣчалъ, что нѣтъ возможности устроить иначе. Онъ держалъ собакъ

безъ позволенія, и чтобы не выдать его тайну, я терпѣливо сносила эту вонь. На масляницѣ при дворѣ не было въ этотъ годъ никакихъ увеселеній, и потому великому князю вздумалось завести маскерады у меня въ комнатѣ. Онъ наряжалъ своихъ и моихъ лакеевъ и моихъ служанокъ и заставлялъ ихъ плясать въ моей спальнѣ, а самъ игралъ на скрипкѣ и поплясывалъ, что продолжалось до поздней ночи. Я подъ передлогомъ усталости, головной боли, или выдумавъ какую нибудь другую причину, обыкновенно ложилась на диванъ, но не смѣла снимать маскераднаго платья. Эти нелѣпые танцы, чрезвычайно забавлявшіе его, надоѣдали мнѣ до смерти. Въ началѣ великаго поста у него отняли еще четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ троихъ пажей, которыхъ онъ особенно любилъ. Эти частыя отставки сердили его, но онъ не думалъ противиться и возражать, или если возражалъ, то такъ неловко, что отъ этого дѣло выходило еще хуже.

Въ эту зиму мы узнали, что князь Репнинъ, не смотря на болѣзнь свою, долженъ былъ принять начальство надъ войсками, посланными въ Богемію въ помощь императрицѣ-королевѣ Маріи-Терезіи. Это назначеніе означало явную немилость. Князь Репнинъ уѣхалъ и не возвратился. Онъ умеръ съ горя въ Богеміи. Фрейлина моя княжна Гагарина сообщила мнѣ о томъ первое извѣстіе, какъ ни запрещали доводить до насъ малѣйшіе слухи о происходившемъ въ городѣ или при дворѣ. Изъ этого можно видѣть, какую цѣну имѣютъ подобныя запрещенія; не льзя добиться, чтобъ они соблюдались во всей точности, потому что всегда найдутся люди, готовые нарушить ихъ. Всѣ окружавшіе насъ, даже ближайшіе родственники

Чоглоковыхъ, были на нашей сторонѣ, и благодаря имъ строгое политическое заточеніе, въ которомъ было вздумали насъ держать, вовсе неудавалось. Самъ братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, тайкомъ передавалъ мнѣ полезныя и нужныя свѣденія, а черезъ него тоже дѣлали и другіе, такъ какъ онъ всегда исполнялъ подобныя порученія съ чистосердечіемъ честнаго и прямаго человѣка. Онъ смѣялся надъ глупостью и грубостью сестры своей и зятя, никогда не выдавалъ и не измѣнялъ никому, такъ что всѣ его любили и обращались съ нимъ довѣрчиво. Это былъ человѣкъ прямаго нрава, но ограниченный, дурно воспитанный, безъ всякихъ познаній, хотя твердый и доброжелательный.

Этимъ же постомъ, однажды послѣ обѣда, я вышла въ комнату, гдѣ сидѣли наши кавалеры и дамы. Чоглоковы еще не приходили. Разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, я подошла къ двери, у которой стоялъ камергеръ Ушинъ. Онъ въ полголоса завелъ рѣчь о нашей скучной жизни и прибавилъ, что сверхъ того насъ стараются очернить въ глазахъ Императрицы. Нѣсколько дней тому назадъ — продолжалъ онъ — Императрица за столомъ говорила, что у Васъ множество долговъ, что всѣ Ваши поступки носятъ печать глупости, что не смотря на то, вы воображаете себѣ очень умною, но такого мнѣнія рѣшительно никто не раздѣляль, что Вы никого не обманете, потому что Ваша глупость всѣмъ извѣстна, что по этому нужно гораздо строже слѣдить за Вашими поступками, чѣмъ за поступками великаго князя. Тутъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами, онъ признался, что сама Императрица велѣла ему передать мнѣ всѣ эти слова и

просилъ, чтобы я не показывала виду, что знаю о такомъ приказаніи. Я отвѣчала ему, что относительно глупости, я не виновата, если Господь Богъ создалъ меня такою; что вовсе не мудрено объяснить долги мои, потому что я получаю содержанія 30000 рублей, а между тѣмъ матушка уѣзжая приказала заплатить за нее 6000, графиня Румянцова, вовлекала меня въ множество издержекъ, которыя она называла неизбѣжными, и въ одинъ нынѣшній годъ я истратила на Чоглокову 17000 безпрестанно играя съ нею въ карты, а онъ самъ знаетъ какую страшную игру они ведутъ; что онъ можетъ передать мой отвѣтъ кому слѣдуетъ; что впрочемъ мнѣ очень горько слышать какъ меня чернятъ въ глазахъ Императрицы, къ которой я не переставала никогда питать чувства покорности, переданности и уваженія, и что чѣмъ дальше будутъ слѣдить за мною, тѣмъ больше убѣдятся въ этомъ. Я обѣщалась ему не выдавать того, о чемъ онъ меня просилъ и сдержала слово. Не знаю передалъ ли онъ слова мои, но думаю что такъ, хотя о томъ больше не было рѣчи; мнѣ же вовсе непріятно было возобновлять подобный разговоръ.

На послѣдней недѣлѣ поста я занемогла корью, въ субботу пріобщалась у себя въ комнатѣ и на Пасху не выходила. Во время этой болѣзни, Чоглокова, хотя была беременна на сносахъ, но можно сказать, не отходила отъ меня шагу и всячески старалась развлекать меня. У меня тогда была маленькая дѣвочка Калмычка, которую я очень любила. Она заразилась отъ меня корью. Послѣ святой мы переселились въ Лѣтній Дворецъ, а въ исходѣ мая, въ Вознесенье поѣхали въ Гостилицы, къ графу Разумовскому. 23 числа того

же мѣсяца Императрица пригласила туда Императорскаго посла барона Претлаха, собиравшагося назадъ въ Вѣну. Онъ провелъ тамъ вечеръ и ужиналъ съ Императрицею. Ужинъ этотъ продолжался далеко за полночь, такъ, что когда мы возвратились въ отведенный намъ маленькій домикъ, то уже солнце взошло. Этотъ деревянный домикъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ у катальной горы. Графъ Разумовскій думалъ сдѣлать намъ удовольствіе, помѣстивъ насъ въ немъ, потому что онъ намъ понравился прошлый разъ, какъ мы были въ Гостилицахъ на именинахъ. Въ немъ было два этажа, верхній состоялъ изъ лѣстницы, залы и трехъ кабинетовъ, изъ которыхъ въ одномъ была наша спальня, другой служилъ уборною великому князю, а третій занимала мадамъ Крузе. Въ нижнемъ этажѣ расположились Чоглоковы, мои фрейлины и мои камерфрауэнъ. Возвратившись съ ужина, всѣ улеглись спать. Около шести часовъ утра нѣкто Левашовъ, сержантъ гвардіи, пріѣхалъ изъ Ораніенбаума переговорить съ Чоглоковымъ на счетъ построекъ, которыя тогда производились тамъ. Такъ какъ въ домѣ все спало, то пошелъ къ часовому и сѣлъ подлѣ него. Ему послышалось, что что-то трещитъ, и это возбудило въ немъ подозрѣніе. Солдатъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ какъ онъ стоитъ на часахъ, этотъ трескъ уже нѣсколько разъ возобновлялся. Левашовъ отправился осмотрѣть домъ снаружи, и увидалъ, что внизу дома отваливались большіе куски камня. Онъ тотчасъ побѣжалъ разбудить Чоглокова и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается, и что надо изъ него всѣхъ вывести. Чоглоковъ надѣлъ шлафрокъ и побѣжалъ на верхъ; стеклянныя двери были заперты

на ключь, и онъ долженъ былъ взломать замки. Пришедши въ кабинетъ, гдѣ мы спали онъ отдернулъ занавѣски, разбудилъ насъ и сказалъ, чтобъ мы скорѣе вставали и уходили, потому что подъ домомъ нѣтъ фундамента. Великій князь спрыгнулъ съ постели, надѣлъ шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чоглокову что выйду вслѣдъ за нимъ, и онъ ушелъ. Я торопилась одѣться, и одѣваясь вспомнила про мадамъ Крузе, которая спала въ сосѣднемъ кабинетѣ. Я пошла разбудить ее; но такъ какъ она спала очень крѣпко, то я едва добудилась ея и насилу могла ей растолковать, что надо поскорѣе выходить изъ дому. Я помогла ей одѣться, и когда она была совсѣмъ готова, мы пошли въ залу, но едва успѣли переступить порогъ, какъ домъ началъ рушиться и послышался шумъ, похожій на то, какъ когда спускаютъ корабль въ воду. Обѣ мы, мадамъ Крузе и я упали на земь. Но въ эту самую минуту, изъ противоположной двери, со стороны лѣстницы, явился Левашовъ; онъ поднялъ меня и вынесъ изъ комнаты. Случайно я взглянула въ окно на катальную гору: прежде она стояла въ уровень со вторымъ этажемъ, теперь по крайней мѣрѣ на аршинъ была выше. Левашовъ дошелъ со мною до лѣстницы, по которой онъ взошелъ; но ея уже не было, она вся обвалилась. Нѣсколько человѣкъ взобрались на верхъ по доскамъ и бревнамъ; Левашовъ передалъ меня ближайшимъ, тѣ дальше, и такимъ образомъ я очутилась въ сѣняхъ, откуда меня вынесли на лугъ, гдѣ я встрѣтила великаго князя въ шлафрокѣ. Какъ скоро никакой опасности не было, я стала пристальнѣе разсматривать что происходило съ домомъ и увидѣла, какъ оттуда выбирались и выно-

спались окровавленные люди. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ была моя фрейлина княжна Гагарина. Она думала выбраться изъ дому какъ и всѣ другіе; но только что успѣла перейти изъ своей комнаты въ слѣдующую, какъ печка стала рушиться, повалила экранъ и опрокинула ее на стоявшую тамъ постель, на которую посыпались кирпичи; съ нею была еще одна дѣвушка, и обѣ онѣ очень пострадали. Въ этомъ же нижнемъ этажѣ находилась небольшая кухня, гдѣ спало нѣсколько человѣкъ изъ прислуги; трое изъ нихъ были задавлены обвалившеюся печкою. Но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло между фундаментовъ дома и нижнимъ этажемъ: тамъ спало шестнадцать работниковъ, приставленныхъ смотрѣть за катальною горою; всѣ они до одного погибли подъ осѣвшимъ зданіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ домъ выстроенъ былъ осенью, на скорую руку. Весь фундаментъ состоялъ изъ четырехъ рядовъ необожженныхъ кирпичей; въ первомъ этажѣ архитекторъ поставилъ въ сѣняхъ двѣнадцать матицъ, оборотивъ ихъ вертикально. Ему нужна было ѣхать въ Мало Россію, и уѣзжая онъ сказалъ Гостилицкому управителю, чтобы до его возвращенія онъ не позволялъ трогать этихъ подпорокъ. Но не смотря на запрещеніе архитектора, управитель, какъ скоро узналъ, что мы займемъ этотъ домъ, тотчасъ приказалъ вынести подпорки, потому что безъ нихъ сѣни дѣлались гораздо красивѣе. Съ наступленіемъ оттепели, все строеніе осѣло на четыре ряда кирпичей, которые отъ того расползлись въ разныя стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый домъ поползъ внизъ по пригорку, пока новая мѣстность не привела его въ равновѣсіе. Я от-

дѣлалась отъ всего этого нѣсколькими синяками и страшнымъ испугомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были до того перепуганы, что въ продолженіи слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ вздрагивали всякій разъ, какъ кто нибудь громко захлопывалъ. Въ тотъ же день, какъ скоро прошелъ первый страхъ, Императрица помѣщавшаяся въ другомъ домѣ, призвала насъ къ себѣ, наше происшествіе было ей досадно, и потому всѣ старались представить его незначительнымъ; нѣкоторые утверждали что опасности никакой не было. Испугъ мой очень не нравился Императрицѣ, и она за него дулась на меня. Хозяинъ былъ въ отчаяніи, плакалъ и говорилъ, что съ горя застрѣлится. Но видно ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ. На другой день мы возвратились въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько недѣль перешли въ Лѣтній Дворецъ.

Не помню хорошенько, но кажется въ это время или около того пріѣзжалъ въ Россію кавалеръ Сакрамозо. Съ давняго времени въ Россіи не было Мальтійскаго кавалера, и вообще иностранцы рѣдко тогда пріѣзжали въ Петербургъ; потому появленіе Сакрамозо считалось въ нѣкоторомъ родѣ событіемъ. Его приняли какъ не льзя лучше и показывали ему все что было замѣчательнаго въ Петербургѣ и Кронштадтѣ. Для этого ему былъ данъ одинъ изъ лучшихъ флотскихъ офицеровъ, капитанъ линейнаго корабля, впослѣдствіи адмиралъ, Полянскій, который всюду сопровождалъ его. Онъ представился намъ, и цалуя у меня руку, незамѣтно всунулъ мнѣ небольшую записочку, шепнувъ это отъ вашей матушки. Я обомлѣла отъ страху, когда онъ это сдѣлалъ, и смертельно боялась, чтобъ кто нибудь

не замѣтилъ особливо Чоглоковы, стоявшіе близко. Однако я придержала записку и пропустила ее за правую перчатку, такъ что все обошлось благополучно. Возвратившись къ себѣ въ комнату, я нашла въ перчаткѣ двѣ свернутыя вмѣстѣ записки, одну отъ Сакрамозо, который извѣщалъ меня, что будетъ ждать отвѣта черезъ одного Итальянскаго музыканта, участвовавшаго въ концертахъ великаго князя, и другую отъ матушки. Матушка писала, что она безпокоится, не получая отъ меня писемъ, спрашивала что это значитъ, и желала что со мною дѣлается. Я отвѣчала на всѣ ея вопросы и извѣстила ее, что мнѣ не позволено писать ни къ ней, ни къ кому бы то ни было, подъ тѣмъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ не прилично писать другія письма кромѣ тѣхъ, которыя сочиняются въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и подъ которыми я должна была только выставлять свое имя, вовсе не участвуя въ ихъ сочиненіи; такъ какъ въ Коллегіи лучше моего знаютъ что прилично писать. (Олсуфьевъ едва было не пострадалъ изъ за того, что я прислала къ нему нѣсколько строкъ съ просьбою помѣстить ихъ въ письмѣ къ матушкѣ). Я написала ей также о многихъ другихъ предметахъ, о которыхъ она желала имѣть извѣстіе. Свернувъ свою записку точно такъ какъ была свернута полученная мною, я съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ выжидала минуты, чтобы передать ее. Въ первый же концертъ великаго князя, я начала прохаживаться около оркестра и остановилась за стуломъ скрипача-солиста Ологліо, про котораго писалъ мнѣ Сакрамозо. Тотъ, увидавъ меня, полѣзъ какъ будто невзначай за платкомъ и разставилъ заднiй карманъ, куда я

незамѣтно кинула записку. За тѣмъ я преспокойно отошла въ другую сторону, такъ что никто ничего не замѣтилъ. Сакромозо, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, доставилъ мнѣ еще двѣ или три записки того же содержанія, и я точно также препроводила ему мои отвѣты, не возбудивъ ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Изъ Лѣтняго Дворца мы переѣхали въ Петергофъ, который въ то время престроивался. Насъ помѣстили на верху, въ старомъ зданіи Петра I, которое тогда еще было цѣло. Здѣсь отъ скуки, великій князь каждыя послѣ обѣда игралъ со мною въ l'ombre à deux. Проигрывая онъ сердился, а выигрывая, требовалъ немедленной уплаты; но такъ какъ у меня не было ни копѣйки, то онъ вздумалъ играть со мною вдвоемъ въ азартныя игры. Помню, какъ однажды мы условились, что ночной колпакъ его пойдетъ въ десять тысячь рублей. Какъ скоро счастіе не везло ему, онъ приходилъ въ неистовство и способенъ былъ въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ этого дуться на меня. Мнѣ вовсе не было весело играть въ такую игру.

Въ этотъ разъ, живя въ Петергофѣ однажды мы замѣтили изъ нашихъ оконъ, выходившихъ въ садъ къ морю, что Чоглокова съ мужемъ то и дѣло ходятъ взадъ и впередъ изъ верхняго дворца на берегъ въ Монплезиръ, гдѣ тогда жила Императрица. Намъ, точно также какъ и мадамъ Крузе, хотѣлось провѣдать, какая бы могла быть причина этихъ безпрестанныхъ переходовъ. Мадамъ Крузе отправилась разузнать дѣло у сестры своей, которая была первая Императрицына камерфрау. Она возвратилась оттуда съ сіяющимъ

лицомъ. Дѣло заключалось въ томъ, что до свѣденія Императрицы дошла любовная интрига Чоглокова съ одною изъ моихъ фрейлинъ Кошелевою, которая отъ него забеременила. Императрица призвала къ себѣ Чоглокову и объявила ей, что ея мужъ, въ которомъ она души не чаетъ, обманщикъ; что она ничего за нимъ не замѣчаетъ, между тѣмъ, какъ почти вмѣстѣ съ нею живетъ его любовница. Императрица сказала, что самый бракъ ихъ вовсе ей не нравился, и потому если она хочетъ, то ей позволяется тотчасъ развестись съ мужемъ. Тутъ же она рѣшительно объявила, что не можетъ оставить его возлѣ насъ, и уволитъ его, и что пусть она сама исполняетъ его должность. Чоглокова сначала не хотѣла вѣрить обвиненію, и говорила, что это все клевещутъ на ея мужа; но Императрица тутъ же, разговаривая съ нею, послала допросить Кошелеву, которая во всемъ начисто призналась. Это привело Чоглокову въ бѣшенство; она пошла домой и раскудахталась на мужа. Тотъ на колѣняхъ просилъ у нея прощенія и воспользовался всею властью, которую имѣлъ надъ нею, чтобъ смягчить ея гнѣвъ. Ради дѣтей, они помирились, но прежняго супружескаго согласія больше не было. Они продолжали жить вмѣстѣ, но уже не по любви, а изъ выгоды. Жена простила мужа, пошла къ Императрицѣ и сказала, что забываетъ невѣрность и остается жить съ нимъ изъ любви къ дѣтямъ. Она на колѣняхъ просила Императрицу не безчестить ея мужа и не увольнять его отъ двора, говорила, что это опозоритъ ее и довершитъ ея несчастіе; однимъ словомъ она дѣйствовала такъ хорошо, съ такою твердостью и великодушіемъ, и кромѣ того огорченіе ея было

такъ искренно, что весь гнѣвъ Императрицы прошелъ. Мало того, она привела мужа, разбранила его въ присутствіи Императрицы, потомъ вмѣстѣ съ нимъ бросилась на колѣни и упросила Императрицу простить его изъ милости къ ней и ради того, что онъ отецъ шестерыхъ дѣтей ея. Эти сцены продолжались дней пять или шесть. Мы, можно сказать по часамъ узнавали обо всемъ что происходило, потому что въ этотъ промежутокъ насъ меньше прежняго сторожили. Всѣ мы надѣялись, что Чоглокова отставятъ, и всѣ обманулись въ ожиданіяхъ: отставлена была только Кошелева, которой велѣли ѣхать къ дядѣ, обергофмейстеру Шепелеву. Чоглоковы удержались на мѣстѣ, впрочемъ такаго почета какъ прежде уже не имѣли. Назначенъ былъ день для нашего отъѣзда въ Ораніенбаумъ: мы поѣхали въ одну сторону, а Кошелеву повезли въ другую.

Въ Ораніенбаумѣ на этотъ разъ мы поселились въ самомъ городѣ, въ обоихъ флигеляхъ небольшаго зданія въ правомъ и въ лѣвомъ. Послѣ Гостилицкаго происшествія велѣно было во всѣхъ придворныхъ строеніяхъ осмотрѣть потолки и перекладины, и починить что было вѣтхо. Вотъ образъ моей жизни въ Ораніенбаумѣ. По утру я вставала въ три часа, и безъ прислуги съ ногъ до головы одѣвалась въ мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобы идти на морской берегъ къ рыбачьей лодкѣ. Пѣшкомъ съ ружьемъ на плечѣ, мы пробирались садомъ и, взявъ съ собою лягавую собаку, садились въ лодку, которою правилъ рыбакъ. Я стрѣляла утокъ въ тростникѣ по берегу моря, по обѣимъ сторонамъ тамошняго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Часто мы огибали каналъ и иногда

сильный вѣтеръ уносилъ нашу лодку въ открытое море. Великій князь являлся часомъ или двумя позже, потому что ему всегда нужно было имѣть съ собою завтракъ и всякую всячину. Если онъ встрѣчалъ насъ, мы отправлялись дальше вмѣстѣ; если же нѣтъ, то стрѣляли и охотились порознь. Часовъ въ десять, иногда позже, я возвращалась домой и одѣвалась къ обѣду. Послѣ обѣда отдыхала, а по вечерамъ у великаго князя бывала музыка, либо мы катались верхомъ. Черезъ шесть или семь дней такой жизни, я стала чувствовать жаръ во всемъ тѣлѣ и головную боль и рѣшила, что мнѣ необходимы отдыхъ и діета. Въ теченіи 24 часовъ я ничего не ѣла, пила одну холодную воду и двѣ ночи спала столько, сколько могла, и послѣ этого продолжала прежній образъ жизни и чувствовала себя какъ нельзя лучше. Помню, что въ это время я читала Записки Брантома, которыя очень занимали меня. Передъ тѣмъ я прочла жизнь Генриха Четвертаго, сочиненіе Перификса.

Около осени мы возвратились въ городъ, гдѣ намъ объявили, что зимой мы поѣдимъ въ Москву. По этому случаю мадамъ Крузе сочла нужнымъ прибавить мнѣ бѣлья, и она думала позабавить меня, приказавъ кроить бѣлье у меня въ комнатѣ, для того чтобъ, какъ она говорила, я могла научиться, какимъ образомъ изъ полотнища выходятъ рубашки. Но такое ученье или забава, какъ видно, не понравились Чоглоковой, которая, послѣ исторіи съ мужемъ, была въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Не знаю что такое она наговорила Императрицѣ, но только однажды послѣ обѣда она явилась ко мнѣ съ извѣстіемъ, что мадамъ Крузе увольняется отъ службы при мнѣ и

переѣзжаетъ къ зятю своему камергеру Сиверсу. На другой день на ея мѣсто Чоглокова привела ко мнѣ госпожу Владиславову. Это было женщина статная, и какъ видно было, съ хорошими манерами. Прежде я никогда ея не видала. Умное лицо ея съ перваго разу мнѣ довольно понравилось. Я прибѣгла къ своему оракулу Тимофею Евреинову и узнала отъ него, что Владиславова — теща совѣтника Пуговишникова, бывшаго главнымъ чиновникомъ при графѣ Бестужевѣ, что она женщина умная и веселая, но слыветъ очень хитрою, что надобно подождать, какъ она будетъ вести себя и вообще не слишкомъ ей довѣряться. Ее звали Прасковья Никитишна. На первыхъ же порахъ она показала себя съ хорошей стороны; она была общительною, любила говорить, говорила и разсказывала умно, знала всѣ анекдоты прошедшаго и настоящаго времени, могла перечесть отъ четырехъ до пяти поколѣній въ каждомъ семействѣ и твердо помнила генеалогію всѣхъ отцовъ, матерей, бабушекъ, дѣдушекъ, прадѣдовъ и такъ дальше съ материнской и съ отцовской стороны. Я ни отъ кого не слыхала такаго множества разсказовъ, и узнала изъ нихъ все, что происходило въ Россіи въ послѣдніе сто лѣтъ. Мнѣ довольно нравились умъ и обращеніе этой женщины, и когда мнѣ бывало скучно, я заставляла ее болтать, и она всегда охотно начинала свои разсказы. Скоро я замѣтила, что ей не нравились многія слова и поступки Чоглоковыхъ; но такъ какъ она сама часто ходила въ комнаты Ея Величества и вовсе неизвѣстно по какимъ причинамъ, то мы до нѣкоторой степени остерегались ея, зная что самыя невинныя слова и дѣйствія могутъ быть всячески разтолкованы.

Изъ Лѣтняго Дворца мы перешли въ Зимній. Тутъ намъ представлялась мадамъ Лѣтуръ Л'Аннуа. Она состояла при Императрицѣ во время ея первой молодости, и въ царствованіе Императора Петра II выѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ принцессой Анной Петровной, дочерью Петра I, когда сія послѣдняя съ мужемъ своимъ переселялась въ Гольштинію. По смерти Анны Петровны, мадамъ Л'Аннуа возвратилась во Францію, и теперь вновь пріѣхала въ Россію, въ надеждѣ остаться совсѣмъ, либо воспользоваться отъ Ея Величества какими нибудь милостями. По праву стараго знакомства она расчитывала быть одною изъ самыхъ приближенныхъ особъ, но жестоко ошиблась, потому что придворные тотчасъ составили между собою союзъ, чтобы не допускать ее до такой близости. Съ первыхъ же дней ея прибытія, я могла впередъ сказать что съ нею будетъ, и вотъ по какому случаю. Однажды вечеромъ въ комнатахъ Императрицы происходила игра; Ея Величество, по своему обыкновенію, прохаживалась изъ одной комнаты въ другую, нигдѣ не оставаясь по долгу. Думая вѣроятно сдѣлать Ей угодное, мадамъ Л'Аннуа всюду слѣдовала за нею. Замѣтивъ это, Чоглокова сказала мнѣ: Посмотрите, какъ она не отходитъ отъ Императрицы; но это не надолго; скоро отъучатъ ее гоняться за Ея Величествомъ. Я догадалась въ чемъ дѣло, и дѣйствительно ее начали удалять, и потомъ, получивъ подарки, она принуждена была уѣхать во Францію.

Въ эту зиму графъ Лестокъ женился на дѣвицѣ Шенгденъ, Императрициной фрейлинѣ. Весь дворъ былъ на свадьбѣ, и Ея Величество почтила молодыхъ своимъ посѣщеніемъ. Можно было подумать, что они въ величайшей милости; но не

прошло мѣсяца или двухъ, какъ обстоятельства перемѣнились. Однажды вечеромъ мы играли въ комнатахъ Императрицы. Увидавъ графа Лестока, я подошла къ нему и хотѣла говорить съ нимъ, но онъ сказалъ въ полголоса: не подходите ко мнѣ, я въ подозрѣніи. Мнѣ казалось что онъ шутитъ, и я спросила что это значитъ. Онъ отвѣчалъ: я не на шутку повторяю Вамъ, чтобы Вы не подходили ко мнѣ, потому что я въ подозрѣніи, и отъ меня надобно быть дальше. Лицо его перемянилось противъ прежняго, и онъ былъ очень красенъ. Я подумала вѣрно онъ выпилъ лишнее, и ушла въ другую сторону. Это было въ пятницу. Поутру въ воскресенье, Тимофей Евреиновъ, причесывая мнѣ голову, сказалъ: знаете ли, нынче ночью арестовали графа Лестока съ женою и отвезли въ крѣпость какъ государственныхъ преступниковъ. Никто не зналъ, за что; извѣстно было только, что слѣдователями назначены были генералъ Степанъ Апраксинъ и Александръ Шуваловъ.

Въ Москву положено было ѣхать 16 Декабря: Чернышевыхъ перевели въ крѣпость, въ домъ принадлежавшій Императрицѣ и называвшійся Смольнымъ Дворомъ. Старшему Чернышеву иногда удавалось напоить приставовъ, такъ что онъ могъ ходить въ городъ къ друзьямъ своимъ. Однажды дѣвушка моя Чухонка, ходившая за моимъ платьемъ, и помолвленная съ однимъ придворнымъ лакеемъ, родственникомъ Евреинова, принесла мнѣ письмо отъ Андрея Чернышева, въ которомъ онъ просилъ меня о разныхъ вещахъ. Эта дѣвушка видѣла его у своего жениха, гдѣ они вмѣстѣ провели вечеръ. Получивъ письмо я не знала куда спрятать его. Я не хотѣла его

сжечь, чтобы не забыть о чемъ онъ меня просилъ. Съ давнихъ поръ мнѣ было запрещено писать, даже къ матушкѣ. Черезъ ту же дѣвушку я купила себя серебряное перо и чернильницу. Днемъ письмо было со мною въ карманѣ, раздѣвшись я засовывила его въ чулокъ за подвязку, а ложась спать вынимала его оттуда и прятала въ рукавъ. Наконецъ я написала отвѣтъ и послала ему чего онъ хотѣлъ, тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ получила его письмо, которое выбравши благопріятную минуту сожгла и избавилась такимъ образомъ отъ великаго безпокойства.

Въ половинѣ Декабря мы поѣхали въ Москву. Великій князь и я ѣхали въ большихъ саняхъ; напереди сидѣли кавалеры нашей свиты. Днемъ великій князь съ Чоглоковымъ переходилъ въ городскія сани, а я оставалась въ большихъ саняхъ, которыхъ мы вовсе не закрывали, и обыкновенно разговаривала съ сидѣвшими напереди. Помню какъ въ это время камергеръ князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой разсказывалъ мнѣ, что графъ Лестокъ, послѣ того какъ его арестовали и посадили въ крѣпость, первые одинадцать дней хотѣлъ уморить себя голодомъ и ничего не ѣлъ, но потомъ его принудили принять пищу. Онъ былъ обвиненъ въ полученіи 1,000 рублей отъ Прусскаго короля, за то что поддерживалъ его сторону, и также въ отравленіи нѣкоего Эттингера, улики котораго опасался. Лестока пытали и потомъ отправили въ Сибирь.

Въ это путешествіе Императрица обогнала насъ въ Твери; всѣ лошади и вся провизія, заготовленныя для насъ, были взяты ея свитою, и вслѣдствіе этого мы цѣлые сутки оставались въ Твери, безъ лошадей и безъ ѣды. Мы страшно

проголодались; къ вечеру Чоглоковъ добылъ намъ жареную стерлядь, которая показалась намъ очень вкусною. Въ ночь мы поѣхали дальше, и прибыли въ Москву за два или за три дня до Рождества. Первая новость, которую мы узнали, была та, что камергеръ нашего двора князь Александръ Михайловичъ Голицынъ въ самое то время, какъ мы уѣхали изъ Петербурга, получилъ приказаніе ѣхать въ Гамбургъ, куда его назначили Русскимъ министромъ съ четырьмя тысячами рублей жалованья. Это была тоже ссылка. Его свояченица, фрейлина моя, княжна Гагарина, много плакала по этому случаю, и мы всѣ сожалѣли о немъ.

Въ Москвѣ мы занимали тѣ самыя комнаты, въ которыхъ я жила съ матушкою въ 1844 году. Изъ нихъ въ большую придворную церковь надо было объѣзжать кругомъ дворца. На рождество мы собрались къ обѣдни, шли садиться въ экипажъ и уже были на лѣстницѣ, какъ насъ извѣстили отъ имени Императрицы, что по случаю сильнаго холода мы можемъ не ѣздить къ обѣднѣ. Дѣйствительно было около 29 градусовъ, и морозъ хваталъ за носъ. Первое время Московской жизни я принуждена была оставаться у себя въ комнатѣ, потому что у меня по всему лицу высыпали прыщи; я до смерти боялась, чтобъ отъ нихъ не остались на лицѣ пятна и велѣла позвать доктора Боергава; чтобы вывести съ лица эти прыщи, онъ далъ мнѣ успокоивающихъ кровь микстуръ и разныхъ разностей. Но все это не помогало, и тогда онъ сказалъ: я вамъ дамъ лекарство, которое непремѣнно очиститъ лицо. Онъ вынулъ изъ кармана небольшую скляночку Фальковаго масла (l'huile de Falk), приказалъ развести въ водѣ одну каплю, и этою смѣсью отъ времени,

до времени хоть разъ въ недѣлю, умывать лицо: дѣйствительно всѣ прыщи пропали, такъ что дней черезъ десять я могла показаться въ свѣтъ. — Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (1749) я узнала отъ Владиславовой, что Императрица приказала поспѣшить свадьбою Чухонки-дѣвушки, ходившей за моимъ гардеробомъ. Единственная причина, почему торопились выдать ее замужъ, по всему вѣроятію заключалась въ томъ, что я любила ее больше другихъ дѣвушекъ: она была веселая толстушка, иногда очень смѣшившая меня своимъ искуствомъ передразнивать и чрезвычайно забавно представлявшая Чоглоковыхъ. Ее обвѣнчали и съ тѣхъ поръ о ней не было слуху.

Въ серединѣ масляницы (въ продолженіе которой не было никакихъ праздниковъ ни увеселеній) Императрица занемогла сильною коликою, и не на шутку. Владиславова и Тимофей Евреиновъ шепнули мнѣ на ухо объ этой болѣзни, прося чтобы я никому не говорила, что узнала о томъ отъ нихъ. Я ихъ не выдала, однако сказала объ Императрициной болѣзни великому князю и встормошила его этою новостью. Однажды утромъ Евреиновъ сообщилъ мнѣ, что наканунѣ канцлеръ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ, всю ночь просидѣли въ комнатѣ у Чоглоковыхъ; это давало поводъ думать, что Императрицѣ очень худо. Чоглоковъ и жена его казались сумрачнѣе обыкновеннаго, приходили къ намъ, обѣдали и ужинали съ нами, но ни полслова не говорили объ этой болѣзни. Мы тоже молчали, и не смѣли послать навѣдаться о здоровьи Императрицы, потому что въ такомъ случаѣ тотчасъ начались бы распросы, какъ, откуда и черезъ кого знаемъ мы, что она больна, и названныя или подозрѣваемыя лица не-

премѣнно были бы отставлены, или сосланы, или даже попали бы въ тайную канцелярію, мѣсто, котораго всѣ боялись какъ огня. Наконецъ дней черезъ десять, когда Императрицѣ сдѣлалось лучше, при дворѣ праздновали свадьбу одной изъ ея фрейлинъ. За столомъ возлѣ меня сидѣла Императрицина любимица, графиня Шувалова; она стала мнѣ разсказывать, что Ея Величество послѣ страшной болѣзни своей еще очень слаба, потому не пришла на свадьбу и даже не могла встать совсѣмъ съ постели, а только спустивши съ кровати ноги, убирала своими бриліантами голову невѣстѣ (этотъ почетъ она обыкновенно оказывала всѣмъ своимъ фрейлинамъ). Я притворилась что въ первый разъ слышу о болѣзни Императрицы, и сказала, что очень сожалѣю, что Императрица находится въ такомъ состояніи и принимаю въ ней большое участіе. Шувалова отвѣчала, что Ею Величеству пріятно будетъ узнать, какъ я люблю ее. Не прошло двухъ дней, какъ по утру пришла ко мнѣ въ комнату Чоглокова и въ присутствіи Владиславовой объявила, что Императрица очень гнѣвается на великаго князя и на меня, видя, какъ мало участія принимали мы въ ея болѣзни и узнавши, что мы даже ни разу не послали спросить, лучше ли ей. Я сказала Чоглоковой, что ссылаюсь на нее, что ни она, ни мужъ ея, даже не заикнулись намъ о болѣзни Ея Величества, и что ничего не зная, мы разумѣется не могли выразить нашего участія. Какъ — возразила она — Вы говорите, что ничего не знали; какимъ же образомъ графиня Шувалова сказывала Императрицѣ что за столомъ Вы разговаривали съ нею объ этой болѣзни. Я отвѣчала: правда, я разговаривала съ нею о томъ, услы-

хавъ отъ нея, что Императрица еще слаба и не можетъ выходить, и распрашивала у ней подробности болѣзни. Чоглокова удалилась съ ворчаньемъ, и Владиславова стала говорить, что странно придираться къ людямъ изъ за того, чего они не могли знать; что такъ какъ Чоглоковы одни имѣли право извѣстить насъ о болѣзни Императрицы, и не сдѣлали этого, то ихъ вина, а не наша, если мы не посылали узнавать, здорова ли Ея Величество. Нѣсколько времени спустя, въ одинъ изъ куртаговъ, Императрица подошла ко мнѣ и я, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, сказала ей, что ни Чоглоковъ, ни жена его, ни слова не говорили намъ объ ея болѣзни, и что поэтому намъ не было возможности изъявить ей нашего участія. Императрица благосклонно выслушала меня, и съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ казалось, стала меньше прежняго довѣряться Чоглоковымъ.

Первую недѣлю великаго поста Чоглоковъ началъ говѣть и исповѣдывался; но духовникъ Императрицынъ не допустилъ его до причастія. При дворѣ всѣ говорили, что это было сдѣлано по приказанію Императрицы, чтобы наказать его за любовную связь съ Кошелевою. Нѣкоторое время какъ мы жили въ Москвѣ, казалось, что Чоглоковъ чрезвычайно подружился съ графомъ Бестужевымъ и съ закадышнымъ другомъ сего послѣдняго генераломъ Степаномъ Апраксинымъ. Онъ безпрестанно бывалъ у нихъ, и слушая его разсказовъ, можно было подумать, что графъ Бестужевъ совѣтуется съ нимъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, чего разумѣется на самомъ дѣлѣ не могло быть, потому что Бестужевъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ принимать совѣты такаго вздорнаго дурака, какъ Чоглоковъ. Но около половины

того времени, которое мы прожили въ Москвѣ, эта чрезвычайная пріязнь вдругъ кончилась, не знаю точно, по какой причинѣ, и Чоглоковъ сдѣлался заклятымъ врагомъ недавныхъ друзей своихъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, отъ скуки я принялась читать Исторію Германіи отца Барра, каноника Св. Женевьевы, въ частяхъ, въ четверку. Каждую недѣлю я прочитывала по части; послѣ этого я читала сочиненія Платона. Комнаты мои были на улицу; въ паралельныхъ комнатахъ жилъ великій князь, и его окна выходили на небольшой дворъ. Когда я сидѣла за книгою, въ комнату ко мнѣ обыкновенно являлись горничныя дѣвушки, то одна, то другая; придутъ, постоятъ, и опять уйдутъ, какъ имъ вздумается. Я дала замѣтить Владиславовой, что эти дежурства ни на что не нужны и только мѣшаютъ мнѣ, и что кромѣ того мнѣ вовсе непріятно слишкомъ близкое сосѣдство великаго князя и его занятія. Отъ горничныхъ она также терпѣла какъ и я, потому что жила въ небольшомъ кабинетѣ, составлявшемъ послѣднюю комнату моего отдѣленія. Она согласилась уволить горничныхъ отъ дежурствъ и сказала имъ, чтобы онѣ больше не приходили стоять на посылкахъ. Что же касается до занятій великаго князя, которыя ни утромъ, ни днемъ, ни позднимъ вечеромъ, не давали намъ покою, то они состояли въ слѣдующемъ. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ обучалъ нѣсколько собакъ, наказывая ихъ палочными ударами, выкрикивая охотничьи термины и прохаживаясь съ одного конца двухъ своихъ комнатъ (у него всего ихъ было двѣ) до другаго. Какъ скоро какая нибудь собака уставала или убѣгала,

онъ подвергалъ ее жестокимъ истязаніямъ, отъ чего она была еще громче. Когда эти упражненія, невыносимыя для ушей и спокойствія его сосѣдей, наконецъ надоѣдали ему, онъ принимался за скрипку и прогуливаясь по комнатамъ, начиналъ выводить такіе звуки, что хоть бѣжать. За тѣмъ снова происходила дрессировка собакъ, и истязаніе ихъ, которое по истинѣ казалось мнѣ чрезвычайно жестокимъ. Разъ я услышала страшный, непрекращавшійся собачій визгъ. Спальня моя, гдѣ я сидѣла, находилась возлѣ комнаты, гдѣ происходила собачья выучка. Я отворила дверь и увидала, какъ великій князь поднялъ за ошейникъ одну изъ собакъ, маленькую шарло Англійской породы, велѣлъ мальчику Калмыченьку, держать ее за хвостъ, и толстою палкою кнута своего изъ всей силы билъ бѣдное животное. Я стала просить его, чтобы онъ пощадилъ несчастную собачку, но вмѣсто того онъ началъ бить ее еще сильнѣе. Я ушла къ себѣ въ комнату со слезами на глазахъ, будучи не въ состояніи выносить такое жестокое зрѣлище. Вообще слезы и крики, вмѣсто того, чтобы возбуждать жалость въ великомъ князѣ, только сердили его. Жалость была для души его тягостнымъ и можно сказать нестерпимымъ чувствомъ.

Около этого времени камердинеръ мой Тимофей Евреиновъ доставилъ мнѣ письмо отъ своего стараго товарища Андрея Чернышева, котораго наконецъ выпустили на волю и который проѣзжалъ недалеко отъ Москвы въ свой полкъ, куда его опредѣлили капитаномъ. Я поступила съ этимъ письмомъ точно также какъ съ предъидущимъ, послала ему все, о чемъ онъ меня просилъ, и ни

великій князь, ни кто другой ничего не узнали отъ меня о томъ.

Весною Императрица позвала насъ въ Перово, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею провели нѣсколько дней у графа Разумовскаго. Великій князь и Чоглоковъ почти ежедневно рыскали по лѣсамъ съ хозяиномъ помѣстья. Я читала у себя въ комнатѣ, либо Чоглокова отъ скуки приходила сидѣть со мною, когда не играла въ карты. Она очень жаловалась на владѣльца этого имѣнія и на безпрестанныя отлучки своего мужа, который сдѣлался страстнымъ охотникомъ, съ тѣхъ поръ какъ ему подарили очень красивую Англійскую левретку. Я стороною слышала, что всѣ другіе охотники потѣшались надъ нимъ и увѣряли его, что его Цирцея (такъ называлась его собака) не упускала ни одного зайца. Вообще Чоглоковъ очень склоненъ былъ думать, что все принадлежавшее ему, его жена, его дѣти, слуги, домъ, столъ, лошади, собаки, все было на диво и чрезвычайно хорошо. Какъ вещь ни была посредственна, но какъ скоро она принадлежала ему, то онъ считалъ долгомъ самолюбія находить ее несравненною. — Однажды въ Перовѣ у меня страшно разболѣлась голова; я въ жизнь свою не помню такой головной боли; кромѣ чрезвычайной тяжести въ головѣ, я чувствовала сильную боль въ сердцѣ; меня нѣсколько разъ рвало, и малѣйшій шумъ въ комнатѣ увеличивалъ мои страданія. Я оставалась въ такомъ состояніи около сутокъ, наконецъ заснула, и на другой день уже чувствовала только слабость. Чоглокова всячески ухаживала за мною во время этой болѣзни. Вообще всѣ люди, которыхъ помѣстили ко мнѣ безъ сомнѣнія изъ явнаго недоброжелательства, въ самое короткое время, станови-

лись по неволѣ доброжелательны ко мнѣ; и если имъ не давали за это пощёчинъ и не дѣлали новыхъ внушеній, то они начинали дѣйствовать вопреки данному приказанію, и часто совершенно располагались въ мою пользу или скорѣе поддавались тому участію, которое я вселяла въ нихъ къ себѣ. Я никогда не капризничала, не дулась на нихъ, но всегда цѣнила малѣйшую предупредительность, которую мнѣ они оказывали. Веселый нравъ мой много помогалъ мнѣ въ этомъ потому, что всѣ эти аргусы не рѣдко забавлялись моими рѣчами и мало по малу по неволѣ сами дѣлались веселѣе и мягче.

Въ Перовѣ Ея Величество вновь занемогла коликою. Она приказала перевезти себя въ Москву, и мы должны были ѣхать за нею шагомъ, до самаго дворца, т. е. около 4 верстъ. Припадокъ этотъ продолжался не долго, и вскорѣ за тѣмъ Императрица отправилась къ Троицѣ на богомолье. Она дала себѣ обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 верстъ, и начала его странствіе изъ Покровскаго дворца. Намъ приказано было перебраться на Троицкую дорогу, для чего мы и поселились въ Раёвѣ, деревнѣ, которая принадлежала Чоглоковой, въ одинатцати верстахъ отъ Москвы, на пути къ Троицѣ. Тамъ все наше помѣщеніе состояло изъ небольшой залы въ срединѣ дома и четырехъ крошечныхъ комнатокъ по сторонамъ. Для свиты кругомъ дома были разбиты палатки, въ одной изъ которыхъ помѣщался великій князь. Я занимала одну комнату, Владиславова другую, Чоглоковы жили въ двухъ остальныхъ. Въ залѣ мы обѣдали. Императрица проходила версты три или четыре, и потомъ нѣсколько дней отдыхала, такъ что это путешествіе продолжалось почти цѣлое

лѣто. Каждый день послѣ обѣда мы ѣздили на охоту.

Когда Ея Величество дошла до Танинскаго, находящагося почти насупротивъ Раёва, на другой сторонѣ большой Троицкой дороги, къ намъ въ Раёво началъ ежедневно пріѣзжать Гетманъ графъ Разумовскій, младшій братъ фаворита. Онъ жилъ тогда въ имѣніи своемъ Петровскомъ, что на Петербургской дорогѣ, по другой сторонѣ Москвы. Онъ былъ очень веселаго нрава и почти одних съ нами лѣтъ. Мы очень любили его, и Чоглоковымъ пріятны были его посѣщенія, такъ какъ онъ былъ братъ фаворита. Его любезности не прекращались все лѣто и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ обѣдалъ у насъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ ежедневно около 40 или 50 верстъ. Лѣтъ двадцать спустя, однажды мнѣ вздумалось спросить его, что ему была за охота, пріѣзжать къ намъ въ Раёво и раздѣлять съ нами скуку и нелѣпость тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось множество гостей изъ самаго лучшаго общества, какое тогда было въ Москвѣ. На этотъ вопросъ, ни минуты не задумавшись, онъ отвѣчалъ: я былъ влюбленъ. Что вы! возразила я; да въ кого же Вы могли быть влюблены у насъ? — Въ кого? сказалъ онъ, въ Васъ. Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я въ жизнь свою даже и не подозрѣвала объ этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже давно былъ женатъ. Императрица женила его, отчасти противъ воли его, на богатой невѣстѣ изъ семьи Нарышкиныхъ. Онъ жилъ съ нею повидимому согласно, хотя всѣ красавицы

при дворѣ и въ городѣ были отъ него безъ памяти. Дѣйствительно онъ былъ хорошъ собою, оригинальнаго нрава, очень пріятенъ въ обращеніи, и умомъ несравненно превосходилъ брата своего, *который также былъ красавецъ, но былъ великодушнѣе и благотворительнѣе его*. Я не знала другой семьи, которая будучи въ отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ любима всѣми, какъ эти братья.

Около Петрова дня Императрица прислала сказать, чтобы мы пріѣхали къ ней въ Братовщину, куда мы тотчасъ же и отправились. Я очень загорѣла, и лице у меня было все красное, потому что всю весну и часть лѣта безпрестанно ѣзжала на охоту, а въ Раёвѣ по тѣснотѣ дома мы почти цѣлый день проводили на воздухѣ, уходя въ сосѣдній лѣсъ. Увидавъ меня въ Братовщинѣ, Императрица вскрикнула отъ удивленія, такъ я перемѣнилась, и сказала, что пришлетъ мнѣ притиранья отъ загару. Дѣйствительно она тотчасъ прислала стклянку, въ которой яичный бѣлокъ былъ разведенъ лимоннымъ сокомъ и французской водкой. Она приказала выучить моихъ дѣвушекъ, какъ дѣлается это притиранье, и сколько нужно класть чего. Загаръ мой черезъ нѣсколько дней прошелъ; это притиранье я употребляла и въ послѣдствіи и давала его многимъ отъ загару. Я не знаю лучшаго средства противъ воспаленія кожи. Имъ также хорошо выводить пятна, которыя по Русски называются *лишаи*; я неприпомню теперь французскаго названія; это тоже родъ воспаленія, отъ котораго кожа зудитъ. — Петровъ день мы провели въ Троицкомъ монастырѣ, послѣ обѣда отъ нечего дѣлать, великій князь вздумалъ устроить балъ у себя въ комнатѣ, но гостей на

этомъ балѣ было всего два его лакея и двѣ пріѣхавшія со мною горничныя, изъ которыхъ одной было за пятьдесятъ. Изъ Троицкаго монастыря Императрица отправилась въ Тайнинское, а мы опять въ Раёво, гдѣ началась прежняя жизнь. Мы оставались тамъ до половины Августа, и потомъ поѣхали съ Императрицею въ Софьино, въ 60 или 70 верстахъ отъ Москвы. Тамъ мы расположились въ палаткахъ. На другой день по пріѣздѣ въ Софьино мы пошли въ палатку къ Императрицѣ и застали ее съ управителемъ этого помѣстья, на котораго она въ ту минуту бранилась. Надо сказать что въ Софьино она пріѣхала охотиться, но по несчастію тамъ не было ни одного зайца. Управитель стоялъ блѣдный и дрожалъ; Императрица не щадила бранныхъ словъ и была въ изступленіи отъ гнѣва. Когда мы подошли къ рукѣ, она поцаловала насъ, какъ будто ничего не происходило и за тѣмъ снова принялась бранить управителя. Разгнѣвавшись, она обыкновенно начинала дѣлать намеки, на кого ей вздумается, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе, причемъ произносила слова чрезвычайно быстро. Между прочимъ она говорила, что ей очень хорошо извѣстно какъ нужно управлять имѣніемъ, что она научилась этому въ царствованіе Императрицы Анны, что не получая большихъ доходовъ, она не позволяла себѣ роскошничать и не дѣлала долговъ, боясь погубить свою душу, что если бы она въ то время умерла съ долгами, то никто не сталъ бы платить за нею, и душа ея пошла бы въ адъ, чего она не хотѣла; что для этого будучи у себя дома и запросто, она нарочно ходила въ самомъ простомъ костюмѣ, въ сѣренькомъ платьѣ и бѣлой тафтяной кофтѣ; этимъ дѣлала экономію, и никакъ не позво-

ляла себѣ наряжаться въ богатое платье въ деревнѣ или въ дорогѣ. Это уже явно относилось ко мнѣ и потому что на мнѣ тогда было лиловое съ золотомъ платье. Я проглотила пилюлю. Мы всѣ не смѣли вымолвить слова; Императрица чрезвычайно раскраснѣлась, и глаза у нея сверкали отъ гнѣва. Шутъ ея Аксаковъ положилъ конецъ этой диссертаціи, продолжавшейся слишкомъ полчаса. Онъ вошелъ въ палатку и поднесъ ей въ шапкѣ маленькаго ежа. Императрица подошла посмотрѣть, громко вскрикнула, промолвивъ: настоящая мышь! и опрометью убѣжала во внутренность палатки: она смертельно боялась мышей. Мы больше не видали ея. Она обѣдала одна, и послѣ обѣда отправилась на охоту, взявъ съ собою великаго князя и приказавъ, чтобы я съ Чоглоковой ѣхала въ Москву. Мы поѣхали. Великій князь черезъ нѣсколько часовъ также явился въ Москву, потому что охота, по случаю сильнаго вѣтра, продолжалась не долго.

За тѣмъ мы опять поселились въ Раёвѣ и оттуда въ одно воскресенье приглашены были въ Тайнинское, гдѣ имѣли честь обѣдать за однимъ столомъ съ Ея Величествомъ. Императрица сидѣла на главномъ мѣстѣ. Великій князь по правую руку, а я по лѣвую, напротивъ него; подлѣ великаго князя фельдмаршалъ Бутурлинъ, а подлѣ меня графиня Шувалова. Столъ былъ очень длинный и узкій. Находилась такимъ образомъ между Императрицею и фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который любилъ выпить и подливать. Великій князь до того наклюкался, что потерялъ всякое сознаніе, не могъ связать двухъ словъ и обратилъ на себя общее вниманіе. Въ это время я всячески старалась прикрывать и сглаживать его недостат-

ки, и потому его поведеніе довело меня до слезъ. Императрица оцѣнила мою чувствительность, и сама вышла изъ за стола раньше обыкновеннаго. Его Императорское Высочество, уговорился было послѣ обѣда ѣхать на охоту съ графомъ Разумовскимъ; но долженъ былъ остаться въ Тайнинскомъ, а я поѣхала назадъ въ Раёво. Дорогою у меня страшно разболѣлись зубы. Становилось холодно и сыро, а въ Раёвѣ можно сказать негдѣ было укрыться. Братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, состоявшій при мнѣ въ должности камергера, хвалился сестрѣ, что онъ разомъ меня вылечитъ. Та сказала о томъ мнѣ и я согласилась попробовать его лекарства, тѣмъ болѣе что не видала въ немъ ничего существеннаго и скорѣе считала его шарлатанствомъ. Онъ тотчасъ вышелъ въ другую комнату и принесъ оттуда крошечный свертокъ бумаги, который я должна была положить на больной зубъ и жевать. Только что я это сдѣлала зубъ мой разболѣлся еще сильнѣе, и я принуждена была лечь въ постель. Меня принялась бить такая лихорадка, что я себя не помнила. Чоглокова испугалась и раскудахталась на брата, приписывая болѣзнь мою его лекарству. Во всю ночь она не отходила отъ моей постели, послала сказать Императрицѣ, что я сильно заболѣла и что мнѣ не возможно оставаться у нея въ Раёвѣ, и одним словомъ хлопотала такъ усердно, что на другой же день меня перевезли въ Москву. Десять либо двѣнадцать дней я пролежала въ постели; и зубная боль моя возобновлялася ежедневно послѣ обѣда, въ одинъ и тотъ же часъ.

Въ началѣ Сентября Императрица отправилась въ Воскресенскій монастырь, куда намъ велѣно было явиться къ ея имянинамъ. Въ этотъ день

она пожаловала въ камеръюнкеры Ивана Шувалова. Это было событіемъ при дворѣ. Всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ. Шуваловъ обращалъ на себя мое вниманіе еще будучи пажемъ, какъ прилежный и много обѣщавшій молодой человѣкъ; его всегда можно было застать съ книгой въ рукѣ, потому я очень была довольна его возвышеніемъ.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, я снова занемогла сильной лихорадкою, къ которой присоединилась горловая боль. Въ эту болѣзнь Императрица навѣстила меня. Но только что я начала оправляться и еще не совсѣмъ окрѣпла, какъ Ея Величество черезъ Чоглокову приказала мнѣ быть на свадьбѣ и убирать къ вѣнцу племянницу графини Румянцевой, выходившую за мужъ за Александра Нарышкина, что впослѣдствіи былъ оберъмундшенкомъ. Видя, что я едва начинаю выздоравливать, Чоглокова не безъ нѣкотораго неудовольствія сообщила мнѣ это приказаніе; мнѣ же оно было очень горько, ибо я могла ясно видѣть, какъ мало думали о моемъ здоровьи, и можетъ быть даже о моей жизни. Я говорила о томъ съ Владиславовой, которая также не одобрила этого распоряженія, сдѣланнаго безъ толку и безъ пощады. Я собралась съ силами; въ назначенный для свадьбы день невѣсту привели ко мнѣ въ комнату. Я наколола ей мои бриліанты, послѣ чего ее увезли подъ вѣнецъ въ придворную церковь. Я съ Чоглоковой и съ дворомъ моимъ должна была слѣдовать въ домъ къ Нарышкинымъ. Надо сказать, что дворецъ, гдѣ мы жили, былъ на концѣ Нѣмецкой Слободы, и оттуда до дома Нарышкиныхъ надо было проѣзжать всю Москву, по крайней мѣрѣ верстъ семь. Это было въ Октябрѣ

мѣсяцѣ, около девяти часовъ вечера. Стоялъ жестокій морозъ съ гололедицей, и не было возможности иначе ѣхать какъ самымъ тихимъ шагомъ. По крайней мѣрѣ два съ половиной часа прошла въ дорогѣ и столько же оттуда; и изо всей нашей свиты не было ни одного человѣка и ни одной лошади, которая бы не поскользнулась разъ или нѣсколько. Наконецъ мы добрались до Казанской церкви, не по далеку отъ такъ называемыхъ Троицкихъ воротъ. Тутъ новое затрудненіе. Въ этой церкви въ самую ту минуту вѣнчали сестру Ивана Ивановича Шувалова (которую убирала сама Императрица, точно такъ какъ я Румянцеву), и потому случаю у Троицкихъ воротъ стѣснилось множество экипажей. Мы ежеминутно должны были останавливаться, и потомъ опять начинались поскальзыванія, такъ какъ лошади не были какъ слѣдуетъ подкованы. Наконецъ добрались до мѣста, разумѣется, не въ очень веселомъ нравѣ. Мы долго дожидались молодыхъ, потому что они ѣхали точно также какъ и мы. Великій князь сопровождалъ молодаго; за тѣмъ еще ждали Императрицу, и наконецъ усѣлись за столъ. Послѣ ужина сдѣлано было въ передспальней комнатѣ нѣсколько туровъ парадныхъ танцевъ, и затѣмъ намъ сказали, чтобъ мы вели молодыхъ въ ихъ покои. Для этого надобно было миновать множество коридоровъ, довольно холодныхъ, взбираться по лѣстницамъ, тоже не совсѣмъ теплымъ, потомъ проходить длинными галлереями, которыя были выстроены на скорую руку изъ сырыхъ досокъ и гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода. Наконецъ добрались до комнаты, присѣли за столомъ съ десертомъ, чтобъ выпить здоровье молодыхъ, и новобрачную повели въ спальню,

а мы отправились назадъ домой. На другой день вечеромъ надо было опять туда ѣхать. Но кто бы могъ подумать? Послѣ всей этой возни я нечувствовала себя хуже, напротивъ на другое утро мнѣ *было лучше*, чѣмъ наканунѣ.

Въ началѣ зимы я стала замѣчать, что великій князь что то очень тревоженъ. Я не знала, чтобы это такое. Дресировка собакъ прекратилась. Разъ по двадцати на день онъ являлся ко мнѣ въ комнату, съ озабоченнымъ видомъ, разсѣянный, и все о чемъ то думалъ. Онъ накупилъ себѣ Нѣмецкихъ книгъ. Но что это были за книги! Часть ихъ состояла изъ Лютеранскихъ молитвенниковъ, другую составляли юридическіе процессы и разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ, повѣшанныхъ или колесованныхъ. Онъ читалъ ихъ одну за другою, когда не игралъ на скрипкѣ. Я не торопилась его разспрашивать, зная напередъ, что если у него есть что на сердцѣ онъ не утерпитъ долго и непремѣнно разскажетъ, а разсказать было не кому другому какъ мнѣ. Наконецъ однажды онъ открылъ мнѣ свою тревогу. Почти все лѣто, по крайней мѣрѣ во все время нашей жизни въ Раѣвѣ, на Троицкой дорогѣ, я видала великаго князя, можно сказать, только за столомъ и въ постелѣ. Онъ приходилъ въ спальню, когда уже я просыпалась, а все остальное время проводилъ либо на охотѣ, либо въ приготовленіяхъ къ охотѣ. Подъ предлогомъ увеселенія великаго князя, Чоглоковъ выпросилъ у оберъ-егермейстера двѣ собачи стаи, одну, состоявшую изъ Русскихъ собакъ и съ Русскими егерями, другую изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ собакъ. За сею послѣднею ходили старый берейтеръ Французъ, мальчикъ-Курлян-

децъ и одинъ Нѣмецъ. Чоглоковъ взялъ на себя завѣдываніе Русскою стаею, а Его Императорское Высочество принялъ начальство надъ иностранною, до которой Чоглоковъ уже не долженъ былъ касаться. Оба они до мельчайшихъ подробностей занимались каждый своею частью. Такимъ образомъ Его Императорское Высочество постоянно ходилъ въ свою собачню, либо къ нему являлись егеря докладывать о благосостояніи стаи, о происшествіяхъ и нуждахъ. Короче и начисто нужно сказать, онъ съякшался съ этими людьми, пилъ и бражничалъ съ ними на охотѣ, и почти не разлучался съ ними. Тогда въ Москвѣ стоялъ Бутырскій полкъ. Въ этомъ полку былъ нѣкто капитанъ по имени Яковъ Батуринъ, игрокъ, весь въ долгахъ, прослывшій негодяемъ, но впрочемъ человѣкъ очень рѣшительный. Не знаю какъ и по какому случаю онъ свелъ знакомство съ егерями великаго князя, ходившими за Французскою стаей (если не ошибаюсь, они стояли въ одномъ мѣстѣ, не далеко отъ Мытищъ, либо Алексѣевскаго); но только егеря стали говорить великому князю, что въ Бутырскомъ полку есть одинъ капитанъ, чрезвычайно преданный Его Императорскому Высочеству, и что по его словамъ весь полкъ раздѣляетъ это чувство преданности, великій князь съ удовольствіемъ выслушалъ все это, и расспрашивалъ у егерей разныя подробности о Бутырскомъ полку. Ему наговорили много дурнаго о начальникахъ и много хорошаго о подчиненныхъ. Наконецъ Батуринъ все черезъ егерей, испросилъ позволенія представиться великому князю во время охоты. Великій князь сначала не совсѣмъ поддавался на это, но потомъ согласился. Сказано сдѣлано: великій князь поѣхалъ на охоту, и Ба-

туринъ дожидался его въ уединенномъ мѣстѣ. Какъ скоро они поравнялись, Батуринъ бросился на колѣни произнесъ клятву, что онъ кромѣ его не признаетъ надъ собою другаго Государя, и сдѣлаетъ все что онъ прикажетъ. Великій князь разсказывалъ мнѣ, что эта клятва испугала его до чрезвычайности, что онъ въ туже минуту пришпорилъ лошадь и оставилъ Батурина на колѣняхъ въ лѣсу, и что обогнавшіе его егеря не слыхали клятвы. Великій князь увѣрялъ, что не имѣлъ съ этимъ человѣкомъ никакихъ другихъ сношеній и даже предупреждалъ егерей, чтобъ они остерегались этого человѣка, который можетъ завести ихъ въ бѣду. Но въ настоящее время его очень тревожило полученное черезъ егерей извѣстіе, что Батуринъ схваченъ и отвезенъ въ Преображенское, гдѣ тогда находилась тайная канцелярія, вѣдавшая государственныя преступленія. Великій князь трепеталъ за егерей своихъ и боялся, чтобы самому не быть замѣшанъ. Относительно егерей опасенія его скоро подтвердились: ихъ черезъ нѣсколько дней арестовали и увезли въ Преображенское. Я старалась ободрить его и говорила, что ему ничего не будетъ, если только дѣйствительно *его сношенія съ Батуринымъ ограничивались* тѣмъ что онъ мнѣ разсказалъ, и что по моему виду вся вина его заключается въ томъ, что онъ неблагоразумно связался съ людьми такаго дурнаго общества. Я не знаю навѣрно, дѣйствительно ли во всемъ онъ мнѣ открылся. Должно быть тутъ было что нибудь еще, потому что даже со мною онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ полусловами и какъ будто нехотя; впрочемъ это могло происходить также и отъ того, что онъ чрезвычайно трусилъ. Вскорѣ я узнала отъ него, что нѣсколько человѣкъ

егерей были выпущены изъ Преображенскаго и сосланы изъ Москвы, и что они велѣли сказать ему, что на допросахъ ни разу не упомянули его имени. Великій князь прыгалъ отъ радости, получивъ это извѣстіе. Вся его тревога прошла, и обо всемъ этомъ больше не было рѣчи. Что касается до Батурина, то замыслы его дѣла вовсе не шуточны. Я не читала послѣ и не видала его дѣла; но мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хотѣлъ лишить жизни Императрицу, поджечь дворецъ, и воспользовавшись общимъ смущеніемъ и суматицею, возвести на престолъ великаго князя. Послѣ пытки онъ былъ осужденъ на вѣчное заключеніе въ Шлюссельбургѣ, откуда, въ мое царствованіе, пытался бѣжать, и былъ сосланъ въ Камчатку, а изъ Камчатки убѣжалъ вмѣстѣ съ Беньовскимъ, по дорогѣ ограбилъ Формозу и былъ убитъ въ Тихомъ Океанѣ.

15 Декабря мы поѣхали назадъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мы ѣхали день и ночь въ открытыхъ саняхъ. Въ серединѣ дороги у меня опять страшно разболѣлись зубы; но не смотря на то, великій князь не позволялъ закрыть сани. Едва могла я выпросить позволеніе немного спустить циновку, чтобы хоть сколько нибудь укрыться отъ холоднаго и сыраго вѣтра, который дулъ мнѣ прямо въ лицо. Наконецъ мы пріѣхали въ Царское Село, гдѣ застали Императрицу, которая по обыкновенію своему обогнала насъ въ дорогѣ. Только что вышедши изъ саней, я поспѣшила въ отведенныя намъ комнаты и послала за Боергавомъ, первымъ медикомъ Его Величества, племянникомъ знаменитаго. Я просила его вырвать мнѣ этотъ зубъ, который не давалъ мнѣ покою уже четыре или пять мѣсяцевъ. Онъ не соглашался,

но я рѣшительно настаивала. Наконецъ онъ велѣлъ позвать моего лейбъ-хирурга Гіона. Меня посадили на полъ; Боергавъ держалъ съ одной стороны, Чоглокова съ другой, и Гіонъ выдернулъ мнѣ зубъ, но въ ту минуту какъ онъ дергалъ, изо рту у меня хлынула кровь, изъ носу потекла вода и изъ глазъ слезы. Боергавъ, обыкновенно судившій очень здраво, воскликнулъ при этомъ: Экой неловкій! и когда ему подали зубъ сказалъ: Я именно этого боялся и оттого не хотѣлъ, чтобъ его вырывали? Вмѣстѣ съ зубомъ Гіонъ оторвалъ часть десны приросшей къ зубу. Императрица стояла у дверей моей комнаты, въ то время какъ мнѣ рвали зубъ. Послѣ я узнала, что она очень сожалѣла обо мнѣ и даже плакала. Меня уложили въ постель. Но смотря на то, на другой же день мы поѣхали въ городъ, опять въ открытыхъ саняхъ. Я очень страдала въ теченіи слишкомъ четырехъ недѣль, и вышла изъ комнаты не раньше половины Января 1750 года, потому что на щекѣ у меня долго оставались отпечатанными всѣ пять пальцевъ господина Гіона въ видѣ синихъ и желтыхъ пятенъ. Въ новый годъ сидя за туалетомъ, я замѣтила, что парикмахеръ мой, Калмыченокъ, мною воспитанный, что то не обыкновенно красенъ, и глаза у него сверкали. Я спросила что съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ жаръ и сильную головную боль. Я приказала ему лечь въ постель, потому что онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ ушелъ, и вечеромъ мнѣ сказали, что у него началась оспа. Я очень боялась заразиться оспою, но не заразилась, хотя онъ мнѣ чесалъ голову.

Почти всю масляницу Императрица прожила въ Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ было совсѣмъ

пусто. Большая часть достаточныхъ людей жили въ немъ по обязанности, отнюдь не по собственному желанію, и когда дворъ возвратился изъ Москвы, почти всѣ придворные, чтобы остаться въ Москвѣ на перерывъ брали отпускъ, кто на годъ, кто на шесть мѣсяцевъ кто на мѣсяцъ или на нѣсколько недѣль. Точно тоже дѣлали должностныя лица, Сенаторы и проч.; если же нельзя было получить отпуска, то являлись разные предлоги, мнимыя и настоящія болѣзни, мужей, отцовъ, женъ, братьевъ, матерей, сестеръ или дѣтей, тяжбы, либо другія неотлагаемыя дѣла; однимъ словомъ прошло слишкомъ шесть мѣсяцевъ, прежде чѣмъ дворъ и городъ снова населились, какъ были передъ отъѣздомъ Императрицы въ Москву; и въ этотъ промежутокъ Петербургскія улицы поросли травою, потому что ѣзда въ экипажахъ почти совсѣмъ прекратилась. При такомъ положеніи дѣлъ конечно нельзя было разсчитывать на многочисленное общество, и особлино намъ, которыхъ держили въ заперти. Чтобы сколько нибудь развлечь насъ съ великимъ княземъ, или скорѣе сами не зная что дѣлать отъ скуки, Чоглоковъ и жена его ежедневно послѣ обѣда приглашали насъ на карточную игру въ отдѣленіе, которое они занимали въ дворцѣ и которое состояло изъ 4 или 5 весьма не большихъ комнатъ. Туда являлись также кавалеры и дамы двора, и въ томъ числѣ принцесса Курляндская, дочь герцога Эрнеста Іоанна Бирона, бывшаго фаворитомъ Императрицы Анны. Императрица Елизавета вызвала этого герцога изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ въ правленіе принцессы Анны, и назначила ему для житья городъ Ярославль, что на Волгѣ. Тамъ онъ жилъ съ женою, сыновьями и дочерью. Сія послѣдняя

не отличалась ни красотою, ни стройностью, напротивъ была маленькаго роста и съ горбомъ назади, но она имѣла прекрасные глаза и была одарена умомъ и необыкновенною способностью интриговать. Родители не слишкомъ ее жаловали, и по ея словамъ обращались съ нею постоянно дурно. Въ одинъ прекрасный день она съумѣла выбраться изъ подъ отеческаго крова и убѣжала къ госпожѣ Пушкиной, женѣ Ярославскаго воеводы. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе при дворѣ, привезла принцессу къ Москву и съ помощью графини Шуваловой умѣла представить ее несчастною жертвою родительскихъ преслѣдованій, которыя будто она навлекла на себя усердіемъ своимъ къ Православной вѣрѣ. Дѣло повернули быстро и тотчасъ же положили окрестить ее. Императрица была крестною матерью, и принцессу поселили съ фрейлинами Его Величества. Чоглоковъ вообразилъ своимъ долгомъ оказывать ей особенное вниманіе, потому что старшій братъ ея нѣкогда вывелъ его въ люди, взявши изъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ воспитывался, въ конную гвардію, и держа его при себѣ въ родѣ прислуги. Такимъ образомъ принцесса Курляндская втерлась въ наше общество, и ежедневно по нѣскомку часовъ играла въ карты со мною, великимъ княземъ и Чоглоковою. Сначала она вела себя какъ нельзя скромнѣе. Она была вкрадчива умомъ своимъ, заставляла забывать непріятное впечатлѣніе, производимое ея наружностью, особливо когда сидѣла. Съ кѣмъ то говорила, она всякому умѣла сказать что нибудь пріятное. Всѣ смотрѣли на нее какъ на интересную сиротку, безъ связей и безъ помощи. Въ глазахъ великаго князя она имѣла еще одно досто-

инство, весьма по его мнѣнію важное; она была въ нѣкоторомъ родѣ иностранная принцесса, да еще принцесса Нѣмецкая, вслѣдствіе чего онъ объяснялся съ нею не иначе какъ по нѣмецки; она его плѣняла этимъ, и онъ началъ оказывать ей все возможное вниманіе, къ какому только былъ способенъ. Когда она обѣдала у себя, онъ посылалъ ей вино и лакомыхъ блюдъ со стола своего; или доставши какую нибудь новую гренадерскую каску или перевязь, посылалъ ихъ показывать ей. Ей было тогда около 21 или 25 лѣтъ — кромѣ принцессы Курляндской, дворъ сдѣлалъ въ Москвѣ еще другія пріобрѣтенія; именно, императрица взяла ко двору двухъ графинь Воронцовыхъ, племянницъ Вице Канцлера, дочерей младшаго его брата, графа Романа. Старшей, Маріи, было въ то время около 14 лѣтъ. Она поступила въ число фрейлинъ Императрицы. Младшую Елисавету, одинадцати лѣтъ, отдали мнѣ. Это была дѣвочка, очень не взрачная, оливковаго цвѣта лица и до чрезвычайности нечистоплотная.

Къ концу масляницы Ея Величество возвратилася въ городъ. На первой недѣлѣ поста мы стали говѣть. Въ среду вечеромъ я должна была идти въ баню въ домъ къ Чоглоковымъ; но на канунѣ Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату и увидавъ великаго князя, который сидѣлъ у меня, сказала ему отъ имени Императрицы, чтобы онъ также сходилъ въ баню. Надо замѣтить, что баня и всѣ Русскіе обычаи и мѣстные нравы были не только непріятны великому князю, но онъ ихъ просто ненавидѣлъ. Онъ на чисто объявилъ, что не пойдетъ въ баню. Но Чоглокова не меньше его была упряма и не умѣла удерживать языкъ

свой. Она сказала ему, что это значитъ неповиновенie Ея Императорскому Величеству. Онъ стоялъ на своемъ и говорилъ, что не слѣдуетъ приказывать ему поступать вопреки своей природѣ, *что онъ знаетъ, какъ ему вредна баня* (онъ въ ней ни разу не бывалъ), что ему вовсе не хочется умереть, что нѣтъ ничего дороже жизни, и что Императрица не можетъ заставить его идти въ баню. На это Чоглокова стала говорить, что Ея Величество съумѣетъ показать его за такое повиновенie. Тутъ великiй князь разсердился еще больше, и съ жаромъ сказалъ: Посмотримъ, что она со мною сдѣлаетъ; вѣдь я не ребенокъ. Тогда Чоглокова погрозилась, что Императрица посадитъ его въ крѣпость. Послѣ этого онъ принялся горько плакать; они наговорили другъ другу самыхъ оскорбительныхъ вещей, и по правдѣ сказать, оба показали, какъ мало въ нихъ человѣческаго смыслу. Наконецъ Чоглокова ушла, объявивъ, что все отъ слова до слова перескажетъ Императрицы. Не знаю, исполнила ли она эту угрозу, но только она вернулась, и совершенно неожиданно повела рѣчь совсѣмъ о другомъ. Именно она объявила, что Императрица чрезвычайно гнѣвается на насъ, отчего у насъ нѣтъ дѣтей и желаетъ знать, кто изъ насъ обоихъ виноватъ въ этомъ, и что по этому она пришлетъ ко мнѣ повивальную бабушку, а къ нему доктора. Къ этому Чоглогова прибавила еще нѣсколько другихъ оскорбительныхъ и безсмысленныхъ словъ, и въ заключенiе сказала, что Императрица разрѣшаетъ намъ не говѣть эту недѣлю, такъ какъ великiй князь сказалъ, что баня вредна для его здоровья. Надо замѣтить, что въ обоихъ этихъ разговорахъ я почти не участвовала ни пол-

словомъ, вопервыхъ потому, что они оба чрезвычайно горячились и не давали мнѣ говорить, а во вторыхъ потому что я видѣла, до какой степени они оба безсмысленны. Не знаю, какъ разсудила о томъ Императрица, но только послѣ вышеописанной сцены больше не было рѣчи ни о банѣ ни о дѣтяхъ.

Въ серединѣ поста Ея Величество уѣхала въ Гостилицы на имянины къ графу Разумовскому, а насъ съ своими фрейлинами и нашею обыкновенною свитою отправила въ Царское Село. Погода стояла очень теплая и даже жаркая, такъ что 17 Марта снѣгъ весь сошелъ, и на дорогѣ показалась пылъ. Въ Царскомъ Селѣ великій князь съ Чоглоковымъ охотились, а я съ дамами безпрестанно гуляла, то пѣшкомъ, то въ колясках; вечеромъ мы играли въ разныя petits jeux. Въ это время великій князь, и особливо по вечерамъ, выпивши (что съ нимъ случалось ежедневно), обнаруживалъ рѣшительную склонность къ принцессѣ Курляндской. Онъ не отходилъ отъ нея шагу, говорилъ съ нею одною; не церемонился больше ни въ моемъ присутствіи, ни при другихъ, такъ что я наконецъ не могла не оскорбляться и не досадовать, видя, какъ онъ предпочиталъ мнѣ этого маленькаго уродца. Однажды вечеромъ когда мы вставали изъ за стола, Владиславова сказала мнѣ, что при дворѣ всѣ съ негодованіемъ говорятъ о предпочтеніи, которое оказывается предо мною этой горбушкѣ. Что дѣлать! отвѣчала я съ навернувшимися на глазахъ слезами, и ушла спать; за мною и великій князь. Онъ былъ пьянъ дотого, что не зналъ что дѣлалъ, и улегшись, сталъ мнѣ твердить о необыкновенныхъ качествахъ своей красавицы. Чтобы заставить его замолчать, я притворилась

спящею; но онъ, думая разбудить меня, началъ говорить громче. Наконецъ, видя, что я не отвѣчаю, онъ раза два или три довольно сильно толкнулъ меня въ бокъ кулакомъ, и съ ругательствами на крѣпкій сонъ мой повернулся и уснулъ. Послѣ такихъ толчковъ я много плакала въ эту ночь, обдумывая мое положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ непріятное и несносное. На другой день, какъ видно, ему стало стыдно своего поступка: онъ ни слова не говорилъ о томъ, а я показывала видъ, будто не почувствовала его толчковъ. Черезъ два года мы возвратились въ городъ, и на послѣдней недѣлѣ поста возобновили наше говѣнье. О банѣ больше не поминали великому князю; но съ нимъ въ эту недѣлю случилось другое происшествіе, которое нѣсколько озаботило его. Возня въ его комнатѣ не прекращалась почти цѣлый день. Разъ послѣ обѣда онъ досталъ себѣ предлинный кучерской кнутъ и началъ надъ нимъ свои упражненія. Онъ хлесталъ имъ на право и на лѣво, а лакеи, чтобы спастись отъ удара, должны были перебѣгать изъ одного угла въ другой. Не знаю, по неловкости или по неосторожности, но только онъ хлеснулъ въ щеку самого себя, и такъ сильно, что лѣвой стороны лица образовался большой рубецъ, очень красной. Это очень встревожило его. Онъ боялся, что ему нельзя будетъ показаться на Святую, что Императрица, по случаю окровавленной щеки, опять не позволитъ ему причащаться, и какъ скоро узнаетъ объ упражненіяхъ съ кнутомъ, то ему опять будутъ выговоры и какія нибудь непріятности. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, онъ не замедлилъ явиться ко мнѣ за совѣтомъ, и просилъ, чтобъ я помогла его горю. Боже мой! что такое

случилось съ Вами, воскликнула я, увидавъ его съ окровавленной щекою. Онъ мнѣ разсказалъ все что описано выше. Погодите, сказала я ему, не много подумавши; можетъ быть я помогу вамъ. Теперь ступайте къ себѣ въ комнату и постарайтесь, чтобы къ Вамъ какъ можно меньше приходило, постороннихъ. Я приду къ Вамъ какъ только достану что мнѣ нужно, и надѣюсь, что все обойдется благополучно. Онъ ушелъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ случилось упасть въ Петергофскомъ саду, и я до крови оцарапала себѣ щеку; лейбъ-хирургъ мой Іонъ далъ мнѣ помады изъ свинцовыхъ бѣлилъ, которою я замазала рубецъ, такъ что могла свободно выходить, и никто не замѣтилъ оцарапанной щеки моей. Вспомнивъ объ этомъ, я тотчасъ послала за помадой и когда ее принесли отправилась къ великому князю, и такъ искусно намазала ему щеку, что онъ самъ глядя въ зеркало, не замѣчалъ рубца своего. Въ Четвергъ мы причащались вмѣстѣ съ Императрицей въ большой придворной церкви, и когда послѣ причастія опять стали на наши мѣста, свѣтъ прямо упалъ на щеку великаго князя. Чоглоковъ съ чѣмъ то подошелъ къ намъ, и взглянувъ на великаго князя, сказалъ ему: Утрите щеку, она вся въ помадѣ. Я какъ будто въ шутку сказала на это: Не смѣйте утираться; жена ваша не приказываетъ Вамъ. — Что съ нимъ станешь дѣлать — замѣтилъ великій князь, обращаясь къ Чоглокову — когда женѣ не угодно, мужъ не смѣетъ даже утереться. Чоглоковъ засмѣялся и сказалъ: Это ужъ настоящій женскій капризъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Великій князь былъ очень доволенъ мною и за помаду, которая избавила его отъ непріятностей,

и за мое присутствіе духа, которымъ я устранила всякое подозрѣніе со стороны Чоглокова.

Такъ какъ въ Свѣтлое воскресенье надо было быть у заутрени, то въ великую суботу послѣ обѣда я легла уснуть и велѣла разбудить себя, когда будетъ пора одѣваться. Только что успѣла я лечь въ постель, какъ великій князь опрометью вбѣжалъ и объявилъ, чтобъ я немедленно вставала и шла къ нему ѣсть свѣжихъ устрицъ, которыя ему сейчасъ привезли изъ Гольштиніи. Привозъ устрицъ былъ для него великомъ и двойнымъ праздникомъ: во первыхъ онъ былъ до нихъ охотникъ, а во вторыхъ они были изъ Гольштиніи, родной страны его, которую онъ очень любилъ, но которою тѣмъ не менѣе какъ увидимъ ниже, управлялъ очень дурно, дѣлая въ ней и позволяя дѣлать страшныя вещи. Не пойти значило огорчить его, и кромѣ того онъ сталъ бы браниться. Поэтому я встала и отправилась къ нему, хотя была очень утомлена безпрестаннымъ стояніемъ въ церкви въ продолженіи страстной недѣли. Устрицы были уже поданы. Я съѣла около дюжины, и за тѣмъ онъ позволилъ мнѣ уйти и лечь спать: а самъ остался доѣдать устрицы. Около полуночи я встала, одѣлась къ обѣднѣ; но не могла выстоять до конца по причинѣ сильной колики. Въ жизнь свою не помню такой страшной боли. Я должна была уйти къ себѣ въ комнату; всѣ мои люди были въ церквѣ. Со мною пришла одна только княжна Гагарина, которая и помогла мнѣ раздѣться, уложила въ постель и послала за докторами. Мнѣ прописали лѣкарства, и первые два праздника я оставалась въ постели.

Около этого времени или не много раньше, въ Россію пріѣхали посолъ Вѣнскаго двора графъ

Бернисъ, и посланники: Датскій — графъ Линаръ и Саксонскій — генералъ Аригеймъ. Сей послѣдній привезъ съ собою и жену свою урожденную Гоимъ. Графъ Бернисъ, родомъ изъ Піемонта, пятидесяти съ небольшимъ лѣтъ, былъ уменъ, любезенъ, веселъ, имѣлъ много познаній и такой характеръ, что молодымъ людямъ пріятнѣе было оставаться въ его обществѣ, нежели съ своими сверстниками. Его всѣ любили и уважали, и я тысячу разъ говорила и повторяла, что для великаго князя проистекла бы величайшая польза, если бы къ нему приставили его, или подобнаго ему человѣка. Великій князь на равнѣ со мною оказывалъ ему особенную привязанность и уваженіе, и самъ говорялъ, что въ присутствіи такаго человѣка, какъ графъ Бернисъ, невольно стыдиться дѣлать глупости — превосходное слово, котораго я никогда не могла забыть. Въ качествѣ кавалера посольства, при графѣ Бернисѣ находился графъ Гамильтонъ, Мальтійскій кавалеръ. Однажды при дворѣ, спрашивая сего последняго о здоровьи графа Берниса (онъ былъ тогда боленъ), я случайно замѣтила, что имѣю очень высокое понятіе о графѣ Батіани, котораго Императрица-королева назначила въ то время воспитателемъ старшихъ сыновей своихъ, эрцгерцоговъ Іосифа и Карла — такъ какъ въ этой должности его предпочли даже графу Бернису. Въ 1780 году, въ первое свиданіе мое съ Императоромъ Іосифомъ II, Его Императорское Величество сказалъ мнѣ, что знаетъ о такомъ моемъ отзывѣ. Я отвѣчала, что вѣроятно ему передалъ его графъ Гамильтонъ (который, по возвращеніи изъ Россіи, былъ опредѣленъ къ Іосифу). Онъ сказалъ, что я угадала, и что хотя онъ не зналъ графа Бер-

нпса, но что его считали болѣе способнымъ къ исполненію этой должности, нежели бывшій его воспитатель. Графъ Линаръ, посланникъ Датскаго Короля, пріѣхалъ въ Россію для переговоровъ *объ обмѣнѣ Гольштиніи, принадлежавшей великому князю, на Ольденбургское графство.* Этотъ человѣкъ былъ (по крайнѣй мѣрѣ такъ говорили о немъ) очень талантливъ и имѣлъ много познаній. Наружность его обличала какъ нельзя больше пустаго щеголя. Онъ былъ великъ ростомъ и хорошо сложенъ, имѣлъ свѣтлые, почти рыжіе волосы и цвѣтъ лица бѣлый какъ у женщины. Про него разсказывали, что онъ никогда не ложился въ постель, не натерши лица и рукъ помадою, и засыпалъ въ перчаткахъ и ночной маскѣ. Онъ хвастался тѣмъ, что у него восьмнадцать человѣкъ дѣтей и увѣрялъ, что женщины, кормившія этихъ дѣтей, получали способность кормить тоже благодаря ему. Весь бѣлобрысый, онъ украшалъ себя бѣлою лентою Датскаго ордена, и носилъ платья чрезвычайно свѣтлыхъ цвѣтовъ, какъ напр. лазореваго, абрикосоваго, лиловаго, тѣлеснаго и проч. хотя въ то время мущины еще рѣдко употребляли такіе свѣтлые цвѣта. Великій канцлеръ Графъ Бестужевъ и жена его обращались съ графомъ Линаромъ, какъ съ другомъ дома, и чрезвычайно за нимъ ухаживали, что тѣмъ не менѣе было очень смѣшно. Противъ него еще одно обстоятельство, именно сохранившееся воспоминаніе о чрезмѣрной дружбѣ брата его съ принцессою Анною, правленіе которой было ниспровергнуто. Какъ бы то ни было, только что графъ Линаръ немедленно по прибытіи своемъ началъ толковать объ обмѣнѣ Гольштиніи на Ольденбургское графство. Великій Канцлеръ, графъ Бесту-

жевъ призвалъ къ себѣ господина Пехлина, бывшаго министромъ великаго князя по управленію Гольштинскимъ герцогствомъ, и сообщилъ ему предложеніе графа Линара. Пехлинъ доложилъ о томъ великому князю. Сей послѣдній страстно любилъ свою Гольштинію. Еще въ Москвѣ ему было доложено о неоплатныхъ долгахъ Герцогства; онъ попросилъ денегъ у Императрицы, которая дала ему не очень большую сумму; но деньги эти не дошли до Гольштиніи и употреблены были на удовлетвореніе наиболѣе неотступныхъ кредиторовъ Его Императорскаго Высочества въ Россіи. Пехлинъ говорилъ, что финансовыя дѣла Гольштиніи находятся въ отчаянномъ положеніи. Онъ могъ хорошо знать о томъ, потому что великій князь возложилъ на него все управленіе, а самъ очень мало, или почти совсѣмъ не занимался дѣлами, такъ, что однажды выведенный изъ терпѣнія Пехлинъ тихимъ голосомъ сказалъ ему: „Ваше Высочество! Государь имѣетъ полное право принимать или непринимать участіе въ управленіи своей страною; если онъ не принимаетъ участія, то страна управляется сама собою, но она управляется дурно.“ Этотъ Пехлинъ былъ очень маленькаго роста, очень жирный и носилъ огромный парикъ, но не былъ лишенъ дарованій и былъ человѣкъ свѣдущій. Въ его толстой и коротенькой фигурѣ обиталъ тонкій и проницательный умъ; его обвиняли только въ томъ, что онъ былъ вовсе не деликатенъ въ выборѣ средствъ. Великій Канцлеръ графъ Бестужевъ имѣлъ къ нему большую довѣренность, и онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ. Пехлинъ представилъ великому князю, что выслушать условія еще не значитъ договариваться, и договариваться не зна-

чить еще принять условія, и что онъ всегда, какъ скоро найдетъ нужнымъ, можетъ прервать переговоры. Наконецъ, мало по малу, его склонили уполномочить Пехлина къ выслушанію предложеній Датскаго посланника, и этимъ самымъ началась негоціація. Въ сущности она была непріятна великому князю, и онъ мнѣ говорилъ о томъ. Съ моей стороны, будучи воспитана въ старыхъ предубѣжденіяхъ Гольштинскаго дома противъ Даніи, и наслышавшись о вредныхъ замыслахъ Графа Бестужева противъ великаго князя и меня, я не могла говорить объ этой негоціаціи иначе какъ съ неудовольствіемъ и безпокойствомъ, и всѣми мѣрами старалась отклонять отъ нея великаго князя. Надо замѣтить, что я только отъ него одного и слышала о ней; а ему самому сказано было, чтобы онъ соблюдалъ въ этомъ отношеніи строжайшую тайну, и особливо говоря съ женщинами. Я полагаю, что послѣдняя предосторожность относилась преимущественно ко мнѣ, но она ни къ чему не повела, потому что Его Императорское Высочество тотчасъ же обо всемъ мнѣ разсказывалъ. Чѣмъ дальше шли переговоры, тѣмъ больше старались представить ихъ великому *князю въ благопріятномъ и выгодномъ свѣтѣ.* Часто я видала его въ восторгѣ отъ будущихъ пріобрѣтеній; затѣмъ восторгъ проходилъ, и онъ снова начиналъ сожалѣть о томъ, что приходилось уступить. Какъ скоро онъ колебался, переговоры нарочно были замедляемы до тѣхъ поръ, пока выдумывали какую нибудь новую приманку и успѣвали увѣрить его, что онъ останется съ барышомъ.

Въ началѣ весны намъ велѣно было переселиться въ Лѣтній садъ, въ небольшой домъ постро-

енный Петромъ I-мъ, гдѣ почти нѣтъ фундамента; изъ комнать прямо выходишь въ садъ. Тогда еще не было ни каменной набережной, ни моста черезъ Фонтанку. Въ этомъ домѣ меня постигло горе тяжеле всѣхъ испытанныхъ мною въ царствованіе Императрицы Елисаветы. Въ одно утро мнѣ пришли сказать, что Императрица отставила отъ меня стараго моего камердинера Тимофея Евреинова. Вотъ предлогъ этой отставки. Евреиновъ бранился въ гардеробной съ другимъ лакеемъ, подававшимъ намъ кофей; великій князь проходилъ мимо и слышалъ отчасти ихъ перебранку. Третій лакей, врагъ того, съ которымъ Евреиновъ бранился, пошелъ къ Чоглокову и донесъ, что тотъ лакей произносилъ неприличныя слова въ присутствіи великаго князя. Чоглоковъ тотчасъ же доложилъ Императрицѣ, которая приказала отставить отъ двора обоихъ и такимъ образомъ Евреиновъ былъ сосланъ въ Казань, гдѣ въ послѣдствіи его сдѣлали начальникомъ полиціи. Но настоящая причина заключалась въ томъ, что Евреиновъ и другой сосланный лакей были очень привязаны къ намъ, особливо первый, и уже давно искали предлога, чтобы отнять у меня его. Все мое имущество было у него подъ сохраненіемъ. На его мѣсто Императрица назначила бывшаго его помощника Шкурина. Къ сему послѣднему въ то время я вовсе не имѣла довѣренности.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ домѣ Петра I-го, насъ перемѣстили въ деревянный лѣтній дворецъ, гдѣ для насъ приготовлены были новыя комнаты, выходившія съ одной стороны на Фонтанку, которая тогда была грязнымъ болотомъ, а съ другой на небольшой очень нечистый дворъ. Въ Духовъ день Императрица

приказала мнѣ пригласить кататься со мною мадамъ Арнгеймъ, жену Саксонскаго посланника. Это была статная и очень хорошо сложенная женщина, лѣтъ 25 или 26-ти, нѣсколько сухощавая и вовсе не красивая лицомъ, которое было усѣяно довольно крупными рябинами; но издали она казалась бѣлою и производила въ нѣкоторомъ родѣ величественное впечатлѣніе. Мадамъ Арнгеймъ пріѣхала ко мнѣ около 5 часовъ послѣ обѣда, съ ногъ до головы въ мужскомъ нарядѣ: на ней было красное суконное платье, обшитое золотымъ галуномъ и зеленый гродетуровой камзолъ съ тѣми же галунами. Она не знала, куда положить шляпу и что дѣлать съ своими руками, и показалась намъ не очень ловка. Зная, что Императрица не любитъ чтобы я ѣздила по мужески, я приказала приготовить себя англійскій манеръ платье изъ очень богатой, лазореваго съ серебромъ цвѣта матеріи; стеклянныя пуговицы мои сверкали какъ настоящія брилянтовыя, а на черной шапочкѣ навязана была кругомъ брилянтовая нитка. Я пошла внизъ садиться на лошадь. Въ эту минуту Ея Величество пришла къ намъ въ комнаты посмотрѣть какъ мы поѣдимъ. Я въ то время *была очень ловка и привычна въ верховой ѣздѣ*; подошедши къ лошади, я въ ту же минуту вспрыгнула на нее, съ обѣихъ сторонъ распустила мою юпку, въ которой для этого нарочно была сдѣлана прорѣха. Увидавъ съ какою ловкостью и проворствомъ я сѣла на лошадь, Императрица вскрикнула отъ удивленія и сказала, что невозможно сидѣть красивѣе моего. Она спросила, на какомъ я сѣдлѣ, и узнавши, что на дамскомъ, сказала: Можно было побиться объ закладъ что она сидитъ на мужскомъ. За тѣмъ пришла оче-

редь садиться мадамъ Арнгеймъ; но она не могла удивить Ея Величество ловкостью. Лошадь свою она привела изъ дому. Это была дрянная, темно-бурая кляча, очень высокая и не поворотливая: наши придворные увѣряли будто это дышловая лошадь и взята изъ подъ коляски. Чтобы взобраться на нее, надо было подставлять скамейку, и все это было сдѣлано очень церемонно и съ помощью многихъ лицъ. Когда она наконецъ взобралась, лошадь начала очень неловко ступать, такъ что всадница ежеминутно могла опрокинуться, не усаживалась какъ слѣдуетъ, скользила въ стременахъ и должна была держаться рукою за сѣдло. Какъ скоро она усѣлась, я поѣхала впередъ, и слѣдъ за мною нѣсколько человѣкъ. Я догнала великаго князя, который выѣхалъ раньше, и мадамъ Арнгеймъ на своей клячѣ осталась позади. Послѣ мнѣ сказывали, что Императрица много смѣялась надъ верховою ѣздою мадамъ Арнгеймъ. Кажется, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, Чоглокова, ѣхавшая въ коляскѣ, должна была посадить ее къ себѣ, потому что она безпрестанно теряла то шляпу, то стремена. Наконецъ мы пріѣхали въ Екатерингофъ. Но этимъ еще не все кончилось. Въ этотъ день часовъ до трехъ послѣ обѣда шелъ дождь, и когда мы пріѣхали въ Екатерингофскій домъ, на лѣстницѣ и на площадкахъ стояли лужи. Слѣзши съ лошади и пробывъ нѣсколько минутъ въ залѣ, куда собралось много народу, я вздумала пройти по открытой площадкѣ въ комнату, гдѣ были мои женщины. Мадамъ Арнгеймъ пошла за мною, и такъ какъ я шла очень скоро, то ей пришлось бѣжать, чтобъ не отстать отъ меня; она нашла на лужу, поскользнулась и растянулась во всю длину свою

при всеобщемъ хохотѣ стоявшихъ на площадкѣ зрителей. Она поднялась нѣсколько сконфузившись, и приписывая свое паденіе тому, что въ этотъ день на ней были новые сапоги. Мы возвращались съ прогулки въ экипажахъ; дорогою она безпрестанно говорила намъ о достоинствахъ своей клячи; мы кусали себѣ губы, чтобъ не разразиться смѣхомъ. Въ продолженіи многихъ дней при дворѣ и въ городѣ всѣ хохотали надъ ея похожденіями. Мои женщины увѣряли, будто она упала отъ того, что вздумала подражать мнѣ не *имѣя моей ловкости. Чоглокова была вовсе не* смѣшлива, но долго смѣялась до слезъ когда ей вспоминали о мадамъ Аргеймъ.

Изъ лѣтняго дворца мы переѣхали въ Петергофъ, гдѣ этотъ годъ жили въ Монплезирѣ. Ежедневно послѣ обѣда мы просиживали по нѣскольку часовъ у Чоглоковыхъ, къ которымъ собирались гости, гдѣ потому было довольно пріятно. Оттуда мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, и тамъ каждый Божій день ѣзжали на охоту. Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь. Впрочемъ лѣто было довольно дождливо. Помню, какъ однажды я возвратилась домой вся мокрая, и слѣзши съ лошади, встрѣтила моего портнаго, который сказалъ: Ну, теперь я не удивляюсь, отчего не могу наготовиться на васъ верховыхъ платьевъ, и отчего меня безпрестанно заставляютъ шить новыя. Дѣло въ томъ, что я приказывала шить ихъ не иначе какъ изъ шелковаго камлота: они съеживались отъ дождя и линяли на солнцѣ и потому надо было безпрестанно заказывать новыя. Въ это время я изобрѣла себѣ сѣдло, на которомъ могла ѣздить какъ хотѣла. Оно было съ англійскою лукою, такъ что можно было пе-

рекинуть ногу и сѣсть по мужски. Его можно было раздвигать, и по произволу, какъ вздумается, опускать или подымать другое стремя. Когда у кучеровъ спрашивали, какъ я ѣзжу, они отвѣчали, что по приказанію Императрицы на дамскомъ сѣдлѣ. Я перекидывала ногу только въ такомъ случаѣ когда была увѣрена, что никто не донесетъ на меня, и такъ какъ я не хвасталась моимъ изобрѣтеніемъ, а прислуга была рада доставить мнѣ удовольствіе, то все обходилось благополучно. Великому князю мало было заботы, на какомъ бы сѣдлѣ я ни ѣздила. Кучера находили, что гораздо безопаснѣе ѣздить по мужски, особливо гоняясь безпрестанно на охоту, нежели на англійскихъ сѣдлахъ; сихъ послѣднихъ они терпѣть не могли, увѣряя, что съ ними всегда что нибудь случается, изъ за чего послѣ съ нихъ пойдутъ взысканія. Сказать по правдѣ я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховную ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ: если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за нею, и приводила ее назадъ. Въ это время также у меня въ карманѣ постоянно бывала книга, которую я принималась читать, какъ скоро была одна. Впродолженіи этой охотничьей жизни, я замѣтила, что Чоглоковъ сдѣлался гораздо мягче, и особливо противъ меня, такъ что я стала опасаться, ужъ не вздумалъ ли онъ волочиться за мною, чего я вовсе не желала. Прежде всего, онъ мнѣ отнюдь не нравился; онъ былъ бѣлокуръ и щеголеватъ, чрезвычайно толстъ, и умомъ также не поворотливъ, какъ и тѣломъ. Его всѣ терпѣть не могли, какъ жабу, и въ самомъ дѣлѣ нечего было любить. Кромѣ того я должна была опасаться ревности и

недоброжелательства злой жены его, тѣмъ болѣе, что я не имѣла никакой опоры въ мірѣ, кромѣ самой себя и моихъ достоинствъ, если только таковыя были во мнѣ. Вслѣдствіе этого я очень *искусно избѣгала и уклонялась отъ того*, что казалось мнѣ преслѣдованіемъ со стороны Чоглокова; но впрочемъ была съ нимъ вѣжлива, и онъ не имѣлъ причины на меня жаловаться. Все это какъ не льзя лучше было замѣчено женою его, которая оцѣнила мое поведеніе, и впослѣдствіи очень полюбила меня, отчасти именно за это. Но о томъ будетъ сказано ниже.

При дворѣ нашемъ было два камергера Салтыковы, сыновья генералъ-адъютанта Василья Ѳедоровича Салтыкова, жена котораго, Марья Алексѣевна, урожденная княжна Голицына, мать этихъ двухъ молодыхъ людей, пользовалась особенною милостью Императрицы за необыкновенную вѣрность, преданность и отличныя услуги, оказанныя ею во время восшествія на престолъ Ея Величества. Младшій изъ этихъ двухъ братьевъ Сергѣй, не за долго передъ описываемымъ временемъ, женился на Императрициной фрейлинѣ Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Старшій братъ, котораго звали Петръ, *былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова*, съ самою безсмысленною физіономіею, какую когда либо я встрѣчала въ моей жизни: большіе стоячіе глаза, тупой носъ и ротъ всегда полураскрытый. Ко всему этому онъ былъ въ высшей степени сплетникъ, и по этому самому — Чоглоковы довольно хорошо принимали его. Владиславова, по старому знакомству съ матерью этого олуха, внушила Чоглоковымъ мысль женить его на Принцессѣ Курляндской. По крайней мѣрѣ онъ принялся за ней ухаживать, сдѣлалъ предло-

женіе, и былъ отвергнутъ, и родители его стали просить у Императрицы соизволенія на бракъ. Великій князь узналъ о томъ по возвращеніи нашемъ въ городъ, когда дѣло уже совсѣмъ было улажено. Онъ очень разсердился, не одобрялъ брака и сталъ дуться на принцессу Курляндскую. Не знаю какъ она умѣла, не смотря на все это, удержать за собою нѣкоторую долю прежней любви великаго князя, и въ теченіи долгаго времени до меня, то я была въ восторгѣ отъ этого брака, и заказала для жениха великолѣпное платье. Императрица изъявила согласіе; но въ то время при дворѣ случалось по цѣлымъ годамъ дожидаться свадьбы, потому что Императрица обыкновенно сама назначала день, часто по долгу забывала о томъ, и когда ей напоминали, откладывала отъ времени до времени. Такъ было и тутъ. Однако осенью, возвратившись въ городъ, я имѣла удовольствіе видѣть какъ принцесса Курляндская и Петръ Салтыковъ благодарили Императрицу за то, что она изволила согласиться на бракъ ихъ. Надо замѣтить впрочемъ, что Салтыковы принадлежали къ самымъ древнимъ и знатнымъ родамъ въ Россіи и находились даже въ родствѣ съ царскимъ домомъ, ибо мать Императрицы Анны была урожденная Салтыкова (по другой линіи); между тѣмъ какъ Биронъ, сдѣланный Курляндскимъ Герцогомъ по милости Императрицы Анны былъ не болѣе какъ сынъ ничтожнаго и бѣднаго фермера, жившаго на земляхъ одного Курляндскаго дворянина. Фермеръ этотъ назывался Биренъ; но кардиналъ Флери, желая польстить самолюбію его сына, пользовавшагося такимъ значеніемъ въ Россіи, и черезъ то склонить Русскій дворъ въ пользу Франціи, уговорилъ Французскихъ

Бироновъ принять въ родъ свой Фаворита Императрицы Анны.

По возвращеніи въ городъ, мы узнали, что кромѣ двухъ дней въ недѣлю, по которымъ обыкновенно давалась французская комедія, назначено еще два дня для маскарадовъ. Пятый день взялъ великій князь для своихъ концертовъ, а по воскресеньямъ какъ и всегда, были куртаги. На одномъ изъ двухъ маскарадовъ бывалъ только дворъ и тѣ лица, которыхъ Императрица удостоивала своимъ приглашеніемъ; въ другомъ маскарадѣ могли участвовать всѣ чиновные люди въ городѣ до полковничьяго чина и всѣ служившіе офицерами въ гвардіи; иногда допускались на нихъ всѣ вообще дворяне и знатнѣйшее купечество. На первыхъ, придворныхъ маскарадахъ обыкновенно бывало не болѣе 160 или 200 человѣкъ, на вторыхъ, называвшихся публичными до 800 человѣкъ.

Въ 1744 году, въ Москвѣ, Императрицѣ вздумалось приказать, чтобы на придворные маскарады всѣ мужчины являлись въ женскихъ нарядахъ и всѣ женщины въ мужскихъ, и при томъ безъ масокъ на лицахъ. Это были превращенные куртаги: мужчины въ огромныхъ юпкахъ на китовыхъ усахъ, одѣтые и причесанные точно такъ, какъ одѣвались дамы на куртагахъ; а дамы въ мужскихъ придворныхъ костюмахъ. Такія метаморфозы вовсе не нравились мужчинамъ, и большая часть ихъ являлась на маскарадъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, потому что они не могли не чувствовать, какъ они безобразны въ дамскомъ нарядѣ. Съ другой стороны дамы казались жалкими мальчиками; кто былъ по старше, того безобразили толстыя и короткія ноги; и изъ

всѣхъ нихъ мужской костюмъ шёлъ вполнѣ только къ одной императрицѣ. При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дюжести она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины я никогда въ жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна. Ея Величество отлично танцовала, и во всякомъ нарядѣ мужскомъ и женскомъ, умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь. Разъ на одномъ изъ такихъ баловъ, она танцовала менуетъ, и я не отводила отъ нея глазъ. Кончивши танецъ она подошла ко мнѣ. „Для женщинъ большое счастіе“ — осмѣлилась я замѣтить — „что Ваше величество родились не мужчиною; одинъ портретъ Вашъ, въ такомъ видѣ какъ теперь, могъ бы вскружить голову любой женщинѣ.“ Она была очень довольна этими словами, и въ свою очередь сказала мнѣ съ чрезвычайною любезностію, что если бы она была мужчиною, то яблоко непремѣнно досталось бы мнѣ. Я наклонилась поцаловать у нея руку за столь неожиданный комплиментъ, но она обняла меня. Всѣ стали толковать и догадываться, что такое было между нами. Я не думали дѣлать тайну, сказала Чоглокову, тотъ передалъ на ухо двумъ или тремъ, и изъ устъ въ уста, въ какую нибудь четверть часа весь маскарадъ зналъ о моемъ разговорѣ съ Императрицею.

Въ послѣдній разъ какъ мы жили въ Москвѣ, главнокомандующимъ въ Петербургѣ оставался, въ отсутствіе двора, сенаторъ и начальникъ ка-

детскаго корпуса, князь Юсуповъ. Для собственной забавы и для удовольствія знатныхъ людей, какіе оставались тогда въ Петербургѣ, онъ завелъ театральныя представленія; кадеты попеременно разыгрывали лучшія трагедіи, какъ Русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и Французскія, сочиненія Вольтера, сіи последнія въ искаженіяхъ. По возвращеніи изъ Москвы Императрица приказала, чтобы эта трупа молодыхъ людей продолжала играть піесы Сумарокова при дворѣ. Ея Величество забавлялась этими представленіями, и вскорѣ стали замѣчать, что она занимается ими несравненно болѣе, чѣмъ можно было подумать. Театръ изъ дворцовой залы перенесенъ былъ во внутренія ея покои. Она забавлялась костюмировкою актеровъ, заказывала имъ великолѣпные наряды, убирала ихъ своими драгоцѣнными каменьями. Какъ и слѣдуетъ всѣхъ богаче бывалъ одѣтъ первый любовникъ, довольно красивый мальчикъ, лѣтъ 18 или 19. Но вскорѣ и внѣ театра, стали замѣчать на немъ бриліантовыя застежки, кольца, часы, кружева и бѣлье самаго лучшаго сорта. Наконецъ онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса; оберъ-егермейстеръ графъ Разумовскій, бывшій фаворитъ Императрицы, тотъ часъ *же взялъ его къ себѣ* въ адъютанты, что равнялось капитанскому чину. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія, и стали говорить, что единственная причина, почему графъ Разумовскій взялъ къ себѣ въ адъютанты кадета Бекетова заключается въ томъ, чтобы противопоставить его молодому камеръ-юнкеру Шувалову, который вовсе не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Разумовскими; отсюда наконецъ недалеко было до заключенія, что

молодой Бекетовъ входитъ въ великій фавёръ у Императрицы. Кромѣ того, извѣстно было, что графъ Разумовскій приставилъ къ новому своему адъютанту другаго, находившагося у него на побѣгушкахъ человѣка, котораго онъ называлъ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Жена сего послѣдняго съ давнихъ поръ находилась при Императрицѣ въ числѣ камерфрау. Она то и доставляла молодому Бекетову бѣлье и кружева, о которыхъ говорено выше, и такъ какъ она вовсе не была богата, то легко можно было заключить, что деньги на наряды молодому человѣку шли вовсе не изъ ея кошелька. Начинавшійся фавёръ Бекетова никого такъ не тревожилъ какъ фрейлину мою Княжну Гагарину. Она была уже не въ первой молодости и хотѣла сыскать себѣ партію по вкусу. Она сама имѣла хорошее состояніе, но была не хороша собою, хотя очень умна и уклончива. Ей приходилось во второй разъ отказываться отъ своего предмета въ пользу Императрицы: сначала отъ Шувалова, теперь отъ Бекетова, о которомъ идетъ рѣчь. У Княжны Гагариной было множество пріятельницъ между молодыми и хорошенькими женщинами; кромѣ того она имѣла многочисленную родню. Тѣ и другіе терпѣть не могли Шувалова, увѣряя, будто изъ за него Императрица дѣлала Княжнѣ Гагариной безпрестанные выговоры, и запрещала какъ ей, такъ и многимъ другимъ молодымъ женщинамъ надѣвать то то, то другое платье или нарядъ. Вину всего этого Княжна Гагарина и всѣ хорошенькія придворныя дамы взваливали на Шувалова, и возненавидѣли его до крайности, между тѣмъ какъ прежде очень любили его. Думая смягчить ихъ гнѣвъ, онъ старался быть съ ними

предупредителенъ, и черезъ друзей своихъ передавалъ имъ разныя любезности; но въ этомъ онѣ видѣли для себя новое оскорбленіе. Онѣ отворачивались отъ него, не хотѣли говорить съ нимъ, бѣгали отъ него какъ отъ чумы. Въ это самое время великій князь подарилъ мнѣ маленькую собачку, Англійскаго пуделя, котораго мнѣ давно хотѣлось имѣть. Эту собачку вздумали назвать Иванъ Ивановичемъ, по имени истопника Ивана Ушакова, ходившаго ко мнѣ въ комнату топить печку. Сама собачка была презабавное животное; она ходила, какъ человѣкъ, на заднихъ лапкахъ, и большую часть дня чрезвычайно дурачилась; я и мои женщины причесывали и одѣвали ее каждый день иначе; и чѣмъ смѣшнѣе мы наряжали ее, тѣмъ она становилась забавнѣе: она садилась съ нами за столъ, ей подвязывали салфетку, и она очень опрятно ѣла съ своей тарелки; потомъ оборачивала голову, начинала теребить стоявшаго позади человѣка, спрашивая себѣ пить: иногда вспрыгивала на столъ и доставала чего ей хотѣлось, пирожекъ, бисквиту или что нибудь въ этомъ родѣ; однимъ словомъ невозможно было не смѣяться, глядя на нее. Она была очень мала, никому не мѣшала, и ей позволяли дѣлать все что ей вздумается, потому что она не злоупотребляла этой свободой и была чрезвычайно чистоплотна. Всю зиму забавлялъ насъ англійскій пудель. На слѣдующее лѣто я взяла его съ собою въ Ораніенбаумъ, куда къ намъ ѣздилъ камергеръ Салтыковъ второй съ женою своею. Сія послѣдняя, какъ и всѣ дамы нашего двора, цѣлый день только и дѣлали что шили и прилаживали разныя наколки и наряды для моей собачки, которую онѣ ласкали наперерывъ другъ передъ

другомъ. Наконецъ Салтыкова такъ полюбила ее, что собачка не отходила отъ нея прочь, и онѣ не могли разстаться другъ съ другомъ. Уѣзжая отъ насъ, Салтыкова просила меня отдать ей собачку. Я согласилась и она взявъ ее подъ руку, поѣхала прямо въ деревню къ свекрови своей, которая въ то время была больна. Свекровь, увидавъ собачку и забавныя штуки, которыя она безпрестанно выдѣлывала, захотѣла узнать ея кличку, и услышавши, что ее зовутъ Иванъ Ивановичемъ, не могла не выразить удивленія своего. *Въ* это самое время у нея сидѣли разныя придворныя лица, пріѣхавшіяся ко двору. Дня черезъ три или четыре при дворѣ и въ городѣ только и было толковъ, что молодыя дамы, непріятельницы Шувалова, достаютъ себѣ каждая по бѣлому пуделю, называютъ ихъ Иванъ Ивановичами въ насмѣшку надъ фаворитомъ Императрицы и наряжаютъ въ платья свѣтлыхъ цвѣтовъ, до которыхъ Шуваловъ былъ большой охотникъ. Дѣло пошло такъ далеко, что Императрица велѣла сказать отцамъ и матерямъ Шуваловскихъ непріятельницъ что она не понимаетъ, какъ они осмѣливаются позволять себѣ подобныя шутки. *Кличка бѣлаго* пуделя тотчасъ *была непремѣнена;* но не смотря на императорскій выговоръ, онъ остался въ домѣ Салтыковыхъ въ прежнемъ почетѣ и до самой смерти своей былъ любимцемъ господъ своихъ. На самомъ дѣлѣ это была пустая сплетня; Иванъ Ивановичемъ назывался только одинъ пудель, и въ то время какъ ему дали эту кличку, о Шуваловѣ тогда никто и не думалъ. Чоглокова, не любившая Шуваловыхъ, притворялась, будто не обращаетъ вниманія на эту кличку, хотя слышала ее безпрестанно; она сама

забавлялась пуделемъ и часто кормила его пирожками.

Въ послѣдніе мѣсяцы этой зимы, во время частыхъ маскарадовъ и придворныхъ баловъ, снова появились оба бывшіе мои камеръ-юнкеры. переведенные полковниками въ армію, Александръ Вильбуа и Захаръ Чернышевъ. Такъ какъ они были искренно привязаны ко мнѣ, то я очень обрадовалась имъ и ласково ихъ встрѣтила; они съ своей стороны не пропускали случая и малѣйшей, находившейся въ ихъ власти, возможности, чтобы выразить мнѣ всю преданность. Я въ то время очень любила танцовать; на публичныхъ балахъ я обыкновенно по три раза мѣняла платье, и старалась какъ можно лучше одѣваться. Если маскарадное платье мое очень нравилось всѣмъ, то я ни за что больше не надѣвала его, будучи увѣрена, что если одинъ разъ оно понравилось, то во второй разъ уже непремѣнно понравится меньше прежняго. На придворныхъ балахъ, гдѣ не было публики, я надѣвала самыя простыя платья, и тѣмъ не мало заслуживала милость Императрицы, которая не любила на этихъ балахъ роскошныхъ нарядовъ. За то, когда бывали превращенные маскарады, я заказывала великолѣпное мужское платье, все съ шитьемъ, и въ самомъ изысканномъ вкусѣ: за это не могло быть выговоровъ; напротивъ Императрица, не могу хорошо объяснить себѣ почему, бывала довольна моимъ богатымъ мужскимъ нарядомъ. Надо замѣтить, что въ то время кокетство было въ большомъ ходу при дворѣ и всѣ только и думали, какъ бы ухитриться и перещеголять другъ друга нарядомъ. Помню, однажды я узнала, что всѣ шьютъ себѣ новыя и самые лучшія платья къ одному

изъ такихъ маскарадовъ; я была въ отчаянiи не имѣя возможности перещеголять другихъ дамъ, и выдумала себѣ свой нарядъ. Лифъ моего платья былъ изъ бѣлаго гродетуру (у меня тогда была очень тонкая талiя); юпка изъ той же матерiи; волосы мои, длинные, густые и очень красивые, я велѣла зачесать назадъ и перевязать красною лентою, что называется лисьимъ хвостомъ; на голову я приколола всего одинъ большой розанъ и другой не распустившiйся, съ листьями (они были сдѣланы такъ искусно, что можно было принять ихъ за живые;) еще розанъ я приколола къ корсету; на шею надѣла чрезвычайно бѣлый газовый шарфъ, на руки манжеты и передникъ изъ того же газу. Въ этомъ нарядѣ я отправилась на балъ и только что взошла, какъ замѣтила, что нарядъ мой обратилъ на себя общее вниманiе. Не останавливаясь, я прошла поперекъ галлереи и явилась въ комнатахъ, находившихся напротивъ галлереи. Тамъ меня встрѣтила Императрица и воскликнула: Боже мой, какая простота! за чѣмъ нѣтъ мушки? Я засмѣялась и отвѣчала: Для того, чтобы быть легче. Она вынула изъ кармана коробочку съ мушками, достала одну средней величины и налѣпила мнѣ на лице. Оставивъ Императрицу, я поспѣшила въ галлерею и показала мушку ближайшимъ моимъ дамамъ, и также Императрицинымъ любимицамъ. Будучи въ очень веселомъ расположенiи духа, я танцовала больше обыкновеннаго, и не помню, чтобы когда нибудь во всю мою жизнь, я слышала отъ всѣхъ столько похвалъ, какъ въ этотъ вечеръ. Про меня говорили, что я хороша какъ день и какъ-то особенно сiяю. Сказать правду, я никогда не думала про себя, чтобы я была особенно

хороша; но я нравилась, и полагаю, что въ этомъ заключалась моя сила. Я возвратилась домой очень довольная изобрѣтеннымъ мною простымъ нарядомъ, тѣмъ болѣе, что на другихъ были богатѣйшія платья.

Въ этихъ удовольствіяхъ окончился 1750 годъ. Мадамъ Арнгеймъ танцовала лучше чѣмъ ѣздила верхомъ. Помню, какъ однажды мы поспорили, кто изъ насъ скорѣе устанетъ въ танцахъ, и она должна была уступить: она сѣла на стулъ и призналась, что не можетъ больше танцовать, между тѣмъ какъ я еще танцовала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1751—1758.)

Въ началѣ 1751 года великій князь, также какъ и я, очень сблизился съ посланникомъ Вѣнскаго двора, графомъ Бернисомъ, и вздумалъ поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ въ Гольштиніи, о долгахъ, въ то время обременявшихъ эту землю и о Датскихъ предложеніяхъ, къ выслушанію которыхъ онъ уполномочилъ Пехлина. Великій князь однажды сказалъ мнѣ, чтобы и я также поговорила о томъ съ графомъ Бернисомъ. Я отвѣчала, что непремѣнно поговорю, такъ какъ онъ мнѣ приказываетъ это. Дѣйствительно, въ первый же маскарадъ я подошла къ графу Бернису, остановившемуся недалеко отъ балюстрады, въ серединѣ которой танцовали, и сказала ему, что великій князь велѣлъ мнѣ поговорить съ нимъ о Гольштинскимъ дѣлахъ. Графъ Бернисъ слушалъ меня съ большимъ участіемъ и вниманіемъ. Я ему прямо сказала, что я молода и мнѣ не съ кѣмъ совѣтоваться, что можетъ быть я плохо смыслю въ дѣлахъ и вовсе не имѣю опытности, чтобы вести ихъ въ свою пользу; но что смотрю на вещи такъ какъ понимаю ихъ, и хотя вѣроятно многаго не знаю, но мнѣ кажется во первыхъ,

что Гольштинскія дѣла вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ хотятъ ихъ представить; а во вторыхъ относительно самаго обмѣна, я очень хорошо понимаю, что онъ можетъ быть гораздо полезнѣе для Россіи, нежели лично для великаго князя; что конечно ему, какъ наслѣднику Русскаго Престола, выгоды Россіи должны быть милы и дороги, но что если уже необходимо ради этихъ выгодъ, чтобы великій князь раздѣлался съ Гольштиніею и тѣмъ положилъ конецъ нескончаемымъ размолвкамъ съ Даніею, то для этого *нужно выждать удобнаго времени*, а что покончить дѣло въ настоящее время было бы по моему вовсе не благопріятно ни для выгодъ Россіи, ни для личной славы великаго князя. Между тѣмъ — продолжала я — можетъ наступить такое время и будутъ такія обстоятельства, когда этотъ обмѣнъ получитъ большее значеніе и совершится съ большею славою для великаго князя и можетъ быть съ большею выгодою для самой Русской Имперіи; теперь же все это дѣло ведется явными происками, и если удается, то всѣ будутъ считать великаго князя человѣкомъ слабымъ, такъ что онъ можетъ быть во всю свою жизнь не въ состояніи будетъ оправдать себя въ общественномъ мнѣніи. Про него станутъ говорить, что онъ правилъ Гольштиніею всего какихъ нибудь нѣсколько дней, любилъ эту землю страстно, и не смотря на все это, позволилъ склонить себя къ уступкѣ, и безъ всякой особенной причины обмѣнилъ Гольштинію на что же? — на Ольденбургъ, вовсе ему неизвѣстный и отдаленный отъ Россіи. Наконецъ, замѣтила я, самая Кильская гавань, въ рукахъ великаго князя, можетъ быть очень полезна для Русской навигаціи. Графъ Бернисъ подробно

разбиралъ всѣ мои доводы, и въ заключеніе сказалъ: „Какъ посолъ, я не имѣю на этотъ счетъ никакихъ предписаній отъ двора моего; но какъ графъ Бернисъ, я думаю, что вы правы.“ Послѣ я узнала отъ великаго князя, что графъ Бернисъ сказалъ ему: „Могу вамъ посовѣтовать одно, слушайтесь вашей супруги, которая очень вѣрно судитъ объ этомъ дѣлѣ.“ Вслѣдъ за тѣмъ великій князь очень охладѣлъ къ этой негоціаціи, что конечно было замѣчено, и вслѣдствіе чего съ нимъ стали рѣже говорить о ней.

Послѣ святой, по обыкновенію, мы поѣхали на нѣсколько времени въ лѣтній дворецъ, и оттуда въ Петергофъ, гдѣ съ каждымъ годомъ проживали меньше времени. Въ этотъ годъ въ Петергофѣ случилось происшествіе, главною причиною котораго были происки господъ Шуваловыхъ и которое послужило предметомъ толковъ между придворными. Выше упомянутый полковникъ Бекетовъ пользовался великою милостью, до такой степени, что со дня на день ожидали, кто изъ двухъ фаворитовъ уступитъ другъ другу, т. е. онъ ли Ивану Шувалову, или Шуваловъ ему. Но тѣмъ не менѣе онъ очень скучалъ и отъ нечего дѣлать заставлялъ у себя пѣть мальчиковъ-пѣвчихъ Императрицы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ особенно полюбилъ за ихъ прекрасный голосъ. Бекетовъ и другъ его Елагинъ были оба стихотворцы, и сочиняли для мальчиковъ пѣсни, которыя тѣ распѣвали. Этому дано было самое мерзкое истолкованіе. Всѣ знали что Императрица ни къ чему не чувствовала такаго отвращенія, какъ въ порокамъ этого рода. Бекетовъ, въ невинности сердца, безпрестанно гулялъ съ пѣвчими по саду. Эти прогулки были ему вмѣнены

въ преступленіе. Императрица на нѣсколько дней уѣхала въ Царское Село и потомъ возвратилась въ Петергофъ, а Бекетову приказано было оставаться тамъ подъ предлогомъ болѣзни. Онъ остался съ Елагинымъ, вынесъ горячку, отъ которой едва было не умеръ, въ бреду безпрестанно твердилъ объ Императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли, и наконецъ опять явился ко двору. Но милости больше уже не было, онъ долженъ былъ удалиться отъ двора, и потомъ переведенъ былъ въ армію, гдѣ не имѣлъ никакаго успѣха. Его черезъ чуръ обабили, и онъ не могъ уже заниматься военнымъ ремесломъ.

Въ это время мы ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ ежедневно бывали на охотѣ. Къ осени, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, мы возвратились въ городъ. Императрица опредѣлила камеръ-юнкеромъ къ нашему двору Льва Нарышкина, который только что возвратился изъ Москвы съ матерью, женою брата и тремя сестрами. Это былъ человѣкъ самый странный, какого когда либо я знала. Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, я если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искуствѣ какъ ему вздумается, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣ, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла какъ по маслу, и обы-

кновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ. Такъ напримѣръ онъ говорилъ про исторію, что не любитъ исторію, въ которой есть *исторіи*, и что для того, чтобы исторія была хороша, надо, чтобы въ ней не было исторій, но что впрочемъ исторія произошла отъ Ѳеба. Онъ также бывалъ неподражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣху. Онъ говорилъ еще, что хорошо написанныя комедіи большею честію скучны. Вслѣдъ за его опредѣленіемъ ко двору Императрица приказала старшей сестрѣ его выходить за мужъ за нѣкоего Сенявина, которой по этому случаю также былъ опредѣленъ камеръ-юнкеромъ къ нашему двору. Приказъ этотъ поразилъ дѣвушку; но она должна была идти къ вѣнцу, хотя съ великимъ отвращеніемъ къ жениху своему. Въ публикѣ очень порицали этотъ бракъ и обвиняли въ немъ фаворита Императрицы, господина Шувалова; онъ нѣкогда ухаживалъ за этой дѣвушкой, и теперь ее заставили нарочно сдѣлать дурную партію для того, чтобы онъ могъ потерять ее изъ виду. Это было своего рода преслѣдованіе, по истинѣ деспотическое. Нарышкина вышла за мужъ, заболѣла чахоткой и умерла.

Въ исходѣ Сентября мы перешли опять въ Зимній Дворецъ. Дворъ въ то время былъ такъ бѣдно меблированъ, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ Зимняго дворца, въ лѣтній, оттуда въ Петергофъ, и даже ѣздили съ нами въ Москву; при перевозкахъ разумѣется многое ломалось и билось, и потомъ безъ всякой починки ставилось на свои мѣста. Мебель сдѣлалась наконецъ почти никуда не годна; чтобы

получить новую, надо было просить нарочнаго позволенія Императрицы, добраться до которой большею частью было очень трудно или даже совсѣмъ невозможно, и потому я рѣшилась исподволь *покупать на собственныя деньги комоды и другую* необходимую мебель для моихъ комнатъ, какъ въ Зимнемъ Дворцѣ, такъ и въ Лѣтнемъ. И переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, я находила свои комнаты совсѣмъ прибранными; при томъ же не было ни возни, ни ломки при перевозѣ. Такое распоряженіе понравилось великому князю, и онъ тоже сдѣлалъ для своихъ комнатъ. Въ принадлежавшемъ ему Ораніенбаумѣ, въ комнатахъ моихъ во дворцѣ, все нужное намъ было сдѣлано на собственный счетъ и на собственныя издержки. Я нарочно тратила свои деньги, чтобы избѣжать споровъ и возраженій; ибо Его Императорское Высочество, хотя вовсе не *жалѣлъ* денегъ для собственнаго увеселенія, обыкновенно скупился, когда нужно бывало что нибудь сдѣлать для меня, и вообще не отличался особенною щедростью; но такъ какъ я изъ собственнаго кошелька убирала свои комнаты, и это служило къ украшенію его же дворца, то онъ оставался совершенно доволенъ.

Въ теченіи этого лѣта Чоглокова очень привязалась ко мнѣ, и привязанность ея была до такой степени искренна, что она не хотѣла отходить отъ меня и скучала, когда мы не были вмѣстѣ. Главная причина этого заключалась въ томъ, что я вовсе не отвѣчала на привязанность, которую супругъ ея вздумалъ мнѣ оказывать. Это чрезвычайно такъ возвысило меня въ ея глазахъ. Когда мы поселились въ Зимнемъ Дворцѣ, Чоглокова почти каждый день послѣ обѣда присылала звать меня къ

себѣ. У нея тоже бывало не многолюдно, но все таки веселѣе, чѣмъ у меня въ комнатѣ, гдѣ, обыкновенно я сидѣла одна одинехонько за книгою, если не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій со мною о предметахъ, которые имѣли цѣну въ глазахъ его, но для меня вовсе не были занимательны. Его прогулки по комнатѣ продолжались часъ либо два, и повторялись нѣсколько разъ на дню; надо было ходить съ нимъ вмѣстѣ до истощенія силъ; надо было слушать его внимательно и отвѣчать, между тѣмъ какъ онъ говорилъ большею частью сущую безсмыслицу и не рѣдко занимался просто игрою воображенія. Помню, что въ теченіи всей этой зимы, онъ безпрестанно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря: онъ, я и весь его дворъ должны были ходить въ капуцинскому платьѣ, которое онъ находилъ восхитительнымъ и удобнымъ; у каждаго долженъ былъ быть свой осликъ, для того чтобы поочередно ѣздить за водою и привозить приказы въ такъ называемый монастырь. Онъ хохоталъ до упаду и восхищался заранѣе своимъ изобрѣтеніемъ, разсказывая, какъ будетъ пріятно и весело жить въ такомъ монастырѣ. Онъ заставилъ меня нарисовать ему карандашомъ планъ будущей постройки, и каждый день я должна была что нибудь прибавлять или уменьшать. При всей моей твердой рѣшимости угождать ему и быть съ нимъ терпѣливою, очень часто признаюсь откровенно — его посѣщенія, прогулки и разговоры надоѣдали мнѣ до чрезвычайности. Все это было такъ безсмысленно, что я ничего подобнаго не видала въ жизнь

мою. Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ.

Въ концѣ осени снова начались при дворѣ публичные и придворные маскарады, съ тѣмъ же богатствомъ и изысканностью въ нарядахъ какъ и прежде. Графъ Захаръ Чернышевъ возвратился въ Петербургъ. По старому знакомству я всегда ласково встрѣчала его; и на этотъ разъ могла объяснять себѣ его любезности, какъ мнѣ было угодно. Онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ, что я очень похорошѣла; въ первой разъ въ жизнь мою мужчина говорилъ мнѣ подобнаго рода привѣтствіе. Оно мнѣ понравилось; мало того, я имѣла добродушіе повѣрить ему. На каждомъ балу какое нибудь новое замѣчаніе въ этомъ родѣ. Однажды я получила отъ него девизъ черезъ княжну Гагарину, и вскрывая коробочку замѣтила, что она раскрыта и расклеилась. Въ ней былъ, какъ и во всѣхъ, печатный билетикъ со стихами, но два стиха эти были очень нѣжнаго и чувствительнаго содержанія. Послѣ обѣда я приказала принести себѣ девизовъ, и стала искать билетца, который бы, не выдавая меня, служилъ отвѣтомъ на его билетецъ. Нашедши такой, я положила его въ девизъ имѣвшій видъ апельсина, и отдала княжнѣ Гагариной, чтобы она доставила графу Чернышеву. На другой день она принесла мнѣ отъ него еще девизъ, но на этотъ разъ на билетцѣ было написано нѣсколько строкъ его руки; я тотчасъ же отвѣчала, и вотъ между нами завязалась правильная, очень чувствительная переписка. Въ первый маскарадъ, танцуя со мною, онъ сказалъ, что у него пропасть о чемъ нужно поговорить со мною, чего онъ не рѣшается повѣрить бумагѣ, тѣмъ болѣе что княжна Гагарина можетъ

сломать девизъ у себя въ карманѣ, либо обронить дорогою. Онъ просилъ, чтобы я назначила ему минуту аудіенціи у себя въ комнатѣ или гдѣ я найду удобнымъ. Я отвѣчала, что это рѣшительно не возможно, что комнаты мои недоступны, и сама я не могу изъ нихъ выдти. Онъ замѣтилъ, что готовъ, если нужно, переодѣться лакеемъ, но я на-чисто отказала, такъ что все ограничилось лишь этою перепискою черезъ девизы. Княжна Гагарина наконецъ замѣтила, въ чемъ дѣло, бранила меня, что я дѣлаю ее посредницею и больше не соглашалась переносить девизы.

Такъ кончился 1751 годъ и начался 1752-й. Въ исходѣ масляницы графъ Чернышевъ уѣхалъ въ полкъ. За нѣсколько дней передъ его отъѣздомъ я пускала себѣ кровь. Это была суббота. Въ слѣдующую Середу Чоглоковъ пригласилъ насъ къ себѣ на островъ, на устье Невы. Тамъ у него былъ домъ, состоявшій изъ залы посерединѣ и нѣсколькихъ комнатъ съ боку; и далеко отъ дому онъ устроилъ катальную гору. Пріѣхавши туда, я встрѣтила графа Романа Воронцова, который какъ только увидалъ меня, сказалъ: Я буду катать Васъ, у меня для этого сдѣланы прекрасныя маленькія санки. Онъ часто каталъ меня прежде, и потому я приняла его предложеніе. Тотчасъ онъ приказалъ принести санки, въ которыхъ было устроено что-то въ родѣ маленькаго кресла. Я сѣла, онъ сталъ позади, и мы начали спускаться; но на половинѣ склона графъ Воронцовъ больше не могъ удержать саней, и мы опрокинулись. Я упала, а графъ Воронцовъ, весьма полновѣсный и неуклюжій, упалъ на меня, или лучше сказать, на лѣвую мою руку, изъ которой дня четыре или дней пять тому назадъ была пу-

щена кровь. Я поднялась, онъ также, и мы пошли пѣшкомъ къ придворнымъ санямъ, которые ждали спускавшихся съ горы и возвозили опять на гору, если кто хотѣлъ еще кататься. Я сѣла въ эти сани съ княжною Гагариною, которая была со мною, и графомъ Иваномъ Чернышевымъ (графъ Воронцовъ сталъ на запятки) и ѣдучи почувствовала, что въ лѣвой рукѣ начинается какой-то странный жаръ, причину котораго я не могла себѣ объяснить. Чтобы узнать, въ чѣмъ дѣло, я просунула правую руку въ рукавъ шубы, и вынула ее всю въ крови. Я сказала обоимъ графамъ и княжнѣ, что у меня открылась жила и что изъ нея течетъ кровь. Они велѣли санямъ ѣхать скорѣе, и вмѣсто катальной горы мы повернули въ домъ. Тамъ никого не было кромѣ человѣка, накрывавшаго на столъ. Какъ скоро я скинула шубу, онъ далъ намъ уксусу, и графъ Чернышевъ принялся исправлять должность хирурга. Мы уговорились не сказывалъ никому ни слова объ этомъ происшествіи. Перевязавши руку, я возвратилась на катальную гору, остальной вечеръ танцовала, ужинала, и мы пріѣхали домой очень поздно. Никто не подозрѣвалъ что со мною случилось; около мѣсяца у меня не наростала кожа, но это по немногу прошло.

Постомъ у меня была сильная перебранка съ Чоглоковой, и вотъ по какому случаю. Матушка моя съ нѣкотораго времени жила въ Парижѣ. Возвратившійся оттуда старшій сынъ генерала Ивана Федоровича Глѣбова привезъ мнѣ отъ матушки двѣ штуки очень богатыхъ и прекрасныхъ матерій. Я велѣла Шкурину у себя въ уборной разложить ихъ, и любуясь ими, сказала при себя, что матеріи эти очень хороши, и что мнѣ даже

думается поднесть ихъ въ подарокъ Ея Величеству. Дѣйствительно я выжидала минуту предложить ихъ Императрицѣ, которую я видала очень рѣдко, и то большею частью въ публикѣ. Но я ни слова о томъ не говорила съ Чоглоковой, предоставляя себѣ сдѣлать этотъ подарокъ лично, и приказала Шкурину, чтобъ онъ рѣшительно никому не говорилъ о томъ, что у меня сорвалось съ языка въ его присутствіи. Вмѣсто того онъ незамедлилъ тотчасъ же отправиться къ Чоглоковой и разсказалъ ей все что отъ меня слышалъ. Черезъ нѣсколько дней, въ одно прекрасное утро, Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату съ объявленіемъ, что Императрица приказала поблагодарить меня за матеріи, что одну она оставляетъ у себя, а другую посылаетъ мнѣ назадъ. Услыхавъ это, я едва могла опомниться отъ удивленія. Какъ такъ? спросила я. Тогда Чоглокова сказала, что она относила мои матеріи къ Императрицѣ, узнавши, что я назначила ихъ для Ея Величества. Это меня до чрезвычайности разсердило, и я не помню, чтобы я когда нибудь была такъ раздражена. Я почти не могла говорить, и только бормотала. Однако я сказала Чоглоковой, что я какъ праздника дожидалась минуты, чтобы поднести эти матеріи Императрицѣ, и что она лишила меня этого удовольствія, унесши ихъ безъ моего вѣдома и представивши Ея Величеству; что она не могла знать моихъ намѣреній, потому что я никогда не говорила съ нею о томъ, и что она узнала ихъ черезъ измѣнника лакея, который выдалъ госпожу свою, ежедневно осыпающую его благодѣяніями. Чоглокова, любившая всегда стоять на своемъ, возражала, что я не могла ни о чемъ прямо говорить съ Императрицею, что она сама

сообщила мнѣ это распоряженіе Ея Величества, что слуги мои обязаны были передать ей все что я говорила, что слѣдовательно Шкуринъ исполнилъ только долгъ свой, точно также какъ и она, отнесши матеріи, которыя я назначала Императрицѣ безъ моего вѣдома къ Ея Величеству, и что все это очень естественно. Я не прерывала ее, потому что не могла говорить отъ раздраженія. Наконецъ она ушла. Тогда я вышла въ маленькую прихожую, гдѣ обыкновенно по утрамъ сидѣлъ Шкуринъ, и гдѣ были мои платья, и сколько было у меня силы, дала ему пощечину во всю щеку. Я сказала ему, что онъ поступилъ какъ измѣнникъ и самый неблагодарный человѣкъ въ свѣтѣ, осмѣлившись пересказать Чоглоковой о чемъ я ему запрещала говорить, что я осыпала его благодѣяніями, а онъ выдалъ меня и не задумался донести даже о такихъ невинныхъ словахъ, что съ этого дня онъ ничего больше не получитъ отъ меня, что я его прогоню и присажу отодрать. Чего ты ждешь отъ своихъ переносовъ? — говорила я ему — я останусь все таже, а Чоглоковы, нетерпимые и ненавидимые всѣми, когда нибудь да будутъ прогнаны Императрицею, которая рано или поздно узнаетъ, до какой степени они глупы и неспособны къ исполненію должности, доставшейся имъ благодаря интригамъ злаго человѣка. Если хочешь, ступай сей часъ и донеси обо всемъ что я тебѣ сказала; мнѣ изъ того навѣрно ничего не выйдетъ, а съ тобою — увидишь что будетъ. Мой Шкуринъ упалъ къ ногамъ моимъ и обливаязь горькими слезами, просилъ прощенія. Его раскаяніе показалось мнѣ искреннимъ. Мнѣ стало его жаль, и я отвѣчала ему, что посмотрю какъ онъ будетъ вести себя, и что

отъ его поведенія будетъ зависить мое обращеніе съ нимъ. Онъ никогда больше не обманывалъ меня, напротивъ я имѣла случаи убѣдиться въ его усердіи и искренной вѣрности въ самыя трудныя для меня времена. Дѣло съ матеріями я нарочно разсказывала всѣмъ кому могла, для того чтобы Императрица узнала, какую штуку съиграла со мною Чоглокова. При свиданіи Ея Величество благодарила меня за мои матеріи, и я знаю черезъ третьи руки, что она не одобряла поступка Чоглоковой. Тѣмъ это и кончилось.

Послѣ Святой мы переѣхали въ Лѣтній Дворецъ. Еще прежде я стала замѣчать, что камеръгеръ Сергѣй Салтыковъ что-то чаще обыкновеннаго пріѣзжаетъ ко двору. Его всегда можно было встрѣтить съ Львомъ Нарышкинымъ, всѣхъ забавлявшимъ своими странностями, о которыхъ я выше говорила подробно. Княжна Гагарина, которую я очень любила и къ которой даже имѣла довѣренность, терпѣть не могла Сергѣя Салтыкова. Левь Нарышкинъ слылъ просто чудакомъ, и ему не придавали никакаго значенія. Сергѣй Салтыковъ всячески вкрадывался въ довѣренность къ Чоглоковымъ, и какъ сіи послѣдніе вовсе не были ни умны, ни любезны, ни занимательны, то можно было навѣрное сказать, что онъ дружится съ ними изъ какихъ нибудь скрытныхъ видовъ. Чоглокова, въ то время беременная, часто бывала нездорова; она увѣряла, что моя бесѣда также дорога для нея лѣтомъ какъ и зимою, и часто присылала звать къ себѣ. Когда у великаго князя не было концерта или при дворѣ комедіи, къ ней обыкновенно собирались Сергѣй Салтыковъ, Левь Нарышкинъ, Княжна Гагарина и еще нѣсколько человѣкъ. Концерты надоѣдали Чоглокову, однако

онъ не пропускалъ ихъ. Сергѣй Салтыковъ изобрѣлъ оригинальное средство занимать его. Не знаю какимъ образомъ въ этомъ тучномъ человѣкѣ, въ которомъ было всего меньше ума и воображенія, Салтыкову удалось возбудить страсть къ стихотворству. *Чоглоковъ сталъ безпрестанно сочинять* пѣсни, разумѣется лишенныя человѣческаго смысла. Какъ только нужно бывало отдѣлаться отъ него, тотчасъ къ нему обращались съ просьбою написать новую пѣсенку: онъ съ большою готовностью соглашался, усаживался въ какой нибудь уголъ, большею частью къ печкѣ, и принимался за сочиненіе, продолжавшееся цѣлый вечеръ: пѣсня оказывалась восхитительною, сочинитель приходилъ въ восторгъ и принималъ приглашеніе написать еще новую. Левъ Нарышкинъ клалъ пѣсни на музыку и распѣвалъ ихъ съ нимъ; а между тѣмъ у насъ шелъ непринужденный *разговоръ, и можно было говорить все что* хочешь. У меня толстая книга этихъ пѣсенъ; не знаю, куда она дѣвалась. Въ одинъ изъ такихъ концертовъ Сергѣй Салтыковъ далъ мнѣ понять, какая была причина его частыхъ появленій при дворѣ. Сначала я ему не отвѣчала. Когда онъ въ другой разъ заговорилъ о томъ же предметѣ, я спросила, къ чему это поведетъ. Въ отвѣтъ на это онъ плѣнительными и страстными чертами началъ изображать мнѣ счастіе, котораго онъ добивается. Я сказала ему: но у васъ есть жена, на которой вы всего два года женилися по страсти; про васъ обоихъ говорять, что вы до безумія любите *другъ друга*. Что она скажетъ объ этомъ? Тогда онъ началъ говорить, что не все золото что блеститъ, и что онъ дорого заплатилъ за минуту ослѣпленія. Я употребляла все-

возможныя средства, чтобы выгнать изъ головой его эти мысли, и добродушно воображала, что я успѣла. Мнѣ было жаль его; по несчастію, я не переставала его слушать. Онъ былъ прекрасенъ какъ день, и безъ сомнѣнія никто не могъ съ нимъ равняться и при большомъ дворѣ, тѣмъ менѣе при нашемъ. Онъ былъ довольно уменъ и владѣлъ искуствомъ обращенія и тою хитрою ловкостью, которая пріобрѣтается жизнью въ большомъ свѣтѣ, и особенно при дворѣ; ему было 26 лѣтъ, и со всѣхъ сторонъ — и по рожденію, и по многихъ другимъ отношеніямъ онъ былъ лицо замѣчательное. Недостатки свои онъ умѣлъ скрывать; главнѣйшіе заключались въ наклонности къ интригамъ, и въ томъ, что онъ не держался никакихъ положительныхъ правилъ. Но все это было скрыто отъ меня. Весну и часть лѣта я была совсѣмъ беззаботна, я видала его почти ежедневно, и не мѣняла моего обращенія; я была съ нимъ какъ и со всѣми, видаясь съ нимъ не иначе какъ къ присутствіи двора, или вообще при постороннихъ. Однажды, чтобы отвязаться отъ него, я вздумала сказать, что онъ дѣйствуетъ не ловко; почемъ Вы знаете — прибавила я — можетъ быть мое сердце уже занято. Но это нисколько не подѣйствовало; напротивъ его преслѣдованіе сдѣлалось еще неутомимѣе. О любезномъ супругѣ тутъ не было и помину, потому что всякій зналъ, какъ онъ пріятенъ даже и тѣмъ лицамъ въ кого бывалъ влюбленъ; а влюблялся онъ безпрестанно, и волочился, можно сказать, за всѣми женщинами. Исключеніе составляла и не пользовалась вниманіемъ его только одна женщина — его супруга.

Около этого времени Чоглоковъ пригласилъ насъ поохотиться у него на острову. Мы выслали

напередъ лошадей, а сами отправились въ шлюпкѣ. Вышедши на берегъ, я тотчасъ же сѣла на лошадь, и мы погнались за собаками. Сергѣй Салтыковъ выждалъ минуту, когда всѣ были заняты преслѣдованіемъ зайцовъ, подъѣхалъ ко мнѣ и завелъ *рѣчь о своемъ любимомъ предметѣ*. Я *слушала* его внимательнѣе обыкновеннаго. Онъ разсказывалъ, какія средства придуманы имъ для того, чтобы содержать въ глубочайшей тайнѣ то счастіе, которымъ *можно наслаждаться* въ подобномъ случаѣ. Я не говорила ни слова; пользуясь моимъ *молчаніемъ*, онъ сталъ убѣждать меня въ томъ, что страстно любитъ меня, и просилъ, чтобы я ему позволила быть увѣреннымъ, что я по крайней мѣрѣ не вполнѣ равнодушна къ нему. Я отвѣчала, что не могу мѣшать ему наслаждаться воображеніемъ, сколько ему угодно. Наконецъ онъ сталъ дѣлать сравненія съ другими *придворными и заставилъ меня согласиться*, что онъ лучше ихъ; отсюда онъ заключалъ, что я къ нему не равнодушна. Я смѣялась этому, но въ сущности онъ дѣйствительно довольно нравился мнѣ. Прошло около полутора часа, и я стала говорить ему, чтобы онъ ѣхалъ отъ меня, потому что такой продолжительный разговоръ можетъ возбудить подозрѣнія. Онъ отвѣчалъ, что не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока я скажу, что не равнодушна къ нему. — Да, да, сказала я, но только убирайтесь. — Хорошо, я буду это помнить, отвѣчалъ онъ, и погналъ впередъ лошадь, а я закричала ему вслѣдъ: нѣтъ, нѣтъ. Онъ кричалъ въ свою очередь: да, да — и такъ мы *разъѣхались*. По возвращеніи въ домъ, бывшій на острову, мы сѣли ужинать. Во время ужина поднялся сильный морской вѣтеръ; волны были такъ велики,

что заливали ступеньки лѣстницы, находившейся у дома, и островъ на нѣсколько футовъ стоялъ въ водѣ. Намъ пришлось оставаться въ дому у Чоглоковыхъ, до двухъ или до трехъ часовъ утра, пока погода прошла, и волны спали. Въ это время Сергѣй Салтыковъ сказалъ мнѣ, что само небо благопріятствуетъ ему въ этотъ день, дозволяя больше наслаждаться пребываніемъ вмѣстѣ со мною, и тому подобныя увѣренія. Онъ уже считалъ себя очень счастливымъ, но у меня на душу было совсѣмъ иначе; тысячи опасенія возмущали меня; я была въ самомъ дурномъ нравѣ въ этотъ день и вовсе не довольна собою. Я воображала прежде, что можно будетъ управлять имъ и держать въ извѣстныхъ предѣлахъ какъ его такъ и самою себя, и тутъ поняла, что то и другое очень трудно, или даже совсѣмъ невозможно.

Дня два спустя Сергѣй Салтыковъ сказалъ мнѣ, что великій князь говорилъ у себя въ комнатѣ: Салтыковъ и жена моя обманываютъ Чоглокова, увѣряютъ его въ чемъ имъ угодно, и потомъ смѣются надъ нимъ. Это передалъ Салтыкову одинъ изъ камердинеровъ Его Величества, Брессанъ, родомъ Французъ. По правдѣ сказать, это отчасти было дѣйствительно такъ, и великій князь замѣтилъ это. Я совѣтовала Салтыкову быть впередъ осмотрительнѣе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того у меня страшно разболѣлось горло, и сдѣлалась сильная лихорадка, такъ что я не выходила слишкомъ три недѣли. Въ продолженіе этой болѣзни Императрица присылала ко мнѣ княжну Куракину, выходившую за мужъ за Князя Лобанова: я должна была убрать ей голову. Для этого ее посадили въ придворномъ платьѣ, съ

огромными фижнами, ко мнѣ на постель. Я убирала какъ могла; но Чоглокова замѣтила, что мнѣ это очень трудно, свела ее съ моей постели и сама окончила уборку. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не встрѣчала эту даму.

Великій князь въ то время былъ влюбленъ въ дѣвицу Марфу Исаевну Шафирову, которая вмѣстѣ съ старшею сестрою своею Анною Исаевною, была недавно опредѣлена ко мнѣ, по приказанію Императрицы. Сергѣй Салтыковъ умѣлъ вести интригу словно бѣсъ: онъ сдружился съ этими дѣвушками, для того чтобы развѣдывать черезъ нихъ что великій князь говоритъ о немъ съ ними, и потомъ употреблять полученныя свѣденія въ свою пользу. Дѣвушки эти были бѣдны, довольно глупы и очень интересливы; дѣйствительно, въ самое короткое время онѣ обо всемъ стали разсказывать Салтыкову.

Между тѣмъ мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, гдѣ по прежнему я каждый день каталась верхомъ и только по воскресеньямъ скидала мужское платье. Чоглоковъ и жена его сдѣлались кротки какъ агнцы. Въ глазахъ Чоглоковой я получила новое достоинство: я любила и ласкала одного изъ дѣтей ея, бывшаго съ нею въ Ораніембаумѣ, шила ему наряды и куклы и дарила разныя бездѣлушки. Все это восхищало матушку, которая была безъ ума отъ своего дитяти, сдѣлавшагося впослѣдствіи такимъ негодяемъ, что его по судебному приговору за разныя мерзости посадили на 15 лѣтъ въ крѣпость. Сергѣй Салтыковъ сталъ другомъ, совѣтникомъ, ближайшимъ лицомъ Чоглоковыхъ. Но человѣку съ здравымъ смысломъ, безъ какой нибудь особенной выгоды, невозможно было взвалить на себя тяжелую обязанность, какъ съ утра до вечера слушать разсужденія двухъ дураковъ,

эгоистовъ, гордыхъ и притязательныхъ. Стали подозрѣвать и догадываться, изъ за чего онъ съ ними возится. Слухи дошли до Петергофа и до самой Императрицы. Надо сказать, что въ то время почти всякій разъ, когда Ея Величество хотѣла побраниться, то начинала бранить не за то, за что бы можно, а выбирала какой нибудь совершенно неожиданный предлогъ, и напускалась. Это было замѣчено придворными, и именно Захаромъ Чернышевымъ, отъ котораго я сама слышала объ этомъ наблюденіи. Въ Ораніенбаумѣ весь нашъ дворъ, какъ мужчины, такъ и женщины, сговорились въ это лѣто носить одинакое платье, сверху сѣраго цвѣта, остальное синее, и съ бархатнымъ черным воротникомъ, безъ всякихъ украшеній. Такое однообразіе было для насъ во многихъ отношеніяхъ удобно. Къ этому то платью прибрались теперь; мнѣ же въ частности, было поставлено въ вину, за чѣмъ я постоянно хожу въ верховомъ платьѣ, и за чѣмъ ѣздила въ Петергофѣ по мужски. Въ одинъ изъ куртаговъ Императрица сказала Чоглоковой, что отъ такой ѣзды у меня нѣтъ дѣтей, и что нарядъ мой вовсе не приличенъ, что когда она ѣзжала на лошади, то мѣняла платье. Чоглокова отвѣчала, что относительно дѣтей тутъ нѣтъ вины, что дѣти не могутъ родиться безъ причины, и что хотя Ихъ Императорскія Высочества уже съ 1745 года живутъ вмѣстѣ, но причины до сихъ поръ не было. Тогда Ея Величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщетъ съ нея, за чѣмъ она не позаботилась напоминать объ этомъ предметѣ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ, и вообще Императрица была очень гнѣвна, называла мужа Чоглоковой ночнымъ колпакомъ, и говорила, что онъ

позволяетъ собою распоряжаться соплякамъ. Не прошло сутокъ, какъ все это было пересказано довѣреннымъ лицамъ; по поводу выраженія сопляки, сопляки утерлись, и держали между собою тайный совѣтъ, на которомъ было положено, чтобы точнѣйшимъ образомъ была исполнена воля Ея Величества, чтобы Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворились, будто получили строгой нагоняй отъ Чоглокова (тотъ по всему вѣроятію даже и не зналъ объ этомъ), и чтобы они оба, для прекращенія ходившихъ слуховъ, недѣли на три или на мѣсяцъ удалились къ своимъ родственникамъ, съ цѣлью будто бы навѣстить ихъ во время болѣзни. Такъ и было сдѣлано; и на другой же день Салтыковъ съ Нарышкинымъ отправились въ изгнаніе къ своимъ семьямъ, на цѣлый мѣсяцъ. Что касается до меня, я тотчасъ же перемѣнила нарядъ свой, тѣмъ болѣе что онъ уже сдѣлался безполезенъ. Мы придумали этотъ однообразный нарядъ по примѣру того, который носился въ Петергофѣ на куртагахъ: тотъ былъ сверху изъ бѣлой матеріи, остальное зеленаго цвѣта, и все окаймлено серебряными. Сергѣй Салтыковъ, который былъ брюнетъ, говаривалъ, что въ этомъ бѣломъ съ серебромъ костюмѣ онъ похожъ на муху въ молокѣ. Впрочемъ я не переставала по прежнему ходить къ Чоглоковымъ, хотя это сдѣлалось мнѣ еще скучнѣе. Мужъ и жена горевали объ отсутствіи двухъ главныхъ героевъ изъ общества; я тоже разумѣется поддакивала имъ. Сергѣй Салтыковъ заболѣлъ, что продолжило его отсутствіе. Въ это время Императрица приказала намъ пріѣхать къ ней изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, куда она отправилась на открытіе канала, начатаго Петромъ I и

тогда оконченнаго. Она пріѣхала въ Кронштадтъ раньше насъ. Въ слѣдующую ночь по ея прибытіи, поднялась сильная буря, и Императрица, пославши звать насъ, стала бояться, что буря застигнетъ насъ на морѣ. Всю ночь она очень безпокоилась о насъ, глядѣла въ окна на лодку, которая боролась съ волнами, и воображала, что это наша яхта. Въ тревогѣ своей она прибѣгла къ мощамъ, которыя всегда были съ нею въ спальнѣ, подносила ихъ къ окну и дѣлала ими движеніе въ сторону, противоположную той, гдѣ видна была обуреваемая моремъ лодка. Она нѣсколько разъ вскрикивала, говорила, что мы навѣрно, потонемъ, и что это будетъ ея вина, потому что она недавно посылала намъ выговоръ за чѣмъ мы не скоро ѣдимъ, и что вѣроятно мы, желая сдѣлать ей угодное, поторопились и тотчасъ поѣхали, какъ готова была яхта. На самомъ дѣлѣ яхта пріѣхала въ Ораніенбаумъ уже послѣ бури, такъ что мы сѣли въ неё не раньше какъ на другой день послѣ обѣда. Въ Кронштадтѣ мы оставались трое сутокъ, и присутствовали при освященіи канала, которое совершено было съ великимъ торжествомъ: въ первый разъ каналъ наполнился водою. Послѣ обѣда былъ большой балъ; Императрица хотѣла остаться въ Кронштадтѣ, чтобы посмотрѣть какъ будутъ спускать воду изъ канала, но спуску не было, и на третій день она уѣхала. Канала не могли спустить съ тѣхъ самыхъ поръ до моего царствованія, когда я приказала построить особаго рода мельницу, которая посредствомъ нагрѣванія выбираетъ воду изъ канала; иначе это было невозможно, потому что дно канала стоитъ ниже моря, чего въ то время не замѣчали.

Изъ Кронштадта мы разъѣхались по домамъ: Императрица въ Петергофъ, мы въ Ораніенбаумъ. Чоглоковъ попросился и получилъ позволеніе съѣздить на мѣсяцъ въ одну изъ деревень своихъ. Когда онъ уѣхалъ, супруга его начала очень хлопотать, чтобы буквально исполнить приказаніе Императрицы. Прежде всего она вступила въ продолжительные переговоры съ камердинеромъ великаго князя Брессаномъ. Сей послѣдній отыскалъ въ Ораніенбаумѣ хорошенькую вдову одного живописца, по фамиліи мадамъ Гротъ; ее въ нѣсколько дней уговорили, обѣщали ей что то, потомъ объяснили, чего именно отъ нея требуется, и какъ она должна дѣйствовать. Потомъ Брессану было поручено познакомить Его Императорское Высочество съ этою молодою и хорошенькою вдовушкою. Я замѣчала, что Чоглокова чѣмъ то очень занята, но не могла догадаться причины, пока наконецъ Салтыковъ возвратился изъ своего произвольнаго изгнанія и мало по малу объяснилъ мнѣ въ чёмъ дѣло. Наконецъ послѣ многихъ трудовъ Чоглокова достигла своей цѣли, и увѣрившись, доложила Императрицѣ, что все идетъ согласно ея волѣ. Она ждала большой награды за труды свои, но обманулась на этотъ счетъ, потому что ей ничего не дали. Тѣмъ не менѣе она говорила, что оказала услугу Имперіи. Непосредственно за тѣмъ мы возвратились въ городъ.

Въ это время я убѣдила великаго князя прервать переговоры съ Даніею. Я напомнила ему *совѣты графа Берниса (который въ то время уже* уѣхалъ въ Вѣну); онъ послушался и приказалъ прекратить негоціацію безъ всякаго рѣшенія, что и было исполнено. Поживши недолго въ Лѣтнемъ

дворцѣ, мы переселились въ Зимній. Мнѣ казалось, что Сергѣй Салтыковъ сталъ не такъ предупредителенъ какъ прежде, сдѣлался разсѣянъ, иногда совсѣмъ пустъ, взыскателенъ и легковѣренъ. Это меня сердило, и я сказала ему о томъ. Его оправданія были не очень сильны: онъ увѣрялъ, что я не постигаю всей ловкости его поведенія; очень былъ въ этомъ правъ, потому что дѣйствительно я находила его поведеніе довольно страннымъ. Намъ велѣно было готовиться къ поѣздкѣ въ Москву, чѣмъ мы и занялись. Мы выѣхали изъ Петербурга 14 Декабря 1752 года. Сергѣй Салтыковъ остался, и пріѣхалъ въ Москву нѣсколько недѣль послѣ насъ. Я выѣхала въ дорогу съ легкими признаками беременности. Мы ѣхали очень скоро день и ночь. На послѣдней станціи передъ Москвою признаки беременности прошли съ сильною рѣзью въ животѣ. По пріѣздѣ въ Москву, судя потому, какой оборотъ принимали обстоятельства, я не сомнѣвалась, что легко могу выкинуть. Чоглокова оставалась въ Петербургѣ родить послѣдняго седьмаго ребенка своего. Разрѣшившись дочерью, она пріѣхала къ намъ въ Москву.

Насъ помѣстили въ деревянномъ флигелѣ, только что выстроенномъ прошедшею осенью: вода текла по стѣнамъ, и всѣ комнаты были чрезвычайно сыры. Въ этомъ флигелѣ было два ряда большихъ комнатъ, по 5 или по 6 въ каждомъ ряду; выходившія на улицу занимала я, а противоположныя великій князь. Въ той комнатѣ, которая должна была служить мнѣ уборною, помѣстили моихъ дѣвушекъ и камерфрау съ ихъ служанками. Такимъ образомъ 17 человѣкъ должны были жить въ одной комнатѣ, въ которой, правда,

было три большихъ окна, но изъ которой не было другаго выхода какъ чрезъ мою спальню, и женщины за всякою нуждою проходили мимо меня, что вовсе не было удобно ни для нихъ, ни для меня. Я никогда не видала такого нелѣпаго расположенія комнатъ; но мы обязаны были терпѣть эти неудобства. Въ добавокъ онѣ обѣдали въ одной изъ моихъ переднихъ комнатъ. Я пріѣхала въ Москву больная, и чтобы какъ нибудь устроиться по лучше, велѣла достать большія ширмы, и раздѣлила спальню свою на трое; но отъ этого почти не было никакой пользы, потому что двери безпрерывно растворялись и затворялись, а этого избѣжать было не возможно. Наконецъ на десятый день меня навѣстила Императрица. Замѣтивъ безпрестанную бѣготню, она вышла въ другую комнату и сказала моимъ женщинамъ: Я прикажу сдѣлать другой выходъ, чтобы вы перестали таскаться черезъ спальню великой княгини. Но что же она сдѣлала? Приказала прорубить наружную стѣну, и такимъ образомъ уничтожила одно изъ оконъ этой комнаты, гдѣ и безъ того 17 человѣкъ съ трудомъ помѣщались. Въ комнатѣ устроился коридоръ, окно выходившее на улицу обратилось въ дверь, къ которой придѣлали лѣстницу, и женщины мои должны были ходить улицею. Подъ ихъ окнами устроили для нихъ отхожія мѣста; обѣдать онѣ опять должны были идти улицею. Однимъ словомъ распоряженіе это было никуда негодно, такъ что я не понимаю, какъ эти 17 женщинъ, изъ которыхъ иныя были нездоровы, могли жить въ такой тѣснотѣ и не занемогли гнилою горячкою, и все это возлѣ самой моей спальни. Ко мнѣ набиралось оттуда столько всякаго рода насѣкомыхъ, что я бывало

не могла уснуть отъ нихъ. — Наконецъ Чоглокова оправилась отъ родовъ и пріѣхала въ Москву. Черезъ нѣсколько дней послѣ нея явился и Сергѣй Салтыковъ. Вслѣдствіе огромности Москвы, всѣ жили въ ней какъ то въ разброску, далеко другъ отъ друга, и Салтыковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы оправдать имъ свое притворное или дѣйствительное отчужденіе отъ Двора. Сказать правду, меня очень огорчало, что онъ рѣдко пріѣзжалъ къ намъ; но онъ умѣлъ представлять такіе основательные и разумные доводы, что повидавшись и поговоривши съ нимъ, я переставала тревожиться. Съ цѣлью уменьшить число враговъ его, мы уговорились, чтобы я сказала нѣсколько любезностей графу Бестужеву и тѣмъ увѣрила его, что я не такъ чуждаюсь его, какъ прежде. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ я выбрала нѣкоего Бремзе, служившаго у Пехлина въ Гольштинской канцеляріи. Когда онъ не бывалъ при Дворѣ, то часто ходилъ въ домъ къ великому Канцлеру. Онъ съ большою готовностью взялся за мое порученіе и увѣдомилъ меня, что графъ Бестужевъ обрадовался всѣмъ сердцемъ и сказалъ, что готовъ быть мнѣ полезенъ и что я могу располагать имъ всякій разъ, какъ то будетъ нужно мнѣ. Онъ просилъ, чтобъ я назначила, какимъ путемъ мы можемъ безопасно сообщать другъ другу то, что найдемъ нужнымъ. Я поняла намёкъ его и отвѣчала Бремзе, что подумаю. Когда я пересказала о томъ Сергѣй Салтыкову, тотчасъ рѣшено было, что онъ отправится къ Канцлеру, какъ будто сдѣлать ему визитъ по случаю недавняго пріѣзда своего въ Москву. Старикъ принялъ его чудесно, отвелъ въ сторону, говорилъ о жизни нашего двора, о глупости Чог-

локовыхъ и между прочимъ сказалъ: Хотя Вы очень съ ними близки, но я знаю, что Вы одного со мною мнѣнія объ нихъ, потому что Вы умный молодой человѣкъ. Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ и объ моемъ положеніи, какъ будто жилъ у меня въ комнатѣ; и за тѣмъ сказалъ: Въ благодарность за доброе расположеніе, которое великая княгиня изволитъ мнѣ оказывать, я хочу сдѣлать ей небольшую услугу, и думаю, что она останется довольна. Владиславова сдѣлается кротка какъ агнецъ и будетъ готова на всѣ услуги; пусть великая княгиня увидитъ, что я вовсе не такой звѣрь, какимъ меня представляли ей. Сергѣй Салтыковъ возвратился въ восторгѣ отъ графа Бестужева и отъ своей поѣздки къ нему. Бестужевъ далъ и ему нѣсколько совѣтовъ, столько же благоразумныхъ, какъ полезныхъ. Все это, совершенно безъ вѣдома посторонихъ лицъ, сблизило насъ съ нимъ. Между тѣмъ Чоглокова, по прежнему занятая своими попеченіями о престолонаслѣдіи, однажды отвела меня въ сторону и сказала: Послушайте, я должна поговорить съ Вами откровенно. Я, разумѣется, стала слушать во всѣ уши. Сначала, по обыкновенію, она долго разсуждала о своей привязанности къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегченія супружескихъ узъ; за тѣмъ стала дѣлать уступки и сказала, что иногда, бываютъ положенія, въ которыхъ интересы высшей важности обязываютъ въ исключеніямъ изъ правила. Я слушала и не прерывала ее, не понимая къ чему все это ведетъ. Я была нѣсколько удивлена ея рѣчью и не знала, искренно ли говоритъ она, или только ставитъ мнѣ ловушку. Между тѣмъ, какъ я мысленно колеба-

лась, она сказала мнѣ: Вы увидите, какъ я чистосердечна, и люблю ли я мое отечество; не можетъ быть, чтобы кое-кто Вамъ не нравился; предоставляю Вамъ на выборъ Сергѣя Салтыкова и Льва Нарышкина; если не ошибаюсь Вы отдадите преимущество послѣднему. Нѣтъ, вовсе нѣтъ, закричала я. Ну если не онъ, сказала она, такъ навѣрное Сергѣй Салтыковъ. На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: Вы увидите, что отъ меня Вамъ не будетъ помѣхи. Я притворилась невинною, и она нѣсколько разъ бранила меня за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Святой.

Въ то время или около того Императрица подарила великому князю село Люберцы и нѣсколько другихъ деревень верстахъ въ 14 или 15 отъ Москвы. Но прежде чѣмъ мы поѣхали въ эти новыя владѣнія Его Императорскаго Высочества, Императрица отпраздновала въ Москвѣ годовщину своего коронованія. Это было 25 Апрѣля. Намъ объявили, что она приказала, чтобы церемоніалъ торжества былъ точно такой же, какому слѣдовали въ самый день коронованія. Намъ было очень любопытно посмотрѣть на все это. Наканунѣ Императрица переѣхала въ Кремль и тамъ ночевала. Мы оставались въ Слободскомъ деревянномъ дворцѣ и получили приказаніе пріѣхать къ обѣднѣ въ соборъ. Въ 9 часовъ утра, въ парадныхъ экипажахъ мы двинулись изъ нашего дворца; впереди шли лакеи; до Кремля было 7 верстъ; шагомъ мы проѣхали всю Москву и вышли изъ экипажей у самой церкви. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ свитою своею Императрица; на головѣ у нея была малая корона, и камергеры по обычаю поддерживали сзади Императорскую ман-

тію. Она стала на обычное мѣсто свое въ церквѣ. Во всемъ этомъ еще не было ничего чрезвычайнаго; такъ точно отправлялись и всѣ другія праздиества въ ея царствованіе. Въ жизнь мою я не чувствовала такой холодной сырости, какъ въ этотъ день въ церквѣ, я вся продрогла и посинѣла отъ холода, стоя съ открытою шеею, въ придворномъ костюмѣ. Императрица прислала сказать мнѣ, чтобы я надѣла соболью пелеринку, но ея со мною не было. Она велѣла принести свои пелерины, взяла одну и надѣла; я видѣла, что въ коробкѣ лежала еще другая и думала, что она пришлетъ мнѣ ее, но ничуть не бывало; она велѣла отнести коробку назадъ. Я сочла это довольно яснымъ знакомъ неблаговоленія. Чоглокова, видя, какъ я дрожу, достала какой то шелковый платокъ, которымъ я повязала себѣ шею. По окончаніи обѣдни и проповѣди, Императрица пошла изъ церкви; мы было хотѣли по обычаю слѣдовать за ней; но она приказала сказать, что мы можемъ возвратиться домой. Тутъ мы узнали, что она будетъ обѣдать одна на тронѣ, чѣмъ и будетъ соблюденъ прежній церемоніалъ ея коронованія, потому что тогда она обѣдала одна. Не удостоенные чести быть на этомъ обѣдѣ, мы двинулись назадъ съ тою же церемоніею, какъ и пріѣхали, т. е. въ предшествіи дворцовой прислуги, и такимъ образомъ взадъ и впередъ сдѣлали по Москвѣ 14 верстъ, и возвратились, продрогнувъ и страшно проголодавшись. Если за обѣднею Императрица казалась намъ въ дурномъ расположеніи духа, то мы еще болѣе убѣдились, что она сердита, увидавъ съ ея стороны столь непріятный для насъ знакъ пренебреженія (чтобъ не сказать болѣе). Въ другіе праздники, когда

она обѣдала на тронѣ, мы имѣли честь сидѣть съ нею за однимъ столомъ; на этотъ разъ она публично отлучила насъ отъ себя. Дорогою, сидя вдвоемъ въ коляскѣ съ великомъ княземъ, я говорила ему о томъ. Онъ сказалъ, что будетъ жаловаться на это. Воротившись домой, истомленная и окоченѣлая отъ холода, я жаловалась Чоглоковой на простуду, и на другой день сказалась больною и не пошла на балъ, бывшій въ деревянномъ дворцѣ. Великій князь дѣйствительно что то говорилъ по этому поводу съ Шуваловымъ; они дали какой то вовсе неудовлетворительный отвѣтъ, и больше о томъ не было рѣчи.

Около этого времени мы узнали, что Захаръ Чернышевъ и полковникъ Николай Леонтьевъ поссорились за игрою въ домѣ Романа Воронцова, что они дрались на шпагахъ, и что Захаръ Чернышевъ получилъ тяжелую рану въ голову. Рана была такъ опасна, что онъ не въ состояніи былъ переѣхать отъ Воронцова къ себѣ домой и оставался тамъ. Говорили, что ему будутъ сверлить черепъ. Это меня чрезвычайно огорчало, потому что я очень любила Захара Чернышева. Леонтьевъ, по приказанію Императрицы, былъ арестованъ. Въ городѣ только и толковали что объ этомъ поединкѣ, потому что у обоихъ непріятелей было огромное родство. Леонтьевъ женатъ былъ на дочери графини Румянцевой и находился въ близкомъ родствѣ съ Паниными и Куракиными. Чернышевъ также имѣлъ родственниковъ, друзей и покровителей, и поединокъ произошелъ въ домѣ у графа Романа Воронцова, гдѣ и оставался раненый. Наконецъ ему стало легче, толки и умолкли, и тѣмъ все кончилось.

Въ Маѣ мѣсяцѣ я снова почувствовала признаки беременности. Мы поѣхали въ Люберцы, имѣніе великаго князя, верстахъ въ 12 или 14 отъ Москвы. Тамошній каменный домъ, нѣкогда построенный княземъ Меншиковымъ, развалился, и мы не могли жить въ немъ. Для насъ разбили на дворѣ палатки. Поутру, съ 3 или 4 часовъ, я просыпалась отъ ударовъ топора и отъ стукотни плотниковъ, которымъ велѣно было поскорѣе выстроить новый деревянный флигель, чтобы мы въ тоже лѣто могли перейти въ него. Они работали, можно сказать, въ двухъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ. Почти все время мы охотились или гуляли; я больше не ѣздила верхомъ, а въ кабріолетѣ. Около Петрова дня мы возвратились въ Москву, гдѣ со мною сдѣлалась такая спячка, что я каждый день не просыпалась раньше 12 часовъ, иногда едва могли разбудить меня къ обѣду. Петровъ день отпраздновали по обычаю; я нарядилась, была въ церкви, за обѣдомъ, на балу и на ужинѣ. На другой день я почувствовала боль въ почкахъ. Чоглокова привела повивальную бабушку, которая сказала, что я выкину, что дѣйствительно и случилось въ слѣдующую ночь. Беременность моя продолжалась всего два или три мѣсяца. Въ теченіи тринадцати дней я была въ большой опасности; боялись, что послѣдъ не весь вышелъ изъ меня, и не говорили мнѣ о томъ. Наконецъ въ 13-й день оставшаяся часть послѣда дѣйствительно вышла сама собою, безъ боли и усилій. По этому случаю я должна была шесть недѣль оставаться въ комнатѣ, гдѣ было невыносимо жарко. Императрица навѣстила меня въ первый же день моей болѣзни, и повидимому очень сострадала мнѣ. Эти шесть недѣль я провела въ

смертельной скукѣ. Все мое общество состояло изъ Чоглоковой (да и та приходила довольно рѣдко) и изъ маленькой калмычки, которую я любила, потому что она была премилое существо. Отъ скуки я часто плакала. Что касается до великаго князя, то онъ по большей части сидѣлъ у себя въ комнатѣ съ камердинеромъ своимъ Малороссіяниномъ Карновичемъ, пьяницею и дуракомъ, который забавлялъ его какъ умѣлъ, и доставлялъ ему игрушекъ, вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ, сколько могъ. Это дѣлалось тайкомъ отъ Чоглокова, котораго впрочемъ всѣ обманывали и надъ которымъ всѣ забавлялись. Но на этихъ ночныхъ и тайныхъ вакханаліяхъ часто случалось, что камердинеры, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ Калмыковъ, не слушались великаго князя и не хотѣли служить ему, потому что напивались до безсознательности и забывали про своего господина, и что господинъ этотъ великій князь. Въ такихъ случаяхъ Его И. Высочество прибѣгалъ къ палочнымъ ударамъ или обнажалъ шпагу; но не смотря на то, прислуга плохо повиновалась ему, и онъ не разъ приходилъ ко мнѣ жаловаться на людей своихъ и просилъ, чтобы я ихъ вразумила. Я отправлялась къ нему, держала къ нимъ рѣчь, напоминала имъ ихъ обязанности, и они тотчасъ становились покорны и послушны. По этому случаю великій князь не разъ говорилъ мнѣ и повторялъ также Брессану, что онъ не понимаетъ, какъ я умѣю обращаться съ этими людьми, что онъ сѣчетъ ихъ, и все таки они его не слушаются, а я однимъ словомъ дѣлаю изъ нихъ что мнѣ угодно. Однажды по этому же случаю я вошла въ комнату Его Высочества и была поражена представившимся

зрѣлищемъ. По серединѣ кабинета, который онъ устроилъ себѣ, прорубивши стѣну, была повѣшена огромная крыса. Я спросила, что это значитъ, и получила въ отвѣтъ, что крыса эта совершила уголовное преступленіе, и по военнымъ законамъ подверглась жесточайшему наказанію, что она забралась на бастіоны карточной крѣпости, стоявшей у него на столѣ въ этомъ кабинетѣ, и на одномъ изъ бастіоновъ она съѣла двухъ поставленныхъ на стражу часовыхъ изъ крахмала, что за это онъ приказалъ судить преступницу военнымъ судомъ, что его собака-ищейка поймала крысу, которую немедленно за тѣмъ повѣсили съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, и которая въ теченіи трехъ сутокъ будетъ висѣть на глазахъ публики для внушенія примѣра. Я не могла удержаться отъ хохота, выслушавъ эту удивительную нелѣпость; но это очень не понравилось великому князю, и видя, какую важность придаетъ онъ казненой крысѣ, я ушла и сказала, что какъ женщина, ничего не смыслю въ военныхъ законахъ. Но онъ не переставалъ дуться на меня за тотъ хохотъ, и за то, въ оправданіе крысы я говорила о необходимости прежде чѣмъ вѣшать ее, распросить и выслушать ея оправданіе.

Когда мы въ этотъ разъ жили въ Москвѣ, одинъ изъ придворныхъ лакеевъ сошелъ съ ума и даже сталъ бѣситься. Императрица поручила первому своему медику Боергаву заняться этимъ человѣкомъ. Его помѣстили въ дворцѣ въ комнатѣ, находившейся недалеко отъ комнатъ Боергава. Случайно, въ этотъ же годъ еще нѣсколько человѣкъ сошло съ ума. По мѣрѣ того какъ Императрица узнавала о томъ, ихъ брали ко двору, и помѣщали по близости къ Боергаву, какъ что

при дворѣ образовалось небольшое заведеніе ума лишенныхъ. Помню, что замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были маіоръ гвардейскаго Семеновскаго полка Чедаевъ, подполковникъ Липтрумъ, маіоръ Чоглоковъ, одинъ монахъ изъ Воскресенскаго монастыря, отрѣзавшій себѣ бритвою дѣтородныя части и многіе другіе. Сумасшествіе Чедаева состояло въ томъ, что онъ воображалъ себя Шахомъ Надиромъ, или иначе Тахмасъ Кулихановъ, тираномъ и похитителемъ Персидскаго престола. Медики, подобно господу Богу, не будучи въ состояніе вылечить его отъ глупости, передали его на руки попамъ. Тѣ убѣдили Императрицу, что его слѣдуетъ отчитывать. Ея Величество сама присутствовала при отчитываніи, но Чедаевъ остался такъ же глупъ, какъ былъ или казался прежде. Нѣкоторые сомнѣвались въ его сумасшествіе, потому что онъ говорилъ здраво обо всемъ, какъ скоро не заговаривалъ о Надирѣ Шахѣ; даже старые друзья приходили къ нему совѣтоваться о дѣлахъ своихъ, и онъ давалъ имъ весьма благоразумные совѣты. Подозрѣвавшіе его сумасшествіе говорили, что онъ притворяется для того, чтобы этою хитростью развязаться съ однимъ непріятнымъ *дѣломъ: съ самаго начала* царствованія Императрицы онъ занимался повѣркою подушныхъ, былъ обвиненъ во взяткахъ, долженъ былъ подпасть подъ судъ, и страшась суда, выдумалъ свое сумасшествіе, которое избавляло его отъ законнаго преслѣдованія.

Въ половинѣ Августа мы возвратились въ деревню. Имянины свои, 5-о Сентября, Императрица провела въ Воскресенскомъ монастырѣ; когда она молилась Богу, громовой ударъ упалъ

въ церковь; по счастію Ея Величество стояла въ придѣлѣ, а не въ главной церкви и узнала о случившемся только по испуганнымъ лицамъ придворныхъ; впрочемъ не было ни раненыхъ, ни убитыхъ. Вскорѣ за тѣмъ она возвратилась въ Москву, куда и мы пріѣхали изъ Люберецъ. Въ самый день пріѣзда въ городъ, мы были свидѣтелями, какъ принцесса Курляндская цаловала, публично руку у Императрицы, благодаря за то, что ей позволено было идти за мужъ за князя Григорія Хованскаго: она поссорилась съ первымъ своимъ женихомъ Петромъ Салтыковымъ, который въ свою очередь тотчасъ послѣ этого женился на княжнѣ Сонцовой. 1-го Ноября этого года, часовъ около трехъ послѣ обѣда, сидя въ комнатѣ у Чоглоковой, я видѣла, какъ Чоглоковъ, Сергѣй Салтыковъ, Л. Нарышкинъ и многіе другіе придворные кавалеры отправились въ покои къ камергеру Шувалову поздравлять его со днемъ рожденія, который приходился въ это число. Мы съ Чоглоковой и Княжною Гагариной разговаривали между собою, какъ вдругъ услышали какой то шумъ въ небольшой молельной находившейся рядомъ съ комнатою, гдѣ мы сидѣли. Вслѣдъ за тѣмъ явилось нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, которые отправились къ Шувалову; они сказали намъ что въ дворцовыхъ залахъ загорѣлось, такъ что они не могли пройти ими. Я тотчасъ пошла къ себѣ; проходя одною изъ переднихъ комнатъ увидала, что угловая балюстрада большой залы вся въ огнѣ. У себя въ комнатахъ я встрѣтила солдатъ и лакеевъ, которые выбирали мебель и выносили что было можно. Чоглокова была со мною, и такъ какъ больше ничего не оставалось дѣлать въ домѣ, который долженъ былъ непремѣнно загорѣться,

то мы съ Чоглоковой вышли изъ него, и встрѣтивъ у крыльца коляску капельмейстера Арайи, пріѣхавшаго на концертъ къ великому князю (котораго я сама извѣстила о пожарѣ), сѣли въ эту коляску. На улицѣ было очень грязно, потому что нѣсколько дней сряду шолъ дождь, и мы, сидя въ коляскѣ смотрѣли на пожаръ и на то, какъ выносили мебель изо всѣхъ выходовъ дворца. Тутъ мнѣ случилось увидѣть удивительную вещь: необыкновенное множество крысъ и мышей спускались съ лѣстницы одна за другою, даже вовсе не торопясь. Не было возможности спасти это огромное деревянное зданіе: пожарныхъ инструментовъ было очень мало, да и тѣ стояли подъ самою тою залою, которая загорѣлась и которая находилась почти въ самой серединѣ зданія, занимавшаго со всѣми пристройками около двухъ или трехъ верстъ въ окружности. Я вышла изъ него ровно въ 3 часа, а въ 6 часовъ отъ него не оставалось уже никакаго слѣда. Жаръ отъ огня былъ такъ великъ, что ни я, ни Чоглокова не могли дальше выносить его, и приказали кучеру отъѣхать на нѣсколько сотъ шаговъ, въ ближайшую деревню. Наконецъ къ намъ прибыли Чоглоковъ, и великій князь и объявили, что Императрица перебралась въ Покровскій дворецъ, а намъ приказала ѣхать въ домъ къ Чоглокову, находившійся на правой рукѣ, на первомъ углу большой Слободской улицы. Мы тотчасъ отправились туда. Домъ этотъ состоялъ изъ залы по серединѣ и четырехъ комнатъ на каждой сторонѣ. Хуже помѣщенія врядъ ли можно было сыскать. Отовсюду несло сквознымъ вѣтромъ, окна и двери на половину сгнили, въ щели между бревнями можно было проснуть три и четыре пальца, и въ доба-

вокъ пропасть всякихъ насѣкомыхъ. Въ немъ жили дѣти и прислуга Чоглоковыхъ; какъ только мы пріѣхали, ихъ тотчасъ вывели, и мы расположились въ этомъ страшномъ домѣ, въ которомъ сверхъ всего почти не было на чемъ сѣсть. На другой день моего житься въ этомъ домѣ, я имѣла случай сдѣлать наблюденіе надъ Калмыцкимъ носомъ. По утру, когда я проснулась, дѣвочка моя, Калмычка, показала мнѣ на носъ свой и сказала: У меня тутъ орѣхъ. Я пощупала ея носъ и ничего не нашла; но она все утро безпрестанно толковала, что у нея въ носу орѣхъ. Это былъ ребенокъ лѣтъ четырехъ или пяти; никто не могъ понять, о какомъ орѣхѣ говоритъ она. Около обѣда она съ разбѣгу упала, наткнувшись на столъ, стала плакать, вынула платокъ и когда утирала себѣ носъ, орѣхъ выпалъ у нея изъ носу. Я сама видѣла это, и убѣдилась въ разницѣ между Калмыцкимъ и Европейскимъ носомъ; въ семъ послѣднемъ орѣхъ никакъ не можетъ помѣститься какъ чтобы его не было замѣтно, а въ углубленіи Калмыцкаго носа, вдающагося въ голову между двумя толстыми щеками, помѣщается. Платья наши и всѣ необходимыя вещи остались въ грязи передъ сгорѣвшимъ дворцомъ; намъ привозили ихъ въ теченіи ночи и на слѣдующій день. Мнѣ особенно жаль было моихъ книгъ; я тогда дочитывала четвертую часть Бэйлева лексикона. Я читала его въ теченіи двухъ лѣтъ, проходя каждые полгода по одной части, изъ чего можно себѣ представить какую уединенную жизнь я вела. Наконецъ мнѣ принесли ихъ, платья мои также нашлись. Владиславова, ради любопытства, показала мнѣ при этомъ случаѣ юпки графини Шуваловой: онѣ всѣ были сзади подбиты кожею, потому что владѣтель-

ница ихъ, съ тѣхъ поръ какъ родила въ первый разъ, не могла больше удерживать урины, отчего разумѣется юпки страшно воняли. Я поскорѣе отослала ихъ къ ней. Въ этотъ пожаръ Императрица лишилась всего своего огромнаго гардероба, который привезенъ былъ въ Москву. Я имѣла честь слышать же отъ нея самой, что при этомъ сгорѣло 4,000 паръ платьевъ, и что изъ всѣхъ нихъ она жалѣетъ только объ одномъ, именно сшитомъ изъ той матеріи, которую я ей подарила и которая была прислана мнѣ матушкою. Тутъ же погибли и другія драгоцѣнныя вещи Императрицы, между прочимъ огромный тазъ съ рѣзными каменьями, который былъ купленъ графомъ Румянцевымъ въ Константинополѣ и за который заплачено было 8,000 червонцевъ. Всѣ эти вещи хранились въ гардеробной, находившейся надъ тою самою залою, которая загорѣлась. Зала эта служила аванзалою другой большой дворцовой залѣ; въ 10 часовъ истопники пришли топить ее, положили дровъ въ печь и затопили по обыкновенію. Зала наполнилась дымомъ; истопники подумали, дымъ проходитъ сквозь незамѣтныя скважины и начали замазывать промежутки между кафелями фаянсовою глиною; но дымъ не прекращался; они стали искать щелей въ самой печкѣ, и ничего не нашедши, догадались что щель въ простѣнкѣ, отдѣлявшемъ залу отъ той комнаты, откуда топилась печь. Этотъ простѣнокъ былъ деревянный. Они пошли за водою и погасили огонь въ печи; но дымъ шолъ еще больше прежняго, и проникъ въ переднюю комнату, гдѣ стоялъ на часахъ конногвардеецъ. Сей послѣдній хотѣлъ тушить, но не смѣлъ до срока сойти съ мѣста, и потому разбилъ окошко и началъ кри-

чать. Его никто не слышалъ и никто не приходилъ на помощь. Тогда онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ окно. Этотъ выстрѣлъ услышали на гаубтвахтѣ, находившейся напротивъ дворца. Прибѣжавшіе люди были встрѣчены густыми облаками дыма, изъ котораго они вывели часоваго. Истопниковъ взяли подъ стражу. Они воображали, что могутъ сами потушить огонь или по крайней мѣрѣ остановить дымъ, и съ настоящимъ усердіемъ занимались этимъ въ теченіи пяти часовъ. По случаю этого пожара Чоглокову удалось сдѣлить открытіе. Въ комнатахъ великаго князя было нѣсколько огромныхъ комодовъ; когда ихъ выносили, нѣсколько ящиковъ незапертыхъ или плохо запертыхъ, обнаружили передъ зрителями ихъ содержаніе. Повѣрятъ ли? Всѣ ящики были биткомъ набиты множествомъ винныхъ бутылокъ и водочныхъ штофовъ. Это былъ погребъ Его Императорскаго Высочества. Чоглоковъ разсказалъ мнѣ о томъ; я сказала ему, что обстоятельство это было мнѣ неизвѣстно, и сказала правду; дѣйствительно я ничего не знала о томъ, хотя часто и почти ежедневно видѣла великаго князя пьянымъ.

Послѣ пожара около шести недѣль мы оставались въ домѣ Чоглокова. Намъ часто приходилось проѣзжать мимо одного дома съ садомъ, находившагося недалеко отъ Салтыкова моста; домъ этотъ принадлежалъ Императрицѣ и назывался Архіерейскимъ, потому что Императрица купила его у одного архіерея. Намъ вздумалось, безъ вѣдома Чоглоковыхъ, попросить Императрицу, чтобы она позволила намъ перейти въ этотъ домъ, который какъ мы слышали и какъ казалось, былъ помѣстительнѣе Чоглоковскаго. Намъ позволили поселиться въ Архіерейскомъ домѣ. Это было очень

вѣтхое деревянное строеніе безъ всякаго виду; оно было выстроено надъ каменными погребами, и потому было выше Чоглоковскаго, одноэтажнаго дома. Печки были такъ вѣтхи, что когда ихъ топили, можно было насквозь видѣть огонь, такъ много было скважинъ; дымъ обыкновенно наполнялъ комнаты и отъ него у насъ болѣли головы и глаза. Мы подвергались опасности сгорѣть живыми; въ домѣ всего была одна деревянная лѣстница, а окна очень высоки отъ земли. Дѣйствительно, пока мы оставались въ немъ, онъ загорался раза два или три; но всякій разъ тушили. У меня разболѣлось горло, и сдѣлалась лихорадка. Въ самый день, когда я занемогла, у насъ долженъ былъ на прощаньи ужинать господинъ Брейтхардтъ вновь пріѣхавшій въ Россію отъ Вѣнскаго Двора. Я встрѣтила его распухшая и съ красными глазами. Онъ подумалъ, что я плакала, и не ошибся; скука, физическая и нравственная неловкость и неудобство моего положенія наводили на меня ипохондрію. Я цѣлый день просидѣла съ Чоглоковою въ ожиданіи тѣхъ, которые не являлись. Чоглокова безпрестанно твердила: Вотъ какъ насъ помнятъ. Мужъ ея устроилъ гдѣ то обѣдъ, и всѣхъ пригласилъ на него; Сергѣй Салтыковъ увѣрялъ насъ, что уйдетъ отъ этого обѣда, но не смотря на всѣ свои обѣщанія, воротился не раньше самаго Чоглокова. На все это я злилась какъ собака. Наконецъ черезъ нѣсколько дней намъ позволили отправиться въ Люберцы, которые показались намъ раемъ. Тамошній домъ былъ только что выстроенъ и довольно хорошо расположенъ. Мы каждый вечеръ танцовали, и къ намъ собирался весь нашъ дворъ. На одномъ изъ этихъ баловъ мы замѣтили, что вели-

кій князь что то очень долго говорилъ на ухо Чоглокову, послѣ чего Чоглоковъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ, меньше говорилъ, какъ то черезъ чуръ насупился, и чрезвычайно холодно обращался съ С. Салтыковымъ. Сей послѣдніи подсѣлъ къ дѣвицѣ Марѳѣ Шафировой и сталъ развѣдывать у нея, откуда такая необыкновенная дружба у великаго князя съ Чоглоковымъ. Шафирова отвѣчала, что она не можетъ объяснить этого, но что великій князь нѣсколько разъ говорилъ ей: „Сергѣй Салтыковъ и жена моя неслыханнымъ манеромъ обманываютъ Чоглокова. Онъ влюбленъ въ великую княгиню, а она терпѣть его не можетъ. Сергѣй Салтыковъ сдружился съ Чоглоковымъ и увѣряетъ его, будто ухаживаетъ за моею женою для него, между чѣмъ какъ ухаживаетъ для самаго себя; а она терпитъ Сергѣй Салтыкова, потому что съ нимъ ей весело и пользуется имъ, чтобы дѣлать изъ Чоглокова что ей угодно: на самомъ дѣлѣ она смѣется надъ ними обоими. Я долженъ разувѣрить бѣднаго Чоглокова; мнѣ жаль его. Я открою ему правду, и тогда онъ увидитъ, кто настоящій другъ ему, я или жена моя.“ Узнавъ объ этомъ опасномъ *діалогѣ и о непріятныхъ послѣдствіяхъ его*, Сергѣй Салтыковъ разсказалъ обо всемъ мнѣ. За тѣмъ онъ подсѣлъ къ Чоглокову и сталъ спрашивать его, что съ нимъ. Тотъ съ начала ничего не хотѣлъ отвѣчать и только вздыхалъ, потомъ принялся пѣть Іеремiаду о томъ, какъ трудно съискать вѣрныхъ друзей, и наконецъ Сергѣй Салтыковъ, пытая его съ разныхъ сторонъ, добился того, что онъ передалъ ему свой разговоръ съ великимъ княземъ. (Надо было непремѣнно узнать о томъ въ точности, ибо догадаться объ

ихъ разговорѣ конечно было трудно.) Его Им. Высочество началъ съ того, что распространился передъ Чоглоковымъ въ увѣреніяхъ дружбы, говоря, что истинныхъ друзей можно отличить отъ ложныхъ только въ настоятельныхъ случаяхъ жизни, что онъ хочетъ доказать ему искренность своей дружбы и удостовѣрить его въ своемъ чистосердечіи. „Я знаю навѣрное," говорилъ онъ, „что вы, влюблены въ великую княгиню; я вамъ не ставлю этого въ вину, можетъ быть она кажется вамъ достойною любви, человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; но я долженъ предупредить васъ, что вы ошибаетесь въ выборѣ друзей. Вы воображаете, что Сергѣй Салтыковъ другъ вашъ и что онъ ухаживаетъ за великою княгиней для васъ; вы и не подозрѣваете, что онъ вашъ соперникъ и ухаживаетъ за ней для самаго себя; а она смѣется надъ вами обоими. Но ежели вы хотите послѣдовать моему совѣту и довѣриться мнѣ, то увидите, что я Вашъ единственный и настоящій другъ." Чоглоковъ много благодарилъ великаго князя за дружбу и за изъявленія дружбы, но въ сущности онъ считалъ его слова пустяками и игрою воображенія; въ самомъ дѣлѣ трудно было выбрать своимъ повѣреннымъ человѣка, который и по характеру и по положеніи своему, былъ столько ненадеженъ, какъ и безполезенъ. Послѣ такаго признанія, Сергѣю Салтыкову уже не стоило большаго труда разсѣять сомнѣнія и успокоить Чоглокова, который и самъ привыкъ не придавать большой цѣны и не обращать вниманія на слова человѣка, вовсе безразсуднаго и прослывшаго такимъ. Когда я узнала обо всемъ этомъ, то признаюсь, очень разсердилась на великаго князя, и чтобы впередъ

отъучить его отъ подобныхъ вещей, я дала ему почувствовать, что мнѣ извѣстно происходившее между имъ и Чоглоковымъ: онъ покраснѣлъ, не сказалъ ни слова, ушолъ и сталъ дуться на меня. Тѣмъ дѣло и кончилось.

По возвращеніи въ Москву, насъ перевели изъ архіерейскаго дома и дали особое помѣщеніе въ такъ называемомъ Лѣтнемъ дворцѣ Императрицы, который уцѣлѣлъ отъ пожара. Императрица приказала себѣ отстроить новые покои въ шесть недѣль; для этого брали и перевозили бревна изъ Петровскаго дома и изъ домовъ графовъ Гендриковыхъ и Князей Грузинскихъ. Наконецъ къ новому году она перешла туда. Первое Генваря 1754 года Императрица праздновала въ этомъ дворцѣ и мы, великій князь и я, имѣли честь публично обѣдать съ нею подъ балдахиномъ. За столомъ Ея Величество казалась очень весела и разговорчива. Возлѣ трона разставлены были столы, за которыми обѣдало нѣсколько сотъ человѣкъ первыхъ классовъ. Во время обѣда Императрица спросила, указывая на одну дѣвицу; кто это сидитъ тамъ, сухая, дурнолицая, съ журавлиной шеей? Ей отвѣчали, что это Марфа Шафирова. Ея Величество захохотала и сказала, обратившись ко мнѣ, что эта дѣвушка напоминаетъ ей русскую пословицу: *шейка долга, на висѣлицу годна.* Я не могла удержаться отъ смѣха, услышавъ этотъ злой императорскій сарказмъ, который тотчасъ былъ подхваченъ придворными, такъ что когда мы встали изъ-за стола, уже многіе знали о немъ, и повторяли его. Не знаю, дошолъ ли онъ до великаго князя; знаю только, что ни слова не говорилъ о немъ, и ежели услышалъ, то конечно не отъ меня.

Ни въ одинъ годъ не было такъ много пожаровъ, какъ въ 1753-й и 1754-й. Изъ моихъ оконъ во дворѣ мнѣ иногда случалось видѣть разомъ по два, по три, по четыре и даже по пяти пожаровъ въ различныхъ сторонахъ Москвы. На масляницѣ Императрица приказала быть баламъ и маскарадомъ. Я замѣтила, что Ея Величество долго разговаривала съ Генеральшей Матюшкиной. Сія послѣдняя не соглашалась на бракъ сына своего съ фрейлиной моей Княжною Гагариной; но Императрица уговорила ее, и Княжна Гагарина, которой тогда было слишкомъ 38 лѣтъ, получила позволеніе выдти за мужъ за Дмитрія Матюшкина. Она была очень довольна этимъ, я также: Это былъ бракъ по склонности; Матюшкинъ въ то время былъ очень хорошъ собою.

Въ лѣтнемъ дворцѣ я жила безъ Чоглоковой, которая подъ разными предлогами осталась жить съ дѣтьми у себя въ домѣ, находившемся не далеко отъ дворца. Настоящая причина этого заключалась въ томъ, что Чоглокова, не смотря на свое благоразуміе и любовь къ мужу, возымѣла страсть къ князю Петру Репнину, и въ слѣдъ за тѣмъ жестокое отвращеніе къ мужу. Она вообразила себѣ что для счастія необходима пріятельница, и выбрала меня въ повѣренныя тайнъ своихъ. Мнѣ показывались всѣ письма, которыя она получала отъ своего возлюбленнаго; я хранила ея тайну строго, съ самою мелочною точностію и предусмотрительностію. Ея свиданія съ княземъ происходили въ великой тайнѣ; но не смотря на то, супругъ возъимѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія. Ихъ внушилъ ему нѣкто Камынинъ, офицеръ Конной Гвардіи, старый знакомый Чоглоковыхъ, который по характеру своему былъ воплощенное подозрѣніе

и ревность. Чоглоковъ разсказалъ свои подозрѣнія Сергѣю Салтыкову, и тотъ старался его успокоить. Я нарочно не говорила Сергѣю Салтыкову, что знаю о томъ; потому что боялась нескромности, иногда непроизвольной. Наконецъ самъ мужъ сталъ со мной заговаривать. Я притворилась ничего незнающею, выразила мое удивленіе и не сказала ни слова.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ я почувствовала признаки беременности. На самое свѣтлое Воскресенье, въ церквѣ, Чоглоковъ заболѣлъ сухою коликой. Ему давали много лекарствъ; но болѣзнь только усиливалась. На святой недѣлѣ великій князь поѣхалъ кататься верхомъ съ кавалерами нашего двора, потому что меня боялись выпускать въ моемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что я уже два раза выкидывала. Я сидѣла одна въ своей комнатѣ, какъ Чоглоковъ прислалъ просить, чтобы я пришла къ нему. Я пошла въ его комнату и застала его въ постелѣ. Онъ началъ распространяться въ жалобахъ на жену свою, говорилъ, что она видается съ княземъ Репнинымъ, что онъ ходитъ къ ней пѣшкомъ, что однажды на масляницѣ, когда при дворѣ былъ балъ, онъ пришолъ къ ней въ шутовскомъ нарядѣ, что Камынинъ подмѣтилъ его и проч. Въ ту минуту, какъ Чоглоковъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ передавалъ мнѣ эти подробности, явилась супруга его; тогда онъ въ моемъ присутствіи началъ осыпать ее упреками, говоря между прочимъ, что она покидаетъ его больнаго. Оба они были люди очень ограниченные и подозрительные. Я смертельно боялась, чтобъ Чоглокова, слыша отъ мужа всѣ подробности свиданій своихъ съ княземъ Репнинымъ, не вообразила, будто онъ узналъ ихъ отъ

меня. Она съ своей стороны говорила мужу что не чему удивляться, если она наказываетъ его за его поведеніе относительно ея, что до сихъ поръ онъ и никто на свѣтѣ не имѣли права обвинять ее въ супружеской невѣрности, и что наконецъ не ему бы жаловаться. Оба они безпрестанно обращались ко мнѣ, ссылались на меня и требовали моего мнѣнія въ своемъ спорѣ. Я отмалчивалась, боясь оскорбить кого нибудь, или обоихъ вмѣстѣ, и самой попасть въ бѣду. Лице у меня горѣло отъ волненія; я была одна съ ними. Въ самый разгаръ спора явилась Владиславова, съ извѣстіемъ, что Императрица пришла ко мнѣ въ комнаты; я тотчасъ побѣжала туда. Чоглокова вышла со мною вмѣстѣ; но вмѣсто того чтобы слѣдовать за мною вмѣстѣ, она, какъ послѣ мнѣ сказывали, осталась въ корридорѣ и сѣла на лѣстницѣ, выходившей въ садъ. Я же, вся запыхавшись, пришла къ себѣ въ комнату и дѣйствителлно застала тамъ Императрицу. Видя меня въ попыхахъ и съ лицемъ немного краснымъ, она спросила, гдѣ я была. Я отвѣчала, что была у больнаго Чоглокова, гдѣ мнѣ сказали, что она изволяла ко мнѣ нажаловать, и что я бѣжала, желая поскорѣй придти. Больше она не спрашивала меня о томъ, но повидимому слова мои показались ей странными и заставили ее задуматься. Однако она продолжала говорить со мною. Она не спросила у меня, гдѣ великій князь, потому что сама знала о томъ: во все ея царствованіе, ни онъ, ни я, не смѣли выѣжать ни изъ дому, ни изъ городу, не пославши напередъ спросить у нея позволенія. Владиславова стояла тутъ же. Императрица нѣсколько разъ обращалась то къ ней, то ко мнѣ, говорила о неважныхъ предметахъ, и пробывъ

съ нами безъ малаго полчаса, сказала, что по случаю беременности моей я могу не выходить въ публику 21 и 25 Апрѣля, и за тѣмъ ушла. Меня одно удивляло, отчего Чоглокова не пришла ко мнѣ въ комнату; по уходѣ Императрицы я спрашивала у Владиславовой, что сдѣлалось съ Чоглоковой, и получила въ отвѣтъ, что она сидѣла на лѣстницѣ и плакала. Когда возвратился великій князь, я разсказала Сергѣю Салтыкову все что со мною было во время ихъ прогулки, какъ меня призывалъ Чоглоковъ, какъ я тревожилась, слушая его перебранку съ женою и какъ потомъ посѣтила меня Императрица. Тогда онъ мнѣ сказалъ: „Если это такъ, то я думаю, что Императрица приходила посмотрѣть, что Вы дѣлаете въ отсутствіи великаго князя; я тотчасъ пойду со всѣми нашими къ Ивану Шувалову; пусть тамъ увидятъ насъ, какъ есть, съ ногъ до головы въ грязи. Это послужитъ имъ доказательствомъ, что Вы оставались одни, и были только у Чоглокова." Дѣйствительно, когда великій князь ушелъ къ себѣ, Сергѣй Салтыковъ со всѣми тѣми, которые ѣздили верхомъ съ великомъ княземъ, пошолъ къ Ивану Шувалову, жившему во дворцѣ. Когда они пришли къ нему, онъ сталъ ихъ распрашивать о подробностяхъ ихъ прогулки, и какъ Сергѣй Салтыковъ послѣ раскызывалъ мнѣ, его распросамъ можно было догадаться, что ему хотѣлось что-то вывѣдать. Съ этого дня болѣзнь Чоглокова безпрестанно усиливалась; 21 Апрѣля, въ день моего рожденія, доктора отчаялись въ его выздоровленіи. Доложили о томъ Императрицѣ, которая, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, приказала перевести больнаго въ его собственный домъ, чтобы онъ не умеръ во дворцѣ, потому что

она боялась мертвецовъ. Узнавъ, въ какомъ положеніи находится Чоглоковъ, я очень огорчилась. Онъ умеръ въ то самое время, когда, послѣ многихъ годовъ труда и усилій, удалось сдѣлать его нетолько менѣе несноснымъ и зложелательнымъ, но когда онъ сталъ общителенъ, и когда посредствомъ прилежнаго изученія его характера можно было совсѣмъ перевоспитать его. Что касается до жены его, то въ это время она меня искренно любила, сдѣлавшись изъ суроваго и подозрительнаго аргуса преданнымъ и надежнымъ другомъ. Въ домѣ своемъ Чоглоковъ прожилъ еще нѣсколько дней, и умеръ 25 Апрѣля послѣ обѣда, въ день коронованія Императрицы. Я посылала навѣдываться къ нему каждую минуту, и меня тотчасъ же извѣстили о его кончинѣ. Она меня по истинѣ огорчила, и я долго плакала. Жена его, въ послѣдніе дни болѣзни мужа, тоже должна была лечь въ постель; онъ лежалъ въ одномъ углу дома, а она въ другомъ. Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ сидѣли у ней въ комнатѣ въ то время, какъ скончался мужъ ея; въ комнатѣ были раскрыты окна; влетѣла птичка и сѣла на капризѣ потолка, противъ самой постели Чоглоковой. Увидавъ ее, она сказала: „Я увѣрена, что мужъ отдалъ душу; пошлите спросить.“ Посланный пришелъ съ извѣстіемъ, что онъ дѣйствительно умеръ. Она говорила, что птичка это — душа ея мужа, и невозможно было разувѣрить ее въ томъ; напрасно говорили ей, что это обыкновенная птичка; такъ какъ никто не видалъ какъ она влетѣла, то Чоглокова осталась увѣренною, что душа мужа прилетала навѣстить ее.

Когда похороны Чоглокова были кончены, вдова покойника захотѣла побывать у меня; но

Императрица, увидавъ ея экипажъ на Яузскомъ мосту, тотчасъ послала человѣка сказать, что она увольняетъ ее отъ должности при мнѣ, и что потому она можетъ ѣхать назадъ. Ея Величество находила неприличнымъ такой ранній выѣздъ послѣ смерти мужа. Въ тотъ же день она назначила преемникомъ покойнаго Чоглокова, въ должности при великомъ князѣ, Александра Ивановича Шувалова. Надо сказать, что этотъ Шуваловъ не самъ по себѣ, а по занимаемому имъ мѣсту, наводилъ страхъ на дворъ, на городъ и на всю Имперію. Онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго судилища, которое тогда называлось Тайною Канцеляріею. Разсказывали, что отъ этихъ занятій у него сдѣлались особаго рода судорожныя движенія во свей правой сторонѣ лица, начиная отъ глаза и до подбородка. Его дергало всякій разъ, какъ онъ бывалъ чѣмъ нибудь встревоженъ, чему нибудь радовался, на что нибудь сердился, или чего нибудь боялся. Удивительно, какъ человѣка съ такою отвратительною гримасою, выбрали постояннымъ собесѣдникомъ молодой беременной женщины. Ну! если бы я родила ребенка съ такими несчастными подергиваніями, я думаю, Императрица была бы не очень этимъ довольна. Между тѣмъ это могло случиться, потому что я видала его безпрестанно, никогда съ охотою, и большею частію съ нѣкотораго рода отвращеніемъ внушаемымъ мнѣ и личностью его, и его роднею, и его должностью, отъ которой разговоръ съ нимъ конечно не становился пріятнѣе. Но это было лишь слабое начало тѣхъ удовольствій, которыя готовились намъ и въ особенности мнѣ. На утро мнѣ сказали что Императрица хочетъ снова опредѣлить ко мнѣ графиню

Румянцеву. Я знала, кто женщина эта была заклятымъ врагомъ Сергѣя Салтыкова, что она терпѣть не могла Княжну Гагарину, и очень повредила моей матушкѣ во мнѣніи Императрицы. Когда мнѣ сказали, что ее снова приставятъ ко мнѣ, я потеряла всякое терпѣніе, принялась горько плакать, и объявила графу Александру Шувалову, что назначеніе этой женщины я почту великимъ для себя несчастіемъ, что она нѣкогда повредила моей матушкѣ, очернивъ ее въ глазахъ Императрицы, что теперь она тоже сдѣлаетъ со мною, что когда она жила съ нами, ея боялись какъ чумы, и что если онъ не найдетъ средствъ предотвратить это назначеніе, многіе будутъ отъ того несчастны. Онъ боялся огорчать меня въ моемъ положеніи, ушелъ къ Императрицѣ и возвратившись оттуда, сказалъ мнѣ, что можетъ быть назначеніе графини Румянцевой — не состоится. Дѣйствительно не было больше о томъ рѣчи, и при дворѣ всѣ исключительно занялись сборами въ Петербургѣ. Положено было, что мы останемся въ дорогѣ 29 дней, то есть будемъ дѣлать въ день не болѣе одной почтовой станціи. Я смертельно боялась, что Сергѣя Салтыкова и Льва Нарышкина оставятъ въ Москвѣ; но не знаю, какимъ образомъ умилосердились и внесли ихъ въ списокъ нашей свиты.

Наконецъ 10-го или 11-го Мая мы выѣхали изъ Московскаго Дворца. Въ каретѣ со мною сидѣли: жена графа Шувалова, женщина самая скучная, какую можно себѣ вообразить, Владиславова и повивальная бабушка, которую сочли необходимымъ приставить ко мнѣ, потому что я была беременна. Сидя въ каретѣ я умирала со скуки,

и то и дѣло плакала. Наконецъ княжна Гагарина (которая лично не любила графиню Шувалову, за то что дочь ея, бывшая за мужемъ за Головкинымъ, дурно обращалась съ роднею своего мужа) воспользовалась благопріятною минутою, и дала мнѣ знать, что она старается расположить въ мою пользу Владиславову, потому что какъ она, такъ и всѣ, боятся, чтобъ ипохондрія моя не повредила мнѣ и моему будущему дитяти. Что касается до Сергѣя Салтыкова, то онъ не смѣлъ подходить ко мнѣ ни близко, ни издали, потому что Шуваловы, мужъ и жена, постоянно были со мною и не выпускали меня изъ виду. Дѣйствительно княжна Гагарина успѣла вразумить Владиславову въ необходимости нѣкотораго снисхожденія, чтобы сколько нибудь дать мнѣ свободы; ипохондрія моя, овладѣвавшая мною противъ моей воли, происходила именно отъ этого постояннаго принужденія. И какъ мало нужно было, чтобы облегчить меня! — Какихъ нибудь нѣсколько минутъ разговора! Наконецъ разговоръ этотъ удался. — *Послѣ 29-ти дневной скучной дороги*, мы пріѣхали въ Петербургъ, въ Лѣтній Дворецъ. Великій князь тотчасъ возобновилъ свои концерты, что иногда давало мнѣ возможность имѣть разговоръ; но ипохондрія моя усилилась до такой степени, что я готова была плакать всякую минуту и по всякому случаю; тысячи опасеній волновали меня; я не могла выгнать изъ головы мысли, что все клонилось къ удаленію Сергѣя Салтыкова. — Мы поѣхали въ Петергофъ; тамъ я много дѣлала движенія; но не смотря на то, печальныя мысли всюду за мной слѣдовали. Въ Августѣ мѣсяцѣ мы возвратились въ городъ и по прежнему поселились въ Лѣтнемъ Дворцѣ. Я была чрезвычайно

огорчена, узнавши, что для родинъ мнѣ отвели комнаты рядомъ съ покоями Императрицы и составлявшія продолженіе ихъ. Александръ Шуваловъ повелъ меня посмотрѣть мое помѣщеніе: Это были двѣ комнаты, какъ всѣ въ Лѣтнемъ Дворцѣ, печальныя, съ однимъ выходомъ, плохо убранныя пунцовою камкою, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я увидѣла, что буду въ нихъ въ полномъ одиночествѣ, безъ всякаго общества, несчастна, какъ камень. Я сказала о томъ Сергѣю Салтыкову и княжнѣ Гагариной, которые, хотя не любили другъ друга, но соединялись въ чувствѣ дружбы ко мнѣ. Они были совершенно согласны со мною, но помочь было нечѣмъ. Въ Середу я должна была перейти въ эти комнаты, находившіяся очень далеко отъ комнатъ великаго князя. Во вторникъ вечеромъ я легла въ постель, и ночью проснулась отъ болей. Я разбудила Владиславову; та послала за повивальною бабушкою, которая объявила, что я должна скоро родить. Пошли разбудить великаго князя, спавшаго у себя въ комнатѣ, и графа Александра Шувалова. Сей послѣдній извѣстилъ Императрицу, которая не замедлила придти. Это было около 2 часовъ утра. Я очень страдала; наконецъ на другой день, 20 Сентября, ококо полудня, я родила сына. Только что спеленали его, явился по приказанію Императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего Императрица тотчасъ велѣла бабушкѣ взять его и нести за собою; а я осталась на родильной постелѣ. Надо замѣтить, что постель эта стояла противъ самой двери, сквозь которую падалъ на меня свѣтъ; справа и слѣва были еще двѣ двери, изъ которыхъ одна вела въ мою уборную, а другая въ комнату

Владиславовой; сзади меня два большія окна, плохо затворявшіяся. Какъ скоро Императрица удалилась, великій князь съ своей стороны тоже ушелъ, но въ слѣдъ за нимъ графъ и графиня Шувалова, и я никого больше не видала до самаго четвертаго часа. Я много потѣла и просила Владиславову перемѣнить мнѣ бѣлье и положить меня въ мою обыкновенную постель; она отвѣчала, что не смѣетъ. Она нѣсколько разъ приказывала позвать бабушку, но та не приходила. Я спрашивала пить, и всякій разъ получала тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, послѣ трехъ часовъ явилась графиня Шувалова, вся разряженная. Увидавъ меня все еще на томъ мѣстѣ, на которомъ она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что такъ можно уморить меня. Было чѣмъ утѣшиться! Но я и безъ того заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Меня особенно огорчало то, что меня совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болезненныхъ усилій, я оставалась рѣшительно безъ призору, между дверями и окнами плохо затворявшимися; я не имѣла силъ перейдти въ постель, и никто не смѣлъ перенести меня, хотя постель стояла въ двухъ шагахъ. Шувалова тотчасъ ушла и должно быть велѣла позвать бабушку, потому что черезъ полчаса сія послѣдняя явилась, и сказала намъ, что Императрица была очень занята ребенкомъ и не отпускали ея отъ себя ни на минуту. Обо мнѣ вовсе и не думали. Такое забвеніе или небрежность конечно не могли быть мнѣ лестны. Я умирала отъ жажды, наконецъ меня перенесли въ постель, и въ этотъ день я никого больше не видала, даже не присылали навѣдаться о моемъ здоровьи. Его И. Высочество съ своей стороны не замедлилъ устроить

попойку съ тѣми, кто попался ему подъ руку, а Императрица занималась ребенкомъ. Въ городѣ и въ Имперіи была великая радость по случаю этого событія. На утро я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и сверхъ того со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но не смотря на то, и въ этотъ день я не удостоилась большаго вниманія: никто не приходилъ ко мнѣ, никто не присылалъ спросить что со мною. Впрочемъ великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрестанно плакала и стонала; въ комнатѣ со мною была только одна Владиславова; въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей не чѣмъ было помочь. Да и я не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться; я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастною была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала все, что могла, чтобы не казаться таковою. Конечно ко мнѣ приходили графъ Александръ Шуваловъ и жена его, но это были существа, до такой степени скучныя и нелѣпыя, что я всегда радовалась ихъ уходу. На третій день пришли спросить у Владиславовой отъ Императрицы, не осталась ли у меня въ комнатахъ голубая атласная мантилья, которую во время моихъ родинъ Ея Величество надѣла, потому что у меня тогда было очень холодно. Владиславова стала вездѣ искать эту мантилью и наконецъ нашла ее въ углу моей уборной, гдѣ она лежала незамѣченною, потому что въ эту комнату со времени моихъ родинъ почти никто не входилъ. Нашедши, она тотчасъ ее отослала. Вскорѣ за тѣмъ мы узнали, что по по-

воду этой мантильи произошелъ довольно странный случай. У Императрицы не было опредѣленнаго часа ни для сна, ни для вставанья, ни для обѣда, ни для ужина, ни для туалета. Въ одинъ изъ этихъ трехъ дней, однажды послѣ обѣда, она легла на диванѣ, приказавъ положить на него тюфякъ и подушки; такъ какъ было холодно, то лежа, она спросила себѣ эту мантилью; ее стали вездѣ искать и не находили, потому что она оставалась у меня въ комнатѣ. Тогда Императрица велѣла посмотрѣть, нѣтъ ли ее въ подушкахъ подъ изголовьемъ. Сестра госпожи Крузе, эта любимая камерфрау Императрицы, пропустила руку подъ изголовье Ея Величества, и вынувъ ее сказала, что мантильи подъ изголовьемъ нѣтъ, но что она ощупала тамъ какой-то свертокъ съ волосами. Императрица немедленно встала съ дивана и приказала снять тюфякъ и подушки. Къ немалому удивленію зрителей найденъ былъ бумажный свертокъ и въ немъ какіе-то коренья обверченныя волосами. Тогда Императрицины женщины и сама она принялись толковать, что вѣроятно это какія нибудь чары или колдовство, и стали дѣлать догадки, кто бы такой осмѣлился положить этотъ свертокъ подъ изголовье Ея Величества. Подозрѣніе пало на одну изъ любимѣйшихъ женщинъ Императрицы, извѣстную подъ именемъ Анны Дмитріевны Домашевой. Она не за долго передъ тѣмъ овдовѣла и вышла за мужъ во второй разъ за одного изъ камеръ-лакеевъ Императрицы. Шуваловы не любили ея и боялись, потому что она, съ молодыхъ лѣтъ пользуясь довѣріемъ Императрицы, легко могла найдти случай, чтобы повредить имъ. У Шуваловыхъ тоже были приверженцы, которые и начали толко-

вать, что дѣло со сверткомъ есть уголовное преступленіе; Императрицу убѣдить въ этомъ было не очень трудно, потому что она сама вѣрила въ чары и въ колдовство. Въ слѣдствіе этого она приказала графу Александру Шувалову арестовать женщину, мужа ея и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, а другой камеръ-пажемъ Императрицы. Мужъ на третій день своего ареста спросилъ бритвы побриться, и перерѣзалъ себѣ горло. Что касается до самой Домашевой и дѣтей; то ихъ долго держали подъ стражею, и она призналась, что, желая продолжить къ себѣ милость Императрицы, она дѣйствительно употребляла чары и положила нѣсколько крупинокъ четверговой соли въ стаканъ венгерскаго вина, поднесенный Императрицѣ. Дѣло это кончили тѣмъ, что ее съ дѣтьми сослали въ Москву; за тѣмъ распущенъ былъ слухъ, будто обморокъ, который Императрица имѣла не задолго до моихъ родинъ, былъ слѣдствіемъ питья, даннаго ей всего двѣ — три крупинки четверговой соли; что конечно не могло ей сдѣлать вреда. Домашева была виновата только въ смѣлости и суевѣріи.

Наконецъ великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ; по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графинею Елизаветою Воронцовой, которая какъ нарочно была хуже всѣхъ лицомъ. На шестой день происходили крестины моего сына. Онъ уже едва было не умеръ отъ молочницы; я должна была украдкою навѣдываться объ его здоровьи; ибо просто послать спросить значило бы усумниться въ попеченіяхъ Императрицы и могло быть очень дурно принято. Она его помѣтила у

себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый крикъ его; излишними заботами его буквально душили. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго пикэ на ватѣ, а сверхъ этого еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, въ слѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ, причинили ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, нежели добра.

Въ самый день крестинъ, послѣ церемоніи, Императрица пришла ко мнѣ въ комнату и принесла мнѣ на золотой тарелкѣ указъ своему кабинету, повелѣвавшій выдать мнѣ сто тысячъ рублей. — Къ этому она присоединила небольшой ларчикъ, который я раскрыла уже по ея уходѣ. Деньги очень мнѣ пригодились, потому я имѣла пропасть долговъ и у меня не было ни копѣйки; ларчикъ же, когда я раскрыла его, не произвелъ на меня большаго впечатлѣнія: въ немъ лежали очень бѣдное маленькое ожерелье, серьги и два жалкихъ перстня, которые я постыдилась бы подарить моей камерфрау: во всѣхъ вещахъ не было ни одного камня, который бы стоилъ сто рублей, и это не вознаграждалось ни работой, ни вкусомъ. Я не сказала ни слова и велѣла спрятать Императорскій ларчикъ. Но ничтожность этаго подарка была слишкомъ очевидна, и вѣро-

ятно ее почувствовали; потому что графъ А. Шувaловъ пришелъ сказать мнѣ, что ему велѣно узнать, какъ мнѣ понравился ларчикъ; я отвѣчала, что привыкла считать безцѣннымъ все что получаю изъ рукъ Ея И. Величества. Онъ ушелъ съ этимъ комплиментомъ, очень веселый. Въ послѣдствіи онъ опять завелъ о томъ рѣчь, замѣтивъ, что я никогда не надѣваю этого прекраснаго ожерелья и еще менѣе жалкихъ серегъ; онъ говорилъ, чтобы я ихъ надѣла. Я отвѣчала, что на праздники Императрицы я привыкла надѣвать что есть у меня лучшаго, а именно потому не надѣваю этого ожерелья и этихъ серегъ. — Дня черезъ четыре или черезъ пять послѣ того какъ мнѣ принесли пожалованныя Императрицею деньги, кабинетъ секретарь баронъ Черкасовъ сталъ просить, чтобы я ради Бога дала ихъ въ займы кабинету, потому что Императрица спрашиваетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни полушки. Я отослала ему деньги; онъ ихъ возвратилъ мнѣ въ Генварѣ мѣсяцѣ. Великій князь, узнавъ, что я получила отъ Императрицы подарокъ, ужасно разсердился, отчего ему ничего не дали. Онъ съ горячностію говорилъ о томъ графу А. Шувалову; тотъ пересказалъ Императрицѣ, которая немедленно приказала выдать ему точно такую же сумму, какую получила я: для этого и занимали у меня деньги. Надо сказать правду, Шуваловы вообще были люди очень боязливаго свойства, и напугавши можно было дѣлать съ ними что угодно; но въ то время эти прекрасныя стороны характера еще не вполнѣ обнаружились.

Послѣ крестинъ моего сына, при дворѣ были праздники, балы, иллюминаціи и фейерверки; я же по прежнему оставалась въ постелѣ, въ страшной

скукѣ и страданіяхъ. Наконецъ выбрали семнадцатый день послѣ моихъ родинъ, чтобы разомъ сообщить мнѣ двѣ очень пріятныя новости: первое, что Сергѣя Салтыкова отправляютъ въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи моего сына; второе, что свадьба княжны Гагариной назначена на слѣдующую недѣлю. Это значило, попросту, что у меня скоро отнимутъ двухъ людей, которыхъ я наиболѣе любила изъ окружавшихъ меня. Я болѣе чѣмъ когда либо замкнулась въ своей комнатѣ, и то и дѣло плакала. Чтобъ не выходить, я сказала, что у меня возобновилась боль въ ногѣ и что не могу встать съ постели; но въ сущности я не могла и не хотѣла никого видѣть; потому что на душѣ было тяжело.

Во время моихъ родинъ великій князь тоже имѣлъ кручину; графъ А. Шуваловъ сказалъ ему, что прежній его егерь Баштейнъ, которому, нѣсколько лѣтъ назадъ, Императрица приказала жениться на моей прежней Камерфрейлинѣ Шенкъ, явился къ нему съ доносомъ на Брессана и говорилъ, что онъ, не знаю отъ кого-то, слышалъ, будто Брессанъ хотѣлъ чѣмъ то опоить великаго князя. Надо сказать, что этотъ Баштейнъ былъ большой плутъ и пьяница; онъ иногда участвовалъ въ попойкахъ великаго князя, и повздорившн съ Брессаномъ, который, какъ ему казалось, пользовался больше чѣмъ онъ милостью великаго князя, вздумалъ насолить ему этимъ доносомъ. Великій князь любилъ ихъ обоихъ. Баштейнъ ждалъ той же участи, но отдѣлался однимъ страхомъ. Баштейнъ потерпѣлъ изгнаніе и былъ сосланъ съ женою въ Гольштинію, а Брессанъ удержался на мѣстѣ, потому что онъ былъ для всѣхъ нуженъ, какъ шпіонъ. — Сергѣй

Салтыковъ, послѣ нѣкоторыхъ отсрочекъ, происходившихъ отъ того, что Императрица рѣдко и неохотно подписывала бумаги, отправился; тѣмъ временемъ княжна Гагарина вышла за мужъ въ назначенный срокъ.

Черезъ сорокъ дней послѣ родовъ, когда я должна была брать очистительныя молитвы, Императрица во второй разъ пришла ко мнѣ въ комнату. Чтобы принять ее, я встала съ постели; но она, видя мое истомленіе и слабость, позволила мнѣ сидѣть въ то время, какъ ея духовникъ читалъ молитвы. Въ комнату ко мнѣ принесли моего сына, котораго я тутъ въ первый разъ увидала послѣ его рожденія. Онъ мнѣ показался очень хорошъ, и видъ его нѣсколько развеселилъ меня; но какъ скоро молитвы были кончены, Императрица приказала тотчасъ унести его и сама ушла. — Первое Ноября, черезъ шесть недѣль послѣ родовъ, Императрица приказала мнѣ принять обычныя поздравленія. Для этого въ сосѣднюю съ моей комнату поставили богатѣйшую мебель; я сидѣла на розовой бархатной постели съ серебрянымъ шитьемъ, всѣ подходили и цѣловали мнѣ руку. Императрица также пришла и потомъ прямо отъ меня отправилась въ Зимній Дворецъ, куда намъ было велѣно слѣдовать за нею дня черезъ два или черезъ три. Тамъ насъ помѣстили въ комнатахъ, въ которыхъ жила моя матушка, и которыя собственно составляли часть дома Ягузинскаго и половину дома Рагузинскаго; въ другой половинѣ сего послѣдняго дома помѣщалась коллегія иностранныхъ дѣлъ. Зимній Дворецъ на большой площади въ то время еще строился.

Я переѣхала изъ Лѣтняго Дворца въ наше зимнее жилище съ твердою рѣшимостью не выхо-

дить изъ своей комнаты до тѣхъ поръ, пока не почувствую въ себѣ достаточно силъ для преодолѣнія моей ипохондріи. Я читала тогда исторію Германіи и всеобщую исторію Вольтера, послѣ чего въ эту зиму я прочитала столько Русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два огромныхъ тома Баронія, въ Русскомъ переводѣ. Потомъ мнѣ попался Духъ Законовъ Монтескьё, послѣ чего я прочла лѣтописи Тацита, произведшія странный переворотъ въ головѣ моей, къ чему, можетъ быть, не мало способствовало печальное расположеніе моего духа въ эту эпоху. Я начинала смотрѣть на вещи съ болѣе дурной стороны и отъискивать въ вещахъ, представлявшихся моему взору, причинъ болѣе глубокихъ и болѣе зависящихъ отъ различныхъ интересовъ. Я собралась съ силами, чтобы выдти на Рождество, и дѣйствительно пошла къ обѣднѣ; но въ самой церкви почувствовала во всемъ тѣлѣ боль и лихорадочную дрожь, такъ что должна была пойдти назадъ, раздѣться и лечь въ постель. Постель моя состояла изъ длиннаго кресла и находилась у заколоченной двери, сквозь которую повидимому вовсе не дуло, потому что дверь, кромѣ двойной суконной занавѣски, была заставлена большимъ экраномъ; но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что отъ этого происходили всѣ мои простудныя опухоли въ эту зиму. На другой день Рождества лихорадочный жаръ достигъ такой степени, что я не помнила себя; когда я закрывала глаза, мнѣ безпрестанно представлялись скверные рисунки кафельной печки, въ которую упиралось мое длинное кресло; комната была мала и тѣсна. Въ спальню свою я почти вовсе не входила, потому что она была очень холодна и обращена окнами

на востокъ и на сѣверъ, съ двухъ сторонъ на Неву. Вторая причина, выгонявшая меня изъ спальни, была близость комнатъ великаго князя, гдѣ во весь день и до поздняго вечера происходила постоянная возня въ родѣ той, какая бываетъ на гауптвахтахъ. Кромѣ того, какъ онъ, такъ и его приближенные чрезвычайно много курили, и оттуда несло сквернымъ табачнымъ запахомъ. Такимъ образомъ всю зиму я оставалась въ этой жалкой, тѣсной комнатѣ съ тремя дверьми, двумя окнами и однимъ простѣнкомъ, всего на всего въ 7 или 8 аршинъ длины и въ 4 ширины.

Такъ начался 1755-й годъ. Съ Рождества до поста, при дворѣ и въ городѣ происходили постоянныя празднества, все по случаю рожденія моего сына. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ давали обѣды, балы, маскарады, устроивали иллюминаціи и фейерверки, самые лучшіе, какіе было можно. Я подъ предлогомъ болѣзни не участвовала ни въ одномъ изъ этихъ увеселеній.

Къ концу масляницы Сергѣй Салтыковъ возвратился изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ графъ Бестужевъ присылалъ мнѣ извѣстія, которыя онъ получалъ о немъ и депеши тогдашняго Русскаго посланника въ Швеціи графа Панина. Мнѣ передавала эти бумаги Владиславова, получавшая ихъ отъ своего зятя, перваго чиновника при великомъ канцлерѣ; я отсылала ихъ тѣмъ же путемъ. Тутъ же я узнала, что какъ скоро Сергѣй Салтыковъ возвратится, положено было отправить его Русскимъ министромъ въ Гамбургъ, на мѣсто князя Александра Голицына, котораго перемѣщали въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моей печали. Когда

Сергѣй Салтыковъ возвратился, онъ прислалъ черезъ Льва Нарышкина спросить, не найду ли я средствъ увидѣться съ нимъ; я поговорила съ Владиславовой, и та согласилась на это свиданіе. Онъ долженъ былъ придти къ ней и отъ нея ко мнѣ; я ждала его до трехъ часовъ утра, но онъ не пришелъ; я смертельно мучилась, не зная, что могло помѣшать ему. На другой день я узнала, что графъ Воронцовъ увезъ его въ Франкмасонскую ложу, и онъ увѣрялъ, что не могъ оттуда выбраться, не возбудивъ подозрѣнія. Но распрашивая и вывѣдывая Льва Нарышкина, я увидала ясно какъ день, что онъ не пришелъ по небрежности и невниманію ко мнѣ; онъ не хотѣлъ оцѣнить моихъ страданій, и забылъ, что я такъ давно терплю ихъ единственно изъ привязанности къ нему. Самъ Левъ Нарышкинъ, хотя и другъ его, почти ничего не могъ представить ему въ оправданіе. Признаться, это меня очень оскорбило; я написала къ нему письмо, въ которомъ горько жаловалась на его поступки; онъ отвѣчалъ мнѣ и пришелъ ко мнѣ; ему не стоило труда меня успокоить, потому что я была склонна къ тому. Онъ убѣдилъ меня выдти въ публику; я послѣдовала его совѣту и вышла 10-го Февраля, въ день рожденія великаго князя, наканунѣ поста. Для этого дня у меня было приготовлено великолѣпное платье изъ голубаго бархата, шитое золотомъ. Въ моемъ уединеніи, послѣ многихъ и многихъ размышленій, я рѣшилась, на сколько будетъ отъ меня зависѣть, доказать тѣмъ, которые причинили мнѣ столько различныхъ огорченій, что меня не льзя оскорблять безнаказанно, и что со мною слѣдуетъ обращаться хорошо, если хотятъ склонить меня въ свою пользу и заслужить мое расположеніе. Въ слѣдствіе,

этаго, я не пропускала ни одного случая, когда могла, показать Шуваловымъ, какъ они мнѣ милы; я выражала имъ глубокое презрѣніе, я указывала другимъ на черноту ихъ сердецъ, на глупость ихъ головъ; вездѣ, гдѣ могла, я находила ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ сарказмами, которые потомъ распространились по городу и дѣлались потѣхою злыхъ языковъ; однимъ словомъ я мстила имъ всѣми средствами, какія могла выдумать: въ ихъ присутствіи я нарочно была внимательна съ тѣми, которыхъ они не любили. Такъ какъ у нихъ было много непріятелей, то это облегчало мнѣ дѣло; я болѣе чѣмъ когда либо ласкала графовъ Разумовскихъ, которыхъ впрочемъ всегда любила; я удвоила мое вниманіе и вѣжливость ко всѣмъ, исключая Шуваловыхъ; короче сказать, я шла твердымъ шагомъ, высоко подымала голову, и не только не казалась угнетенною и униженною, напротивъ какъ будто стояла во главѣ цѣлой, огромной партіи. Шуваловы смутились и не знали, на какой ногѣ плясать. Они держали между собою совѣтъ, и прибѣгли къ проискамъ и придворнымъ кознямъ. Въ это время появился въ Россіи нѣкто Брокторфъ, Гольштинскій дворянинъ, нѣкогда прогнанный отъ Русскихъ границъ тогдашними приближенными великаго князя, Брюммеромъ и Беркгольцомъ, которые знали его за интриганта и человѣка дурнаго характера. Его пріѣздъ былъ очень съ руки для Шуваловыхъ. Въ качествѣ Гольштинскаго камергера, Брокдорфъ имѣлъ право посѣщать великаго князя, который впрочемъ готовъ былъ ласково принимать всякаго чурбана, пріѣзжавшаго изъ Гольштиніи. Кромѣ того Брокдорфъ нашелъ доступъ къ графу Петру Шувалову, и вотъ ка-

кимъ образомъ. Онъ познакомился съ нимъ въ гостинницѣ, въ которой стоялъ съ нѣкіемъ Брауномъ, человѣкомъ, который шатался по Петербургскимъ трактирамъ и безпрестанно ходилъ къ тремъ довольно хорошенькимъ Нѣмкамъ, по имени Рейфенштейнъ. Одна изъ этихъ дѣвицъ жила на содержаніи у графа Петра Шувалова. Браунъ, бывшій нѣкотораго рода сводчикомъ по всякимъ дѣламъ, ввелъ Брокдорфа къ тремъ Нѣмкамъ, и тотъ познакомился тамъ съ гр. Петромъ Шуваловымъ. Сей послѣдній увѣрялъ его въ своей необыкновенной привязанности къ великому князю, и мало по малу сталъ жаловаться на меня. Брокдорфъ при первомъ же случаѣ обо всемъ донесъ великому князю, котораго убѣдили въ необходимости, по ихъ выраженію образумить супругу. Съ этою цѣлью Его Им. Высочество однажды послѣ обѣда явился ко мнѣ въ комнату и сталъ говорить, что я начинаю быть невыносимо горда, и что онъ съумѣетъ меня образумить. Я спрашивала, въ чемъ заключается моя гордость. Онъ отвѣчалъ, что я хожу черезъ чуръ прямо. Я спрашивала, развѣ для того, чтобы быть ему угодною, слѣдуетъ ходить согнувши спину, какъ рабы *великаго Могола. Онъ разсердился и сказалъ*, что онъ непремѣнно меня образумитъ. Какъ же? спросила я. Тогда онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, обнажилъ до половины шпагу и показалъ ее мнѣ. Я спросила его что это значитъ; если онъ вздумалъ со мною драться, то мнѣ тоже нужно имѣть шпагу. Тутъ онъ вложилъ полуобнаженную шпагу въ ножны, и сказалъ, что я сдѣлалась страшно зла. Въ чемъ же? — Да съ Шуваловыми, пробормоталъ онъ. На это я ему сказала, что долгъ платежемъ красенъ, и что

лучше ему не толковать о томъ, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ. Онъ началъ говорить: вотъ что значитъ не довѣряться истиннымъ друзьямъ своимъ, и выходитъ дурно. Еслибы вы довѣрились мнѣ, съ вами былобы все хорошо. Я ему сказала: да въ чемъ же довѣриться? Тогда онъ началъ городить такую околесицу, заносился такъ далеко, и слова его были до такой степени лишены самаго обыкновеннаго человѣческаго смысла, что я больше не прерывала его, а воспользовавшись благопріятною минутою, посовѣтовала ему идти спать, потому что видѣла ясно, что вино помутило ему разумъ и лишило послѣдняго смысла. Онъ послушался и ушелъ спать. Надо сказать, что уже въ то время, отъ него начала постоянно нести виномъ и табачнымъ запахомъ, такъ что буквально не было возможности стоять подлѣ него близко. Въ тотъ же вечеръ, когда я сидѣла за картами, графъ Александръ Шуваловъ пришелъ объявить мнѣ отъ имени Императрицы о послѣдовавшемъ запрещеніи дамамъ носить извѣстныя матеріи. Чтобъ показать ему, какъ мало на меня подѣйствовала сцена съ великимъ княземъ, я засмѣялась ему подъ носъ, и сказала, что ему вовсе не зачѣмъ сообщать мнѣ это запрещеніе, потому что я никогда не ношу матерій, которыя не нравятся Ея Величеству, и кромѣ того полагаю мое достоинство не въ красотѣ и не въ нарядахъ; что, когда первая проходитъ, вторыя становятся странны, и неизмѣннымъ остается только характеръ. Онъ выслушалъ это до конца, по своему обыкновенію помаргивая правымъ глазомъ, и ушелъ съ гримасою. Я стала его передразнивать, такъ что все наше общество расхохоталось. Нѣсколько дней спустя, великій князь сказалъ мнѣ, что хо-

четъ попросить денегъ у Императрицы для своихъ Гольштинскихъ дѣлъ, которыя съ каждымъ днемъ становились хуже, и что Брокдорфъ присовѣтовалъ ему это. Я видѣла ясно, что Шуваловы хотятъ приманить его на эту удочку, и спросила, нѣтъ ли средствъ поступить какъ нибудь иначе. Онъ отвѣчалъ, что покажетъ мнѣ то, что Гольштинцы представляли ему на этотъ счетъ, и дѣйствительно принесъ мнѣ бумаги; разсмотрѣвъ ихъ, я сказала, что мнѣ кажется, онъ могъ бы не просить милостыни у тетушки, которая очень вѣроятно ему откажетъ, такъ какъ не далѣе шести мѣсяцевъ онъ получилъ отъ нея сто тысячъ рублей. Но онъ остался при своемъ мнѣніи, я при своемъ. На повѣрку вышло, что его долго манили обѣщаніями, и ничего не дали.

Послѣ святой мы отправились въ Ораніенбаумъ. Передъ отъѣздомъ Императрица позволила мнѣ увидать моего сына, въ третій разъ послѣ его рожденія. Къ нему въ комнату надо было проходить черезъ всѣ покои Ея Величества. Его держали въ страшной духотѣ, какъ я уже говорила. Въ Ораніенбаумѣ мы были свидѣтелями оригинальнаго зрѣлища. Его Императорское Высочество, которому Гольштинцы безпрерывно твердили о долгахъ и которому всѣ совѣтовали отпустить домой этихъ безполезныхъ людей, тѣмъ болѣе что онъ могъ видать ихъ лишь тайно и урывками, вдругъ расхрабрился и вздумалъ выписать себѣ изъ Гольштиніи цѣлый отрядъ. Это были опять шутки негоднаго Брокдорфа, который льстилъ господствующей страсти своего государя. Шуваловыхъ онъ увѣрилъ, что глядя сквозь пальцы на эту дѣтскую забаву, они навсегда обезпечатъ себѣ расположеніе великаго князя, что они займутъ его

этимъ, и могутъ быть увѣрены, что онъ всегда будетъ доволенъ ихъ прочими распоряженіями. Императрица терпѣть не могла Гольштиніи и всего Гольштинскаго; она видѣла какъ подобныя военныя забавы повредили во мнѣніи Петра I и Русскаго общества отцу великаго князя, Герцогу Карлу Фридриху; и потому сначала, кажется, ей ничего не говорили о выпискѣ Гольштинскаго отряда, либо представляли это такою ничтожною вещью, о которой не стоило говорить. Впрочемъ одного присутствія графа Шувалова было достаточно, чтобы это дѣло не получало никакого важнаго значенія. Отплывъ изъ Киля, Гольштинскій отрядъ прибылъ въ Кронштадтъ, и за тѣмъ въ Ораніенбаумъ. Великій князь, бывало при Чоглоковѣ надѣвалъ Гольштинскій мундиръ только у себя въ комнатѣ, какъ бы украдкою; теперь же почти не носилъ другаго и снималъ его только въ куртаги; между тѣмъ онъ былъ подполковникомъ Преображенскаго полка, и кромѣ того имѣлъ свой кирасирскій полкъ въ Россіи. По совѣту Брокдорфа, онъ всячески старался скрывать отъ меня пріѣздъ этого войска. Признаюсь, когда я узнала о томъ, то не могла безъ ужаса представить себѣ, какое неблагопріятное для великаго князя впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ поступокъ на Русскую публику и на самую Императрицу, образъ мыслей которой былъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Мы стояли съ Александромъ Шуваловымъ на балконѣ въ Ораніенбаумѣ, когда проходилъ этотъ отрядъ. Шуваловъ только помаргивалъ глазомъ; въ сущности онъ не одобрялъ того, на что самъ и родственники его согласились смотрѣть сквозъ пальцы. Дворецъ въ Ораніенбаумѣ охранялся Ингерманландскимъ полкомъ,

который чередовался съ Астраханскимъ. Я узнала, что солдаты, глядя на Гольштинскія войска, говорили: Эти проклятые Нѣмцы всѣ проданы Прусскому Королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ. Вообще всѣ были озадачены появленіемъ Гольштинцевъ; самые преданные люди пожимали плечами, самые умѣренные находили это страннымъ; въ сущности оно было весьма неблагоразумное ребячество. Что касается до меня, то я молчала, а когда заговаривали со мною, то не скрывала своего мнѣнія: всѣ знали, что я вовсе не одобряю этихъ забавъ, что я считаю ихъ во всѣхъ отношеніяхъ вредными для благосостоянія великаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, разобравши дѣло, можно ли было иначе о немъ думать? Удовольствіе, которымъ онъ пользовался, никакъ не могло вознаградить его за ущербъ въ общественномъ уваженіи. Но его Императорское Высочество былъ въ восторгѣ отъ своего войска, велѣлъ устроить для него лагерь, расположилъ его въ немъ, и предался безпрерывнымъ упражненіямъ. Однако, войско надо было кормить, а объ этомъ вовсе не подумали. Начались споры съ Гофмаршаломъ, котораго очень удивило новое требованіе. Наконецъ онъ уступилъ, и придворные лакеи съ гвардейскими солдатами Ингерманландскаго полка должны были носить кушанья новоприбывшему войску изъ дворцовой кухни въ лагерь. Тѣ и другіе носили безъ всякой платы за трудъ; лагерь былъ довольно далеко отъ кухни; можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было производить это мудрое распоряженіе. Солдаты Ингерманландскаго полка говорили: Вотъ мы стали лакеями этихъ проклятыхъ Нѣмцевъ. Придворная прислуга говорила: Насъ

заставляютъ ухаживать за грубою сволочью. Узнавши и увидавши все это, я твердо рѣшилась держаться какъ можно дальше отъ этой вредной ребяческой игры. Семейные кавалеры нашего двора жили въ Ораніенбаумѣ съ женами; такимъ образомъ у меня было довольно большое общество; самымъ кавалерамъ нечего было дѣлать въ Гольштинскомъ лагерѣ, откуда Его Имп. Высочество почти не выходилъ. Такимъ образомъ я оставалась посреди моихъ придворныхъ, и безпрестанно ходила съ ними гулять, но всегда въ противоположную сторону; къ лагерю же мы не подходили ни близко ни издали.

Въ это время мнѣ пришла фантазія развести себѣ садъ въ Ораніенбаумѣ, но я знала, что великій князь не даетъ мнѣ для этого ни клочка земли, и потому попросила Князей Голицыныхъ продать или уступить мнѣ 100 десятинъ съ давнихъ поръ заброшенной и пустопорожней земли, которою они владѣли возлѣ самаго Ораніенбаума. Земля эта принадлежала восьми или десяти лицамъ изъ ихъ семьи, она не приносила имъ никакого дохода, и они охотно уступили мнѣ ее. Я принялась чертить планы и разбивать садъ, и такъ какъ въ первый разъ занималась планами и постройками, то все выходило у меня огромно, и неловко. Старый мой хирургъ Гіонъ по этому случаю говорилъ мнѣ: Къ чему все это? Помните мое слово, предсказываю Вамъ, что Вамъ придется все это оставить. Предсказаніе его сбылось; но мнѣ въ то время нужно было чѣмъ нибудь развлекаться и занимать воображеніе. Сначала, въ разбивкѣ сада мнѣ помогалъ Ораніенбаумскій садовникъ Ламберти, бывшій садовникомъ Императрицы въ Царскомъ селѣ, когда она была еще принцессою.

Онъ занимался предсказаніями и между прочимъ предсказалъ Императрицѣ Ея возшествіе на престолъ. Онъ же говорилъ мнѣ много разъ и повторялъ безпрестанно, что я буду Русскою Императрицею Самодержицею, что я увижу сыновей, внуковъ и правнуковъ, и умру въ глубокой старости, слишкомъ 80 лѣтъ; мало того, онъ назначилъ годъ моего возшествія на простолъ за шесть лѣтъ до событія. Это былъ очень странный человѣкъ; онъ говорилъ съ такою увѣренностью, что ничѣмъ нельзя было разбѣдить его. Онъ увѣрялъ, что Императрица не любитъ его за то что онъ предсказалъ случившееся съ нею; что она его боится, и по этой причинѣ перевела изъ Царскаго села въ Ораніенбаумъ.

Кажется, на Троицынъ день, намъ велѣно было уѣхать изъ Ораніенбаума назадъ въ городъ. Около этого времени прибылъ въ Россію Англійскій посланникъ кавалеръ *Вильямсъ*; въ свитѣ его находился Полякъ графъ Понятовскій, отецъ котораго нѣкогда держалъ сторону Короля Шведскаго Карла XII. Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, мы возвратились въ Ораніенбаумъ, гдѣ Императрица приказала отпраздновать Петровъ день. Сама она не пріѣхала, не желая праздновать первыя имянины моего сына Павла, приходившіяся въ этотъ же день. Оставшись въ Петергофѣ, она сѣла къ окну, и кажется, просидѣла такъ цѣлый день, потому что всѣ, проѣзжавшіе въ Ораніенбаумъ, говорили, что видѣли ее у окна. Къ намъ наѣхало много народу; въ залѣ, выходившей *въ мой садъ, танцовали и потомъ ужинали. Тутъ* были также посланники и иностранные министры. Помню, что за ужиномъ возлѣ меня сидѣлъ Англійскій посланникъ кавалеръ Вильямсъ, и что мы

вели съ нимъ очень живой и пріятный разговоръ, потому что онъ былъ уменъ, начитанъ и зналъ всю Европу. Послѣ мнѣ сказывали, что ему также было пріятно разговаривать со мною въ этотъ вечеръ, и что онъ отзывался обо мнѣ съ похвалою. Такъ *случалось* всегда, когда я встрѣчалась съ людьми, которые были со мною въ уровень. Въ то время у меня было меньше завистниковъ, и меня по большой части обыкновенно хвалили. Я слыла умницею, и многія лица, знавшіе меня ближе, чтили меня довѣріемъ, повѣрялись мнѣ, спрашивали моего совѣта, и съ пользою слѣдовали тому, что я совѣтовала имъ. *Великій* князь съ давнихъ поръ называлъ меня *Madame la Ressource*, и какъ бы ни дулся и не гнѣвался на меня, но какъ скоро въ чемъ бы то ни было былъ въ затруднительномъ положеніи, тотчасъ, по своему обыкновенію, опрометью, вбѣгалъ ко мнѣ, требовалъ моего *мнѣнія*, и выслушавши его, точно также опрометью убѣгалъ назадъ. Помню еще, что въ этотъ вечеръ, когда мы праздновали Петровъ день въ Ораніенбаумѣ, глядя на графа Понятовскаго, который танцовалъ, я заговорила съ кавалеромъ Вильямсомъ, объ отцѣ его и о томъ злѣ, которое онъ причинилъ Петру I-му. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то что я уже знала, именно, что старикъ Понятовскій и семья жены его, Чарторижскіе, въ то время, были главными представителями Русской партіи въ Польшѣ; что они послали молодаго графа въ Россію и поручили его Вильямсу для того, чтобы воспитать въ немъ доброе расположеніе къ Россіи. Я надѣюсь, замѣтилъ Вильямсъ, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлаетъ успѣхи-въ Россіи. Ему тогда могло быть

около 22 или 23 лѣтъ. Я отвѣчала, что по моему мнѣнію Россія можетъ служить для иностранцевъ пробнымъ камнемъ ихъ достоинствъ, и что кто успѣетъ въ Россіи, тотъ навѣрно можетъ разсчитывать на успѣхъ во всей Европѣ. Я всегда считала это замѣчаніе вполнѣ справедливымъ; потому что нигдѣ такъ не замѣчаютъ слабыхъ, смѣшныхъ и дурныхъ сторонъ иностранца какъ въ Россіи; иностранецъ можетъ быть увѣренъ, что ему ничего не простятъ, и это оттого, что всякій русскій отъ природы, въ глубинѣ души своей, чувствуетъ нѣкоторое отвращеніе къ иностранцу.

Около этого времени я узнала, до какой степени Сергѣй Салтыковъ не умѣрялъ поведенія своего въ Швеціи и Дрезденѣ; и что кромѣ того онъ не останавливался ни передъ одною женщиною, какая ему попадалась. Сначала я не хотѣла ничему этому вѣрить; но наконецъ со всѣхъ сторонъ ко мнѣ доходило одно и тоже, и даже друзья не въ состояніи были оправдать его. Въ этотъ годъ я особенно подружилась съ Анной Нарышкиной. Этому много способствовалъ братъ ея мужа Левъ, который бывалъ съ нами всегда третьимъ, и ни на минуту не прекращалъ своихъ дурачествъ. Онъ говаривалъ намъ: Кто изъ Васъ обѣихъ будетъ лучше вести себя, для той у меня готовится подарокъ, за который Вы поблагодарите меня. На слова его обыкновенно не обращали вниманія, и никто не любопытствовалъ узнать, что за подарокъ у него на умѣ.

Осенью Гольштинскіе войска поплыли назадъ, а мы возвратились въ городъ, въ Лѣтній Дворецъ. Въ это время Левъ Нарышкинъ заболѣлъ горячкою, и въ продолженіи болѣзни своей писалъ мнѣ записки; но я хорошо знала, что онѣ не всѣ отъ

него. Я посылала ему мои отвѣты. Въ запискахъ онъ обыкновенно просилъ у меня то варенія, то какихъ нибудь другихъ бездѣлицъ, и получивши, присылалъ записки съ изъявленіемъ благодарности. Записки эти были отлично писаны и въ очень веселомъ слогѣ. Онъ говорилъ, что онъ поручаетъ писать ихъ своему секретарю. Наконецъ я узнала, что этотъ секретарь никто иной какъ графъ Понятовскій, который не отходилъ прочь отъ Льва Нарышкина и дружился съ семьею Нарышкиныхъ.

Изъ Лѣтняго Дворца, въ началѣ зимы мы переѣхали въ деревянный выстроенный Императрицею зимній дворецъ, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Чичериныхъ. Дворецъ этотъ занималъ цѣлый кварталъ, до противулежащаго дома графини Матушкиной, который въ то время принадлежалъ Наумову. Окошки мои были напротивъ этого дома, гдѣ тогда жили фрейлины. Переѣхавши туда, я была сначала очень удивлена высотою и величиною отведенныхъ намъ комнатъ. На мою долю было четыре большихъ переднихъ комнатъ, и двѣ заднія съ кабинетомъ; столько же отведено было и великому князю. Мои комнаты были довольно хорошо расположены, такъ что можно было спасаться отъ сосѣдства великаго князя, что уже составляло великое удобство. Графъ Александръ Шуваловъ, замѣтивъ, что я довольна моимъ помѣщеніемъ, тотчасъ же пошелъ передать Императрицѣ, что я очень хвалила просторъ и количество отведенныхъ мнѣ комнатъ, и потомъ самъ сказывалъ мнѣ о томъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, выраженнымъ посредствомъ морганія и улыбки.

Въ это время и долго послѣ, главною городскою забавою великаго князя было чрезвычайное

множество маленькихъ куколокъ или солдатиковъ, деревянныхъ, свинцовыхъ, восковыхъ и изъ труту. Онъ разставлялъ ихъ на узенькихъ столахъ, которыми загромаживалъ цѣлую комнату, такъ что между столами едва можно было пройти. Вдоль столовъ прибиты были узкія мѣдныя рѣшетки, а къ нимъ привязаны шнурки, и если дернуть за шнурокъ, то мѣдная рѣшетка издавала звукъ, который по его мнѣнію походилъ на бѣглый ружейный огонь. Онъ съ чрезвычайною точностью, въ каждый придворный праздникъ, заставлялъ войска свои стрѣлять ружейнымъ огнемъ. Кромѣ того онъ ежедневно посылалъ ихъ на стражу, т. е. бралъ съ каждаго стола по нѣсколько солдатиковъ, назначенныхъ выстаивать извѣстные часы. На такомъ парадѣ онъ присутствовалъ въ мундирѣ, сапогахъ, шпорахъ, въ крагенѣ и съ шарфомъ; лакеи, которыхъ онъ удостоивалъ приглашеніемъ на эти экзерциціи, также были обязаны являться во всей формѣ. — Въ этотъ годъ, передъ наступленіемъ зимы, мнѣ показалось, что я опять беременна, и мнѣ отворяли кровь. У меня сдѣлался флюсъ въ обѣихъ щекахъ, или по крайней мѣрѣ я такъ воображала себѣ, но послѣ нѣсколькихъ дней боли у меня выпали четыре большіе зуба, съ каждой челюсти по два крайнихъ. Пользуясь нашимъ просторнымъ помѣщеніемъ, великій князь еженедѣльно устроивалъ балы и концерты, на которыхъ бывали только фрейлины и кавалеры нашего двора съ женами. На балахъ бывало весело, смотря потому, кто бывалъ на нихъ, многолюдными нельзя было назвать ихъ. Тутъ бывала семья Нарышкиныхъ, люди болѣе другихъ общительные. Я къ нимъ причислю Сенявину и Измайлову, которые были сестры

Нарышкиныхъ, и жену старшаго брата, о которой я упоминала выше. Левъ Нарышкинъ съ каждымъ днемъ больше дурачился. Всѣ считали его пустымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ. Обыкновенно онъ безпрестанно перебѣгалъ изъ комнатъ великаго князя ко мнѣ, нигдѣ не оставаясь по долгу. Подходя къ моимъ дверямъ, онъ начиналъ мяучить по кошачьи; если я ему отвѣчала, это значило, что онъ можетъ войти. 17 Декабря, между 6 и 7 часами вечера, я услышала у дверей его мяуканье, и впустила его. Онъ принесъ мнѣ поклонъ отъ своей невѣстки, говоря что она не очень здорова. Потомъ вдругъ сказалъ: Но Вамъ слѣдуетъ провѣдать ее. — Мнѣ самой хотѣлось бы этого — отвѣчала я — но Вы знаете, что я не могу выйдти изъ дому безъ позволенія, и мнѣ ни за что не позволять навѣстить ее. — Я васъ проведу — сказалъ онъ. Съ ума Вы сошли — возразила я. Какъ мнѣ идти съ Вами; Васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности. — И! сказалъ онъ, никто не узнаетъ; мы будемъ осторожны. — Какъ такъ? — Тогда онъ сказалъ: Я приду за Вами черезъ часъ, или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать (я съ давнихъ поръ оставалась эти часы у себя въ комнатѣ, подъ предлоголъ, что не ужинаю), и просидитъ за столомъ до полночи, напьется пьянъ и уйдетъ спать (послѣ родовъ моихъ онъ, по большей части, спалъ особо). Для большей предосторожности одѣньтесь по мужски, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитишнѣ. Его предложеніе начало соблазнять меня. Я цѣлые дни просиживала у себя въ комнатѣ за книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ чѣмъ дальше

спорила я съ нимъ объ этомъ похожденіи, въ сущности нелѣпымъ, и на которое сначала я не хотѣла согласиться, тѣмъ болѣе оно казалось мнѣ возможнымъ. Отчего, рѣшила я, не доставить себѣ нѣсколько часовъ развлеченія и удовольствія. Нарышкинъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера, и приказала принести мужское платье и все что нужно для мужскаго наряда, сказавши, что кому то хочу подарить его. Калмыкъ этотъ не отличался разговорчивостью; съ нимъ гораздо труднѣе было завести рѣчь, чѣмъ другихъ заставить молчать. Онъ въ ту же минуту исполнилъ мое приказаніе, и принесъ все что было мнѣ нужно. Я притворилась, что у меня болитъ голова, и сказала, что поэтому раньше лягу спать; только что Владиславова уложила меня и ушла, какъ я встала, одѣлась съ ногъ до головы по мужски и подобрала какъ можно лучше волосы (къ чему мнѣ было не привыкать, и что я ловко умѣла дѣлать.) Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ прошелъ комнатами великаго князя къ дверямъ моимъ и замяукалъ. Я отворила ему; мы прошли черезъ не большую прихожую комнату въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ незамѣченные не помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ своимъ. Мы застали дома Анну Никитишну, которая никакъ не ожидала насъ. Тамъ же былъ и графъ Понятовскій. Левъ Нарышкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ друзей своихъ, просилъ принять въ расположеніе, и мы провели полтора часа самымъ веселымъ и забавнымъ образомъ. Я преблагополучно возвратилась домой, по прежнему никѣмъ не замѣченная. На другой день было Императрицыно рожденіе; по утру при дворѣ и вечеромъ на балу

мы, участвовавшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не разразиться смѣхомъ при воспоминаніи о вчерашнемъ похожденіи. Черезъ нѣсколько дней Левъ Нарышкинъ предложилъ отдачу визита, т. е. чтобы гости собрались ко мнѣ; онъ точно также привелъ ихъ въ мою комнату, и потомъ благополучно вывелъ. Такъ начался 1756 годъ. Намъ чрезвычайно полюбились эти секретныя свиданія; мы стали еженедѣльно собираться по одному, по два и даже иногда по три раза, то у того, то другаго; если же кто изъ нашего общества занемогалъ, то непремѣнно у больнаго. Случалось, что сидя въ комедіи, по разнымъ ложамъ, и иные въ партерѣ, мы, не говоря ни слова, подавали другъ другу извѣстные условные знаки куда собираться, и никогда не путались. Два раза только мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки.

Въ то время готовились къ войнѣ съ Пруссіею. По договору съ Австрійскимъ домомъ Императрица должна была выслать на помощь 30 тысячь человѣкъ: такъ разсчитывалъ великій Канцлеръ графъ Бестужевъ. Но Австрійскій домъ желалъ, чтобы *Россія помогла ему всѣми своими войсками*. Чтобы добиться этого, Вѣнскій посланникъ графъ Эстергази, употреблялъ всѣ находившіяся во власти его средства, и часто дѣйствовалъ въ одно и то же время разными путями. Противниками Бестужева были Вицеканцлеръ графъ Воронцовъ и Шуваловы. Императрица Елизавета съ этого времени стала часто занемогать; сначала не знали, какая у нея болѣзнь, и приписывали ея нездоровье прекращенію мѣсячныхъ очищеній. Часто замѣчали, что Шуваловы ходятъ весьма огорченные и озабоченные,

и что отъ времени до времени они становятся необыкновенно предупредительны съ великомъ княземъ. Придворные шушукали между собою, увѣряя, что Ея Величество въ положеніи не сравненно опаснѣйшемъ, нежели говорятъ о томъ; одни называли ея болѣзнь истерическими припадками, другіе обмороками, третьи корчами, раздраженіемъ нервовъ, и т. д. Это продолжалось всю зиму съ 1755 на 1755 годъ. Наконецъ весною мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ ѣдетъ командовать арміею, которой велѣно было идти на Пруссію. Передъ отъѣздомъ явилась къ намъ съ младшею дочерью своею, жена его проститься. Я сообщила ей мои опасенія на счетъ здоровья Императрицы и сказала между прочимъ, что мнѣ жаль ея мужа, что онъ уѣзжаетъ въ такое время, когда сила Шуваловыхъ не слишкомъ надёжна, что я считаю Шуваловыхъ первыми моими врагами, которые терпѣть не могутъ меня за то, что я предпочитаю имъ ихъ противниковъ, именно графовъ Разумовскихъ. Апраксина все это пересказала мужу, и тотъ былъ очень доволенъ моимъ отзывомъ, равно и графъ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и былъ хорошъ съ Разумовскими (на одной изъ ихъ племянницъ онъ женилъ своего сына). Фельдмаршалъ Апраксинъ могъ служить полезнымъ посредникомъ между противными партіями, ибо дочь его была въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Говорили, будто она сдѣлалась его любовницею съ вѣдома отца и матери. Кромѣ того я хорошо понимала и видѣла ясно какъ день, что Шуваловъ черезъ Брокдорфа болѣе чѣмъ когда либо старался отдалить отъ меня великаго князя; для этого они употребляли всѣ возможныя средства. Но не

смотря на то, великій князь тогда еще имѣлъ ко мнѣ невольное довѣріе, которое, необъяснимымъ образомъ, почти всегда сохранялось въ немъ, хотя онъ самъ не замѣчалъ и не подозрѣвалъ того. Въ это время онъ поссорился съ графинею Воронцовою и влюбился въ дѣвицу Теплову, племянницу Разумовскихъ: Ему хотѣлось видѣть ее, и онъ совѣтывался со мною, какъ убрать комнату, чтобы она лучше ей понравилась, и для того притащилъ множество ружей, гренадерскихъ киверовъ, перевязей и проч. такъ что комната походила на арсеналъ. Все это онъ показывалъ мнѣ, я ничего не сказала на это, и ушла. Кромѣ того, по вечерамъ къ нему приводили маленькую Нѣмку, пѣвицу, которую онъ содержалъ и которую звали Леонорой; она обязана была съ нимъ ужинать. Съ графиней Воронцовой его поссорила Принцесса Курляндская. Я по истинѣ не умѣю себѣ объяснить, по какой причинѣ эта Принцесса пользовалась въ то время при дворѣ извѣстнымъ значеніемъ. Ей тогда было около 30 лѣтъ, она была мала ростомъ, дурнолица, горбата, какъ я говорила выше. Она съумѣла войти въ расположеніе къ Императрицыну духовнику и къ старымъ камерфрау Ея Величества, и ей все прощалось что бы она ни дѣдала. Она жила съ фрейлинами Ея Величества, состоявшими подъ ферулою нѣкоей мадамъ Шмидтъ.

Эта мадамъ Шмидтъ была родомъ Чухонка, отличалась необыкновенною толстотою и массивностью, съ повелительными манерами, съ очень грубымъ и мужицкимъ тономъ, оставшимся ей отъ ея молодости. Тѣмъ не менѣе она играла при дворѣ извѣстную роль и находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ Нѣмокъ

и Шведокъ, Императрицыныхъ Камерфрау; а слѣдовательно и гофмаршала Сиверса, который самъ былъ родомъ изъ Финляндіи и женатъ былъ на дочери мадамъ Крузе; а сестра сей послѣдней, какъ я уже говорила, была одною изъ первыхъ любимицъ. Мадамъ Шмидтъ надзирала за домашнею жизнію фрейлинъ и обращалась съ ними болѣе строго, чѣмъ благоразумно. Сама она никогда не являлась ко двору; въ публикѣ, во главѣ фрейлинъ бывала принцесса Курляндская, которой мадамъ Шмидтъ тайно поручала смотрѣть за ихъ поведеніемъ при дворѣ. Отдѣленіе, въ которомъ онѣ помѣщались, состояло изъ ряда комнатъ; на одномъ концѣ жила мадамъ Шмидтъ, на другомъ принцесса Курляндская. Фрейлины жили по двѣ, по три и по четыре въ комнатѣ, у каждой своя постель съ занавѣсью; особыхъ выходовъ не было. Съ перваго взгляда казалось, что при такомъ расположеніи комнатъ Фрейлины рѣшительно недоступны, потому что непремѣнно надо было проходить комнатами либо мадамъ Шмидтъ, либо принцессы Курляндской; но мадамъ Шмидтъ часто бывала больна разстройствомъ желудка отъ всѣхъ этихъ жирныхъ пироговъ и другихъ лакомыхъ блюдъ, которыя ей присылались родителями Фрейлинъ, и такимъ образомъ оставался одинъ выходъ — комната принцессы Курляндской. Злые языки говорили, что она взимала плату за проходъ; можетъ быть это выдумка, но вѣрно то, что принцесса Курляндская въ теченіи многихъ лѣтъ совершенно по своему усмотрѣнію распоряжалась замужствомъ Императрицыныхъ Фрейлинъ, давала за нихъ слово и потомъ брала назадъ, какъ ей хотѣлось. О платежѣ за проходъ разсказывали мнѣ многіе, въ томъ числѣ Левъ Нарышкинъ и

графъ Бутурлинъ, что съ нихъ она брала плату, но не деньгами.

Любовныя похожденія великаго князя съ дѣвицею Тепловою продолжались до отъѣзда нашего въ деревню; тамъ они прекратились потому что лѣтомъ Его Высочество былъ невыносимъ. Не видя его, Теплова требовала, чтобы онъ писалъ къ ней по крайней мѣрѣ разъ или два въ недѣлю, и думая заохотить его къ такой перепискѣ, прислала ему письмо въ четыре страницы. Получивъ его, онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату съ весьма озабоченнымъ видомъ, и указывая на письмо Тепловой, бывшее у него въ рукахъ, сказалъ довольно гнѣвно и нетерпѣливо: Представьте, она прислала мнѣ письмо на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, и воображаетъ, что я стану читать все это, да еще писать ей отвѣтъ, между тѣмъ какъ мнѣ надо идти на ученье (Гольштинскія войска снова прибыли), потомъ обѣдать, потомъ стрѣлять, потомъ смотрѣть репетицію оперы и балетъ, который будутъ танцовать кадеты; я ей пошлю сказать на чисто, что у меня нѣтъ времени; если она разсердится, я брошу ее до зимы. Я отвѣчала, что безъ сомнѣнія это будетъ кратчайшій путь. Неправда ли, что все это черты характеристическія? Я поэтому нарочно и привожу ихъ здѣсь. Кадеты очутились въ Ораніенбаумѣ слѣдующимъ образомъ. Весною 1756 года, чтобы отвлечь великаго князя отъ Гольштинскихъ войскъ Шуваловы придумали по ихъ мнѣнію весьма политическую мѣру. Они убѣдили Императрицу поручить Его И. Высочеству начальство надъ сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ, единственнымъ въ то время заведеніемъ этого рода. Въ помощники ему по этой должности былъ опредѣ-

ленъ Мельгуновъ, ближайшій другъ и повѣренный тайнъ Ивана Ивановича Шувалова. Жена Мельгунова, Нѣмка, была камерфрейлина и одна изъ любимицъ Императрицы. Такимъ образомъ Шуваловы имѣли въ комнатахъ великаго князя человѣка, который всегда могъ говорить съ нимъ и былъ совершенно преданъ имъ. Человѣкъ со ста кадетъ были привезены въ Ораніенбаумъ, для такъ называемыхъ оперныхъ балетовъ. Съ ними пріѣхалъ и Мельгуновъ и преданнѣйшіе ему корпусные офицеры. Всѣми ими Шуваловы могли пользоваться какъ соглядатаями. Въ числѣ учителей, пріѣхавшихъ съ кадетами въ Ораніенбаумъ, былъ рейтмейстеръ Циммерманъ, слывшій за лучшаго верховаго ѣздока во всей Россіи. Такъ какъ моя осенняя беременность оказалась ложною, то я вздумала брать уроки у Циммермана, чтобы усовершенствоваться въ верховой ѣздѣ. Я сказала о томъ великому князю; онъ не представилъ никакихъ возраженій; всѣ прежнія запрещенія и правила, введенныя Чоглоковыми, были давно забыты. Александръ Шуваловъ либо не зналъ ихъ, либо не соблюдалъ. Впрочемъ и самъ по себѣ онъ не пользовался уваженіемъ; мы смѣялись надъ нимъ, надъ его женою, дочерью, зятемъ почти въ глаза имъ. Они должны были выносить насмѣшки, потому что были самые ничтожные, самые, дрянные люди. Графиню Шувалову я прозвала солянымъ столбомъ. Она была сухощавое, маленькое, низенькое существо. Скупость проглядывала даже въ ея нарядѣ, она носила узкія юпки, всегда однимъ полотнищемъ меньше чѣмъ было нужно, и чѣмъ у другихъ женщинъ. Дочь ея, графиня Головкина, наряжалась точно также; въ ихъ головномъ уборѣ, въ дрянныхъ нарукавни-

кахъ, всегда чего нибудь недоставало. Хотя они были очень достаточные и богатые люди, но соотвѣтственно своимъ душенкамъ, любили все мелкое и узкое. *Начавши правильные уроки верховой* ѣзды, я снова пристрастилась къ этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по мужски и шла въ садъ свой; тамъ у меня было устроено особое мѣсто на чистомъ воздухѣ, служившее мнѣ манежемъ. Успѣхи мои были такъ быстры, что часто Циммерманъ подбѣгалъ ко мнѣ изъ середины манежа, и въ какомъ то невольномъ восторгѣ со слезами на глазахъ, цаловалъ у *меня сапогъ. Однажды онъ воскликнулъ*: Во всю жизнь у меня не было ученика, которымъ бы я могъ такъ гордиться, и который бы дѣлалъ такіе успѣхи въ такое короткое время! — На этихъ урокахъ присутствовали только старый хирургъ мой Гіонъ, одна камерфрау и нѣсколько человѣкъ лакеевъ. Я была очень прилежна и брала эти уроки каждое утро кромѣ Воскресенья; и по правиламъ манежа, Циммерманъ, въ награду трудовъ моихъ подарилъ мнѣ серебрянные шпоры. Въ три недѣли я прошла весь курсъ верховой ѣзды, и къ осени Циммерманъ привелъ лошадь для вольтижированья, и за тѣмъ хотѣлъ дать мнѣ стремена; но на канунѣ того дня, когда я должна была начать вольтижированіе, пришлось отложить его до слѣдующей весны, потому что намъ приказано было ѣхать въ городъ.

Этимъ лѣтомъ графъ Понятовскій ѣздилъ въ Польшу, откуда потомъ возвратился въ качествѣ министра Польскаго Короля. Передъ отъѣздомъ онъ пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ проститься съ нами. Съ нимъ былъ тогда графъ Горнъ, привезшій въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ моей

бабушки, матери Шведскаго Короля. Шведскій Король нарочно далъ ему это порученіе, чтобы спасти его отъ преслѣдованія Французской партіи, или партіи шапокъ враждовавшей съ партіею колпаковъ, которая была привержена къ Россіи. Преслѣдованіе это на сеймѣ 1756 года достигло такихъ размѣровъ, что почти всѣ представители Русской партіи были перебиты. Графъ Горнъ самъ говорилъ мнѣ, что и ему не избѣжать бы этой участи, если бы онъ не пріѣхалъ въ Петербургъ. Графъ Понятовскій и графъ Горнъ оставались въ Ораніенбаумѣ двое сутокъ; въ первый *день великій князь обращался съ ними очень хорошо*, на второй они ему наскучили, потому что онъ тогда занятъ былъ свадьбою одного егеря, и ему хотѣлось идти туда на попойку; видя же, что графы Понятовскій и Горнъ не уѣзжаютъ, онъ бросилъ ихъ и предоставилъ мнѣ хозяйничать въ домѣ. Послѣ обѣда я повела оставшееся мнѣ общество, которое было не очень многолюдно, показать внутренніе покои великаго князя и мои. Когда мы пришли въ мой кабинетъ, моя маленькая болонка выбѣжала къ намъ на встрѣчу, и принялась изо всѣхъ силъ лаять на графа Горна; но увидавъ графа Понятовскаго, можно сказать, *чуть не взбѣсилась отъ радости.* Такъ какъ кабинетъ былъ не великъ, то кромѣ Льва Нарышкина, его невѣстки и меня, казалось, никто не замѣтилъ этого; но графъ Горнъ догадался въ чемъ дѣло, и когда я проходила черезъ комнаты назадъ въ залу, онъ дернулъ за полу графа Понятовскаго и сказалъ ему: „Другъ мой, нѣтъ ничего опаснѣе на свѣтѣ маленькой болонки; женщинамъ, которыхъ я любилъ, я всегда даровалъ прежде всего маленькую болонку, и черезъ нее

всегда узнавалъ, есть или нѣтъ у меня соперникъ; это вѣрное и надежное правило. Вы видѣли, собачка чуть не съѣла меня, потому что она меня не знаетъ, между тѣмъ какъ увидавъ васъ, она не знала куда дѣваться отъ радости; нѣтъ сомнѣнія, что вы попались ей на глаза не въ первый разъ.“ Графъ Понятовскій хотѣлъ все это обратить въ шутку, но не могъ его разувѣрить. Графъ Горнъ просто сказалъ ему: „Не бойтесь ничего, я человѣкъ скромный.“ На утро они уѣхали. Графъ Горнъ говаривалъ, что если онъ влюблялся, то всегда въ трехъ женщинъ разомъ. Онъ исполнилъ это на нашихъ глазахъ, и въ Петербургѣ ухаживалъ за тремя дѣвушками. Черезъ два дня послѣ того Понятовскій уѣхалъ къ себѣ на родину. Во время его отсутствія кавалеръ Вильямсъ увѣдомилъ меня черезъ Льва Нарышкина, что великій Канцлеръ Бестужевъ противодѣйствуетъ возвращенію Гр. Понятовскаго и проситъ его написать Графу Брюлю, бывшему тогда любимцемъ и министромъ Короля Польскаго, чтобы тотъ не посылалъ Понятовскаго въ Россію. Вильямсъ не исполнилъ этой коммиссіи, но не сказалъ о томъ великому Канцлеру, боясь, чтобы тотъ не поручилъ ее кому нибудь другому, кто, можетъ быть исполнилъ бы ее съ большею точностію. Вильямсъ говорилъ Нарышкину, что не хотѣлъ вредить своему другу, желавшему непремѣнно возвратиться въ Россію. Онъ подозрѣвалъ, что графъ Бестужевъ съ давнихъ поръ распоряжается Польско-Саксонскими министрами, и хочетъ имѣть на этомъ мѣстѣ кого нибудь изъ преданныхъ себѣ людей. Тѣмъ не менѣе Понятовскій получилъ его и къ зимѣ возвратился въ качествѣ Польскаго посланника; Саксонская же миссія осталась въ

непосредственномъ распоряженіи графа Бестужева. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Ораніенбаума, туда пріѣхали князь и княгиня Голицыны вмѣстѣ съ Бецкимъ; они отправлялись въ чужіе края для здоровья; въ особенности же Бецкому нужно было разгуляться послѣ глубокой горести, причиненной ему кончиною принцессы Гессенъ-Гамбургской, урожденной княгини Трубецкой: княгиня Голицына была ея дочь отъ перваго брака съ Господаремъ Волошскимъ, княземъ Кантеміромъ. Княгиня Голицына и Бецкій были старые мои знакомые, потому я старалась принять ихъ въ Ораніенбаумѣ какъ можно лучше и все имъ показывала. Мы ѣздили по окрестностьямъ Ораніенбаума, и я возила княгиню Голицыну въ кабріолетѣ, которымъ сама правила. Княгиня Голицына была женщина довольно странная и очень ограниченная; дорогою она начала дѣлать мнѣ намеки, изъ которыхъ я должна была заключить, что она думаетъ, будто я на нее сержусь. Я говорила, что я противъ нея вовсе ничего не имѣю и даже не понимаю, за что бы я могла на нее сердиться, такъ какъ у насъ никогда не было никакихъ споровъ. Я боюсь, отвѣчала она, что графъ Понятовскій очернилъ меня въ глазахъ вашихъ. Это меня чрезвычайно озадачило; я принялась увѣрять ее, что все это ей только такъ кажется, и что графъ Понятовскій никакъ не могъ чернить ее, и особливо въ моихъ глазахъ, потому что онъ давно уѣхалъ, я же встрѣчалась съ нимъ только въ обществѣ, какъ съ иностранцемъ. Я прибавила, что не понимаю, откуда пришло ей все это въ голову. Возвратившись домой, я позвала Льва Нарышкина и передала ему этотъ разговоръ, который мнѣ казался стольже нескром-

нымъ и дерзкимъ, какъ и глупымъ. Тотъ на это сказалъ мнѣ, что въ теченіе послѣдней зимы княгиня Голицына всѣми мѣрами старалась привлечь къ себѣ графа Понятовскаго, который изъ вѣжливости и приличія долженъ былъ оказывать ей нѣкоторое вниманіе, что она была съ нимъ необыкновенно предупредительна, но онъ съ своей стороны, разумѣется, не могъ платить ей тѣмъ же, потому что она была стара, дурна, глупа и вздорна, можно сказать даже взбалмошна. Видя, что онъ вовсе не отвѣчаетъ ея желаніямъ, она повсему вѣроятію стала подозрѣвать, изъ за какихъ причинъ онъ безпрестанно бываетъ у Нарышкиныхъ и проводитъ время со Львомъ и его невѣсткой. — Во время короткаго пребыванія княгини Голицыной въ Ораніенбаумѣ, у меня была страшная перебранка съ великомъ княземъ изъ за моихъ фрейлинъ, въ которыхъ онъ безпрестанно влюблялся. Замѣтивъ, что онѣ во многихъ случаяхъ пренебрегаютъ свои обязанности, иногда даже не оказываютъ мнѣ должнаго повиновенія и почтенія, я однажды послѣ обѣда пошла въ ихъ отдѣленіе и стала дѣлать имъ выговоры, напоминая имъ долгъ ихъ относительно меня, и увѣряя, что пожалуюсь Императрицѣ, если они впередъ будутъ вести себя такъ. Однѣ всполошились, другія обидѣлись, третьи стали плакать; но только что я ушла, онѣ немедленно пересказали великому князю о томъ что происходило въ ихъ комнатахъ. Его И. Высочество взбѣленился, тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ и началъ говорить, что больше нѣтъ никакихъ средствъ жить со мной, что я съ каждымъ днемъ становлюсь болѣе горда и высокомѣрна, что я требую отъ фрейлинъ повиновенія и почтенія и отравляю имъ жизнь, такъ что онѣ

цѣлый день проливаютъ горькія слезы; что я обращаюсь съ ними какъ съ служанками, между тѣмъ какъ онѣ благороднаго сословія; что если я вздумаю жаловаться на нихъ Императрицѣ, то онъ самъ пожалуется на меня, на мою гордость, на мое коварство, на мою притязательность, и Богъ знаетъ чего еще не наговорилъ онъ мнѣ. Я выслушала его также не безъ волненія, и отвѣчала, что онъ можетъ говорить обо мнѣ что ему угодно, что если дѣло дойдетъ до тетушки, то она безъ сомнѣнія найдетъ наилучшимъ прогнать дрянныхъ сплетницъ, которыя своими пересказами ссорятъ ея племянника съ племянницей; что для возстановленія согласія между имъ и мною, и чтобы ей больше не надоѣдали подобными жалобами — Ея Величество выберетъ именно этотъ путь, и что дѣло кончится непремѣнно ссылкою фрейлинъ. Тутъ онъ присмирѣлъ; онъ былъ очень подозрителенъ; ему показалось, что я знаю намѣренія Императрицы относительно фрейлинъ больше чѣмъ показываю, и что онѣ въ самомъ дѣлѣ могутъ быть изъ за это сосланы. Скажите, пожалуйста, сталъ говорить онъ, развѣ вы знаете что нибудь объ этомъ? развѣ объ этомъ уже говорили? Я отвѣчала, что если дѣло дойдетъ до того, что надо, будетъ довести его до свѣденія Императрицы, то я не сомнѣваюсь, что она покончитъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тогда онъ задумался, началъ ходить по комнатѣ большими шагами, совсѣмъ притихъ, почти пересталъ на меня дуться и потомъ ушелъ. Въ тотъ же вечеръ я призвала одну изъ фрейлинъ, которая мнѣ казалась умнѣе другихъ, и передала ей, какую сцену я имѣла, благодаря ихъ неблагоразумнымъ переносамъ; съ этихъ поръ онѣ стали осторожнѣе и уже не при-

бѣгали къ крайнимъ мѣрамъ, боясь, чтобы самимъ не попасть въ бѣду.

Осенью мы возвратились въ городъ. Вскорѣ за тѣмъ кавалеръ Вильямсъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Англію. Онъ не достигъ своей цѣли въ Россіи. На другой же день послѣ своего представленія Императрицѣ, онъ *предложилъ заключить* союзъ между Россіей и Англіей; графъ Бестужевъ получилъ соизволеніе и полномочіе на этотъ договоръ; дѣйствительно договоръ былъ подписанъ великимъ канцлеромъ, и посланникъ не могъ нарадоваться своему успѣху, какъ на другой день графъ Бестужевъ прислалъ ему ноту, въ которой *извѣщалъ*, что *Россія присоединяется къ конвенціи*, заключенной въ Версали между Австріей и Франціею. Это было громовымъ ударомъ для Англійскаго посланника, который такимъ образомъ, какъ казалось, былъ проведенъ и обманутъ въ этомъ дѣлѣ великимъ канцлеромъ; но дѣло въ томъ, что самъ графъ Бестужевъ былъ не властенъ въ своихъ поступкахъ; его непріятели начинали брать надъ нимъ верхъ; они интриговали, или лучше сказать, подчинялись интригамъ, имѣвшимъ цѣлью увлечь ихъ во Французско-австрійскую партію, къ которой впрочемъ и сами они были склонны; Шуваловы, и особливо Иванъ Ивановичъ, до безумія любили Францію и все Французское. Имъ помогалъ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, получившій за эту услугу отъ Людовика XV мебелей для дома, который онъ тогда выстроилъ въ Петербургѣ; это были старыя мебели, которыя начинали надоѣдать маркизѣ Помпадуръ; она съ барышомъ продала ихъ королю, своему любовнику. Вице-канцлеръ кромѣ выгоды имѣлъ еще другое побужденіе, именно ослабить

кредитъ непріятеля своего графа Бестужева и перепродать его мѣсто Петру Шувалову; ему хотѣлось захватить въ свои руки всю торговлю Русскимъ табакомъ для того, чтобы продавать его во Францію.

Къ концу этого года гр. Понятовскій возвратился въ Петербургъ министромъ Польскаго Короля. Зимою съ 1756 на 1757 годъ мы вели точно такой же образъ жизни какъ и прошедшую зиму: тѣже балы, тѣже концерты, тѣже сходки. По возвращеніи нашемъ въ городъ, гдѣ я могла ближе видѣть вещи, я стала замѣчать, что интригантъ Брокдорфъ началъ очень вкрадываться въ расположеніе великаго князя; въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ себѣ довольно много помощниковъ въ Гольштинскихъ офицерахъ, которыхъ, по его внушенію, великій князь оставилъ на эту зиму въ Петербургѣ. Число ихъ простиралось по крайней мѣрѣ до двадцати человѣкъ, не считая въ томъ числѣ еще нѣсколько Гольштинскихъ солдатъ. Офицеры постоянно были у великаго князя, а солдаты служили у него въ комнатѣ камерлакеями, на побѣгушкахъ, и употреблялись на всякаго рода послуги; въ сущности все это были соглядатаи, разставленные господами Брокдорфомъ и Ко. Въ эту зиму я выжидала благопріятной минуты, чтобы серьёзно поговорить съ великимъ княземъ и откровенно высказать ему мои мысли о людяхъ, которые его окружали, и о проискахъ, которые я замѣчала. Случай представился, и я не пропустила его. Самъ великій князь однажды пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ сказать, что его убѣждаютъ употребить мѣру, будто бы неизбѣжную, и послать въ Гольштинію секретную бумагу съ приказомъ взять подъ стражу Елендсгейма.

Этотъ Елендсгеймъ былъ мѣщанскаго происхожденія, но своими свѣдѣніями и способностями достигъ значительнаго мѣста, пріобрѣлъ большое значеніе и былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ Гольштиніи. Я спросила великаго князя, какія на него есть жалобы, и что онъ такое сдѣлалъ, за что слѣдуетъ арестовать его. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: видите, говорятъ, что его подозрѣваютъ въ лихоимствѣ. Кто же обвинители? спросила я. — О! обвинителей нѣтъ, сказалъ онъ съ большою увѣренностію, ибо въ Гольштиніи всѣ его боятся и уважаютъ; по этому и слѣдуетъ взять его подъ стражу; меня увѣряютъ, что какъ скоро я прикажу его арестовать, обвинителей найдется множество. Меня ужаснули эти слова, и я отвѣчала „если поступать такимъ образомъ, то въ мірѣ не найдется невиннаго человѣка; стоитъ только какому нибудь завистнику распустить въ публикѣ какой вздумается пустой слухъ; сказавши что обвиненія и преступленія найдутся послѣ, можно арестовать кого угодно; *эдакъ дѣлаютъ варвары мой другъ* какъ говорится въ пѣснѣ (c'est à la façon de Barbarie, mon ami); вамъ совѣтуютъ поступить вопреки вашей славѣ и вопреки вашему чувству справедливости. Кто даетъ вамъ такіе дурные совѣты? позвольте мнѣ васъ спросить объ этомъ.“ Мой великій князь нѣсколько смутился этимъ вопросомъ и сказалъ: вы всегда хотите быть умнѣе другихъ. Тогда я ему отвѣчала, что говорю вовсе не для того, чтобы блеснуть умомъ своимъ, но потому что ненавижу неправду и думаю, что онъ ни какимъ образомъ не захочетъ добровольно сдѣлать неправду. Тутъ онъ принялся ходить по комнатѣ большими шагами, и потомъ вышелъ, болѣе волнуясь нежели сердясь на меня.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и сказалъ: подите ко мнѣ; Брокдорфъ разскажетъ вамъ дѣло Елендсгейма; Вы увидите сами и убѣдитесь, что я долженъ его арестовать. — Я отвѣчала: очень рада, пойду къ вамъ, и коли вамъ угодно, выслушаю, что онъ будетъ говорить вамъ. Дѣйствительно, я нашла Брокдорфа въ комнатѣ великаго князя, который сказалъ ему: Говорите съ великой княгиней. Брокдорфъ нѣсколько смутился, поклонился великому князю и сказалъ ему: по приказанію Вашего Высочества я буду говорить съ великою княгинею. Тутъ онъ сдѣлалъ паузу и потомъ сказалъ: это дѣло такого свойства, что его надо вести съ великой тайною и благоразуміемъ. Я слушала. Вся Гольштинская земля наполнена расказами о мздоимствѣ и притѣсненіяхъ Елендсгейма. Правда, что обвинителей нѣтъ, потому что всѣ его боятся; но когда онъ будетъ подъ арестомъ, то обвинителей можно найти сколько угодно. Я спросила его, въ чемъ именно заключаются эти притѣсненія и взятки, и увидала, что утайки денегъ даже и не могло быть, потому что деньги великаго князя были не у него въ рукахъ; мздоимствомъ же называли то, что во всякомъ судебномъ дѣлѣ, одна изъ тяжущихся сторонъ, обыкновенно жаловалась на несправедливость и говорила, будто противная сторона выиграла дѣло подкупивъ судей; а Елендсгеймъ завѣдывалъ судебнымъ департаментомъ. Впрочемъ Брокдорфъ могъ сколько ему угодно блистать краснорѣчіемъ и познаніями, онъ не убѣдилъ меня, и я продолжала въ присутствіи великаго князя утверждать, что Его Высочество сдѣлаетъ вопіющую несправедливость, послушавшись своихъ совѣтниковъ и пославъ приказаніе арестовать чело-

вѣка, противъ котораго не было ни формальной жалобы, ни формальнаго обвиненія. Я говорила Брокдорфу, что такимъ манеромъ великій князь можетъ во всякую минуту приказать его запереть въ сундукъ, сказавши, что вина и обвиненія найдутся послѣ, и что въ судебныхъ дѣлахъ вовсе неудивительно, если проигравшій дѣло жалуется и говоритъ, что съ нимъ поступили несправедливо. Я прибавила къ этому, что великій князь болѣе чѣмъ кто либо долженъ соблюдать осторожность въ подобныхъ случаяхъ, потому что горькій опытъ показалъ ему, до чего могутъ довести взаимное преслѣдованіе и ненависть партій; не дальше какъ два, или много три года тому назадъ, по моему ходатайству, Его Высочество приказалъ даровать свободу Гольмеру, котораго, лѣтъ шесть или восемь, держалъ въ заточеніи, требуя отъ него отчета въ дѣлахъ, совершавшихся въ Гольштиніи во время малолѣтства великаго князя, и когда Гольштиніею правилъ опекунъ его, наслѣдный принцъ Шведскій. Гольмеръ, состоявшій при семъ послѣднемъ, уѣхалъ за нимъ въ Швецію и возвратился оттуда уже въ то время, когда великій князь подписалъ и выслалъ бумагу, въ которой формально одобрялъ все сдѣланное во время его малолѣтства; но тѣмъ не менѣе, его убѣдили арестовать Гольмера и назначить комиссію для разбора дѣлъ, совершившихся во время управленія принца Шведскаго; комиссія эта, начавши дѣйствовать съ большею строгостію, открыла обширное поприще всякаго рода доносамъ, и потомъ ничего не нашедши, за неимѣніемъ дѣлъ, заснула летаргическимъ сномъ; но несчастный Гольмеръ все это время томился въ заточеніи, разлученный съ женою, дѣтьми, друзьями и родственниками; нако-

нецъ вся Гольштинія пришла въ негодованіе по поводу этого дѣла, которое велось съ вопіющею несправедливостью и деспотизмомъ и конечно протянулось бы еще очень долго, еслибы я не посовѣтовала великому князю разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ, пославши приказаніе даровать Гольмеру свободу и уничтожить комиссію, стоившую сверхъ того не мало денегъ, между тѣмъ какъ казна великаго князя въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ и безъ того была очень истощена. Но напрасно я приводила этотъ разительный примѣръ; великій князь, какъ кажется, не слушалъ и думалъ о чѣмъ-то другомъ, а Брокдорфъ, закоренѣлый въ зложелательствѣ, ограниченный умомъ, и упрямый какъ чурбанъ, не прерывалъ меня, потому что ему нечего было возразить; а когда я ушла, онъ сказалъ великому князю, что я все это говорила изъ властолюбія, что я всегда возстаю противъ тѣхъ мѣръ, которые присовѣтованы не мною, что я ничего не понимаю въ дѣлахъ, что женщины всегда во все хотятъ вѣшаться и только портятъ дѣло; и что въ особенности мѣры рѣшительныя выше ихъ пониманія. Наконецъ онъ добился того, что одержалъ верхъ надъ моимъ мнѣніемъ, и убѣжденный имъ великій князь велѣлъ сочинить, подписалъ и отправилъ приказъ объ арестованіи Елендсгейма. Я узнала о томъ отъ секретаря великаго князя, Зейца, который состоялъ при Пехлинѣ и былъ женатъ на дочери моей повивальной бабушки. Вообще партія Пехлина не одобряла этихъ насильственныхъ и неумѣстныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ Брокдорфъ наводилъ страхъ на нее и на всю Гольштинію. Какъ скоро я узнала, что Брокдорфъ своими происками одержалъ верхъ надо мною въ столь несправедливомъ

дѣлѣ и сдѣлалъ напрасными всѣ мои представленія великому князю, я твердо рѣшилась дать ему почувствовать вполнѣ мое негодованіе. Я сказала Зейцу и велѣла сказать Пехлину, что съ этой минуты я смотрю на Брокдорфа какъ на чуму, отъ которой надо бѣжать, и употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы удалить его отъ великаго князя. Дѣйствительно я старалась при всякомъ случаѣ выказывать презрѣніе и отвращеніе, внушаемыя мнѣ поступками этого человѣка; я осыпала его всѣми возможными насмѣшками, и всякому, кто ни попадался мнѣ, передавала мое мнѣніе о немъ. Левъ Нарышкинъ и другіе молодые люди помогали мнѣ въ этомъ и потѣшались надъ нимъ. Когда Брокдорфъ проходилъ по комнатамъ, всѣ кричали ему во слѣдъ; баба птица! баба птица! это было его прозвище. Эта птица самая безобразная изъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ, точно также какъ Брокдорфъ былъ безобразнѣйшій изъ людей, и по внутреннимъ качествамъ, и по внѣшнему виду. Онъ былъ высокаго росту, долгошея, сверхъ того рыжій и носилъ парикъ на мѣдныхъ пружинахъ; голова его была толстая и плоская; глаза впалые, маленькіе, почти безъ рѣсницъ и бровей; углы рта понижались къ подбородку, отчего онъ имѣлъ какой-то жалобный и недовольный видъ. О внутреннихъ его качествахъ сказано выше; надо еще прибавить, что онъ былъ чрезвычайно корыстолюбивъ и бралъ деньги отъ всякаго, кто ему давалъ, и чтобы Августѣйшій Государь его со временемъ не сталъ взыскивать съ него за взятки, онъ возпользовался его постоянною нуждою — и убѣдилъ его послѣдовать своему примѣру, и такимъ образомъ по мѣрѣ возможности доставлялъ ему денегъ, продавая ор-

дена и титулы Гольштинскіе тѣмъ, кто хотѣлъ за нихъ платить, либо заставляя великаго князя хлопоталъ въ Русскихъ присутственныхъ мѣстахъ и сенатѣ по разнаго рода дѣламъ, часто не справедливымъ, иногда вреднымъ для государства, какъ то по монополіямъ и пошлинамъ, которые безъ его ходатайства конечно бы не удались, потому что были противны законамъ Петра I. Кромѣ того, благодаря Брокдорфу, великій князь все болѣе и болѣе предавался пьянству и бражничеству. Брокдорфъ окружалъ его всякаго рода искателями приключеній, людьми изъ казармъ и трактировъ, какъ Нѣмецкихъ, такъ и Петербургскихъ, не имѣвшими ни вѣры, ни совѣсти, занимавшимися исключительно питьемъ, ѣдою, куреньемъ и грубымъ, пошлымъ балагурствомъ. Я старалась словомъ и дѣломъ ослабить вліяніе Брокдорфа; но видя, что все это не удается, и что напротивъ великій князь еще больше привязывается къ нему, я рѣшилась передать графу Шувалову мои мысли объ этомъ предметѣ, и сказала, что считаю Брокдорфа человѣкомъ, котораго чрезвычайно опасно оставлять подлѣ молодаго князя, долженствующаго со временемъ вступить на престолъ великой имперіи, и что поставила себѣ долгомъ совѣсти поговорить съ нимъ объ этомъ, дабы онъ могъ предупредить Императрицу, или принять мѣры, какія найдетъ приличными. Онъ спросилъ, позволяю ли я ему сослаться на меня. Я отвѣчала, что да, и что если Императрица станетъ спрашивать меня самую, то я не запрусь и разскажу ей все что знаю и вижу. Графъ Шуваловъ очень внимательно слушалъ меня и моргалъ; но онъ никогда не рѣшался дѣйствовать, не поговоривъ напредъ съ братьями, роднымъ Петромъ и двоюроднымъ

Иваномъ. Долго онъ ничего не говорилъ мнѣ; наконецъ дано мнѣ знать намеками, что можетъ быть Императрица войдетъ со мною въ объясненія по этому предмету. — Тѣмъ временемъ, въ одно прекрасное утро, великій князь явился ко мнѣ въ комнату, подпрыгивая, за нимъ велѣлъ вбѣжалъ его секретарь Зейцъ, съ бумагою въ рукѣ. Великій князь сказалъ мнѣ; „посмотрите, вотъ несносный человѣкъ! Я вчера много пилъ и нынче еще хмѣленъ, а онъ вздумалъ приставать ко мнѣ съ дѣлами. Взгляните, цѣлый листъ — одинъ только списокъ дѣлъ, которыя онъ хочетъ, чтобъ я кончилъ. Я не могу отъ него спастись даже въ Вашей комнатѣ.“ Зейцъ сказалъ мнѣ: На все это нужно только *да* или *нѣтъ*; все можно кончить въ четверть часа. Я сказала: Ну такъ что же? Попробуйте, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ Вы кончите скорѣе, чѣмъ думали. Зейцъ началъ читать, и по мѣрѣ того какъ онъ читалъ, я говорила *да* или *нѣтъ*. Это понравилось великому князю, и Зейцъ сказалъ ему: Вотъ, Ваше Высочество, если бы Вы позволили такъ дѣлать по два раза въ недѣлю, Ваши дѣла не останавливались бы; это пустяки, но надобно, чтобы они шли своимъ чередомъ; великая княгиня кончила все, сказавши шесть *да* и шесть *нѣтъ*. Съ этихъ поръ Его И. Высочество сталъ присылать ко мнѣ Зейца всякій разъ, какъ тотъ требовалъ отъ него *да* или *нѣтъ*. Черезъ нѣсколько времени я сказала ему, чтобы онъ далъ мнѣ подписанный указъ, какія дѣла я могу рѣшать и какія нѣтъ, безъ его спросу. Онъ согласился на это, и объ этомъ распоряженіи знали только Пехлинъ, Зейцъ, да я. Пехлинъ и Зейцъ были въ восторгѣ; когда нужно бывало подписывать, великій князь подписывалъ

то, что напередъ было рѣшено мною. Дѣло Елендсгейма оставалось въ рукахъ Брокдорфа; но такъ какъ Елендсгеймъ уже былъ подъ арестомъ, то Брокдорфъ не торопился рѣшеніемъ его участи; собственно ему только и хотѣлось удалить Елендсгейма отъ дѣлъ, и показать въ Гольштиніи свое значеніе при великомъ князѣ. Однажды, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ и выбравши минуту, я сказала великому князю, что если ему такъ скучно заниматься Гольштинскими дѣлами, то по этому образчику онъ можетъ судить, какъ много у него будетъ дѣла, когда ему достанется Русская Имперія, и по этому онъ долженъ впередъ сообразить, какъ тяжело ему будетъ тогда заниматься дѣлами. На это онъ сказалъ мнѣ тоже, что я много разъ слышала отъ него прежде, именно, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что ни онъ годенъ для Русскихъ, ни русскіе для него, и что ему непремѣнно придется погибнуть въ Россіи. На этотъ счетъ я сказала ему тоже, что онъ слышалъ отъ меня также много разъ прежде, именно, что ему не слѣдуетъ предаваться такой фаталистической идеѣ, что онъ долженъ по мѣрѣ возможности стараться о пріобрѣтеніи любви каждаго Русскаго и просить Императрицу, чтобы она позволила ему знакомиться съ государственными дѣлами; по моему настоянію онъ сталъ просить позволенія участвовать въ конференціяхъ, которыя заступали мѣсто Совѣта; онъ дѣйствительно сказалъ о томъ Шуваловымъ, и Императрица позволила ему бывать на конференціяхъ всякій разъ, когда она сама на нихъ будетъ; но это значитъ почти, что онъ совсѣмъ не допущенъ; потому что Императрица засѣдала съ нимъ на конференціяхъ всего два или три

раза, и послѣ ни она, ни онъ больше не ходили туда. Вообще я давала великому князю благіе и полезные для него совѣты; но тотъ, кто совѣтуетъ, не можетъ совѣтовать иначе какъ по своему разуму и по своему образу мыслей, согласно съ тѣмъ, какъ онъ самъ понимаетъ вещи и обращается съ ними; великій же князь считалъ мои совѣты дурными, потому что его образъ дѣйствій и обращенія съ вещами вовсе не похожи были на мои, и по мѣрѣ того какъ мы старѣли годами, это различіе все больше обнаруживалось. Я старалась всегда во всѣхъ случаяхъ, сколько могла, стремиться къ справедливости; онъ напротивъ съ каждымъ днемъ удалялся отъ нея, такъ что наконецъ сдѣлался отъявленнымъ лгуномъ. Путь, которому онъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ, весьма замѣчателенъ, и поэтому я постараюсь показать его; можетъ быть черезъ это обнаружится направленіе человѣческаго ума въ этомъ случаѣ, и это послужитъ въ предостереженію или исправленію людямъ, чувствующимъ въ себѣ наклонность къ такому пороку. Первая ложь, выдуманная великимъ княземъ, была слѣдующая. Чтобы похвастаться передъ молодыми женщинами и дѣвушками, онъ воспользовался ихъ невѣдѣніемъ и сталъ разсказывать, будто, когда онъ былъ въ Гольштиніи у отца своего, отецъ далъ ему начальство надъ отрядомъ гвардейцевъ и послалъ овладѣть Египетскимъ войскомъ, которое бродило въ окрестностяхъ города Киля и совершало по его словамъ страшныя опустошенія; онъ передавалъ подробности этихъ опустошеній, разсказывалъ, какія хитрости были употреблены имъ, чтобы окружить Египтянъ, какъ онъ дрался съ ними, и оказывалъ, въ этихъ сраженіяхъ чу-

деса храбрости и ловкости, и какъ наконецъ захватилъ и привелъ Египтянъ въ Киль. Сначала онъ имѣлъ осторожность, разсказывать все это людямъ несвѣдущимъ; мало по малу сталъ смѣлѣе и пускался въ росказки передъ людьми, на скромность которыхъ могъ расчитывать и зналъ, что они не изобличатъ его во лжи; но когда онъ вздумалъ изложить свое сочиненіе въ моемъ присутствіи, я спросила его за сколько лѣтъ до смерти его отца произошло это событіе. Года за три или за четыре, отвѣчалъ онъ, нисколько не задумавшись. Ну такъ вы очень рано начали совершать храбрые подвиги, возразила я; потому что за три или за четыре года со смерти герцога, отца вашего, вамъ всего было шесть или семь лѣтъ; вы остались послѣ него одинадцати лѣтъ, подъ опекою дяди моего, наслѣдняго принца Шведскаго. Кромѣ того, прибавила я, вы были единственный сынъ, и въ дѣтствѣ, какъ я слышала, не пользовались крѣпкимъ здоровьемъ; по этому мнѣ удивительно, какимъ образомъ отецъ могъ посылать васъ ловить разбойниковъ, и притомъ еще въ такомъ нѣжномъ возрастѣ. Великій князь страшно разсердился на меня за это, говоря, что я унижаю его во мнѣнію публики, и хочу, чтобы его считали лгуномъ. Я отвѣчала, что его изобличаю не я, а календарь; что пусть онъ самъ разсудитъ, если ли человѣческая возможность посылать ребенка 6 или 7 лѣтъ, единственнаго сына и наслѣднаго принца, всю надежду отца — ловить Египтянъ. Онъ замолчалъ, я также. Онъ послѣ этого дулся на меня; но потомъ забылъ что я ему говорила и сталъ по прежнему, даже въ моемъ присутствіи, расказывать свою повѣсть, разнообразя ее до безконечности. Послѣ этого

онъ выдумалъ другую ложь, несравненно болѣе постыдную и вредную для него, но о ней я скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящее время мнѣ невозможно припомнить всѣхъ выдумокъ и бредней, которыя онъ выдавалъ за настоящія событія и въ которыхъ не было тѣни правды. Достаточно, думаю, приведеннаго образчика.

Въ исходѣ масляницы, въ четвергъ, у насъ былъ балъ. Я сидѣла между невѣсткой Льва Нарышкина и его сестрою, Сенявиной; мы смотрѣли, какъ Марина Осиповна Закревская, фрейлина Императрицы и племянница графовъ Разумовскихъ, танцовала менуетъ; она въ то время была ловка и легка; говорили что гр. Горнъ очень влюбленъ въ нее; но такъ какъ онъ всегда влюбленъ разомъ въ трехъ, то расказывали, будто онъ волочится еще за двумя другими фрейлинами Императрицы, гр. Марьей Романовной Воронцовой и Анной Алексѣевной Хитровой. Мы находили, что Закревская, танцовавшая съ Львомъ Нарышкинымъ, довольно мила и танцуетъ хорошо. По этому случаю невѣстка и сестра Льва Нарышкина сказали мнѣ, что мать хочетъ женить его на Хитровой, племянницѣ Петра и Александра Шуваловыхъ, сестра которыхъ была за Хитровымъ. Сей послѣдній часто ѣздилъ въ домъ къ Нарышкинымъ, и мать Льва стала думать объ этомъ бракѣ. Ни Сенявина, ни невѣстка ея вовсе не дорожили родствомъ съ Шуваловыми, которыхъ онѣ не любили, какъ я сказала выше. Что касается до Льва, то онъ и не подозрѣвалъ намѣренія матери; онъ былъ влюбленъ въ упомянутую выше графиню Марью Воронцову. Услышавши это, я сказала Сенявиной и Нарышкиной, что непремѣнно надо разстроить этотъ бракъ, такъ какъ Хитрову никто

терпѣть не могъ (она была интригантка и вздор-сплетница), и что слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно и дать Льву жену, которая бы была за одно съ нами, и для этого женить его на помянутой племянницѣ графовъ Разумовскихъ, тѣмъ болѣе, что Сенявина и Нарышкина любили ее, и она постоянно бывала у нихъ въ домѣ. Обѣ онѣ согласились со мною. На другой день, на придворномъ маскарадѣ, я подошла къ Фельдмаршалу Разумовскому, бывшему тогда Украинскимъ гетманомъ, и сказала ему на прямикъ, какъ ему не стыдно не похлопотать для своей племянницы о такой прекрасной партіи, какъ Левъ Нарышкинъ; что мать хочетъ женить его на Хитровой, но сестра его, невѣстка и я находимъ, что ему гораздо лучше жениться на Закревской; и что онъ, Разумовскій долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Фельдмаршалъ одобрилъ нашъ проэктъ, сообщилъ его своему тогдашнему фактотуму Теплову, который тотчасъ же передалъ его старшему гр. Разумовскому и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправился къ Петербургскому Архіепископу купить за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ, и какъ скоро оно было получено, фельдмаршалъ съ женою явились къ теткѣ своей, матери Льва, и умѣли такъ ловко взяться за дѣло, что та противъ воли согласилась. Хорошо, что они поспѣшили потому что Нарышкина въ этотъ самый день должна была дать слово отцу Хитровой. За тѣмъ, фельдмаршалъ Разумовскій, Сенявина и ея невѣстка принялись за Льва и убѣдили его жениться на дѣвушкѣ, о которой онъ даже не помышлялъ. Онъ далъ согласіе, хотя любилъ другую. Впрочемъ сія послѣдняя была почти уже сговорена за графа Бутурлина;

о Хитровой онъ вовсе не жалѣлъ. Получивъ согласіе жениха, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла этотъ бракъ слишкомъ выгоднымъ, чтобъ отказаться отъ него. На другой же день, въ воскресенье, оба графа Разумовскіе обратились къ Императрицѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ, и тотчасъ получили. Шуваловы узнали обо всемъ этомъ, когда Императрица уже дала соизволеніе, и не мало удивлялись, какъ мы провели ихъ и Хитровыхъ. Дѣло сдѣлано, назадъ идти было нельзя, и Левъ, который влюбленъ былъ въ одну дѣвушку, котораго мать прочила для другой, женился на третьей, о которой никто, ни онъ самъ, три дни тому назадъ, вовсе не думалъ. Этотъ бракъ Льва Нарышкина еще болѣе сдружилъ меня съ графами Разумовскими, которые очень привязались ко мнѣ за то, что я устроила для ихъ племянницы такую прекрасную и значительную партію, и сверхъ того были довольны, одержавъ верхъ надъ Шуваловыми. Сіи послѣдніе даже не могли жаловаться и должны были скрывать свою досаду. Это я имъ еще разъ насолила. — Любовныя похожденія великаго князя съ дѣвицею Тепловою весьма не ладились: главною причиною было то, что они должны были видаться украдкою, а это надоѣдало великому князю, который больше не хотѣлъ знать никакихъ помѣхъ, точно такъ какъ не любилъ отвѣчать на получаемыя письма. Въ исходѣ масляницы его волокитства начали становиться дѣломъ партіи. Я узнала однажды отъ Принцессы Курляндской, что графъ Романъ Воронцовъ, отецъ двухъ фрейлинъ (бывшій, сказать мимоходомъ, не въ особенной милости у великаго князя, какъ и его пятеро дѣтей) позволяетъ себѣ

весьма неумѣренныя рѣчи на счетъ Его Высочества, и между прочимъ говоритъ, что ему стоитъ только захотѣть, и нерасположеніе великаго князя не только пройдетъ, но и обратится въ милость; что для этого нужно только угостить Брокдорфа, напоить его Англійскимъ пивомъ и на прощанье положить ему въ карманъ бутылокъ шесть для Его Высочества, что послѣ этого онъ и его младшая дочь сдѣлаются первыми лицами у великаго князя. Въ тотъ же вечеръ, на балу, я замѣтила, что Его Высочество безпрестанно шепчется съ графиней Марьей Воронцовой, старшею дочерью графа Романа (Воронцовы были искренно дружны съ Шуваловыми, у которыхъ Брокдорфъ всегда находилъ ласковый пріемъ), и съ неудовольствіемъ убѣдилась, что дѣйствительно графиня Елисавета Воронцова можетъ сдѣлаться любимицой. Чтобы помѣшать этому, я пересказала великому князю выше приведенные отзывы ея отца. Онъ взбѣсенился и съ великимъ гнѣвомъ сталъ спрашивать, откуда я знаю объ этихъ отзывахъ. Долго я не хотѣла сказывать; но онъ сказалъ, что такъ какъ я не могу назвать лица, то онъ подозрѣваетъ, что я сочинила эту исторію, чтобы повредить графу Воронцову и его дочерямъ. Напрасно я говорила, что никогда въ жизни не занималась подобнаго рода сочиненіями. Наконецъ я должна была назвать принцессу Курляндскую. Онъ сказалъ, что тотчасъ напишетъ къ ней записку и спроситъ, правду ли я сказала, и если окажется, что я хоть малѣйшимъ образомъ солгала, онъ пожалуется Императрицѣ на мои выдумки и интриги, послѣ чего онъ ушелъ изъ моей комнаты. Опасаясь отвѣта Принцессы Курляндской и чтобы она не сказала ему чего нибудь

двусмысленнаго, я написала къ ней записку, въ которой просила, чтобы она ради Бога сказала сущую и чистую правду о чемъ у нея спросятъ. Записка была тотчасъ отнесена и пришла во время, т. е. прежде записки великаго князя. Принцесса Курляндская написала ему всю правду, и онъ могъ видѣть, что я не солгала. Это еще на нѣсколько времени удержало его отъ связи съ дочерьми человѣка, который имѣлъ о немъ такое дурное понятіе, и котораго въ добавокъ онъ самъ не любилъ. Но чтобы еще больше помѣшать этой связи, Левъ Нарышкинъ убѣдилъ фельдмаршала графа Разумовскаго приглашать къ себѣ великаго князя по секрету на вечера, разъ или два раза въ недѣлю: это былъ почти замкнутый кружокъ, потому что въ вечерахъ этихъ участвовали только самъ фельдмаршалъ, Марья Павловна Нарышкина, великій князь, жена Теплова и Левъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили великимъ постомъ, и подали поводъ еще къ новой выдумкѣ. Домъ фельдмаршала былъ въ то время деревянный; въ отдѣленіи фельдмаршальши обыкновенно собирались гости, и такъ какъ хозяева, мужъ и жена, любили играть, то тамъ происходила постоянная игра. Фельдмаршалъ приходилъ и уходилъ; у него въ отдѣленіи, когда не бывало великаго князя, собиралась своя бесѣда, но нѣсколько разъ бывая у меня, на моихъ тайныхъ вечерникахъ, онъ хотѣлъ, чтобы и наше общество пріѣзжало къ нему. Намъ отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ, и это онъ называлъ своимъ эрмитажемъ. Гости должны прятаться другъ отъ друга, потому что мы, какъ я уже говорила, не смѣли выѣзжать безъ позволенія; и такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ со-

биралось по три, по четыре разныхъ обществъ, и фельдмаршалъ переходилъ отъ одного къ другому. Мы не знали что происходило въ домѣ, тогда какъ объ насъ никто не подозрѣвалъ.

Къ веснѣ скончался Пехлинъ, министръ великаго князя по Гольштинскимъ дѣламъ. Предвидя его кончину, великій Канцлеръ графъ Бестужевъ посовѣтовалъ мнѣ, чтобы я рекомендовала великому князю нѣкоего Штамбке; его вызвали, и онъ поступилъ на мѣсто Пехлина. Великій князь далъ ему приказъ за своею подписью работать вмѣстѣ со мною, что тотъ и дѣлалъ. Такимъ образомъ я имѣла возможность свободно сноситься съ гр. Бестужевымъ, который довѣрялся господина Штамбке. Въ началѣ весны мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь образъ жизни былъ тотъ же что и прежде, съ тою разницею, что число Гольштинскаго войска и разныхъ авантюристовъ, занимавшихъ въ немъ офицерскія мѣста, съ каждымъ годомъ увеличалось; войско это уже не могло помѣщаться въ небольшой Ораніенбаумской деревушкѣ, гдѣ въ началѣ было всего 28 хижинъ, и потому его выводили въ лагерь. Число его никогда не превышало 1,300 человѣкъ. Офицеры обѣдали и ужинали при дворѣ; но такъ какъ придворныхъ дамъ, считая въ томъ числѣ женъ камергеровъ и камеръюнкеровъ, было не больше 15 или 16, а великій князь страстно любилъ большіе обѣды, и давалъ ихъ очень часто у себя въ лагерѣ и во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Ораніенбаума, то въ обѣдахъ этихъ участвовали не только пѣвицы его оперы, но цѣлая толпа простыхъ женщинъ самаго дурнаго общества, которыхъ ему привозили изъ Петербурга. Какъ скоро я узна-

вала, что на пиру будутъ танцовщицы и пр., то нарочно не приходила и обѣдала у себя въ комнатѣ самъ другъ или самъ третій; сначала я говорила, что не прихожу потому, что пью воды; потомъ сказала великому князю, что опасаюсь гнѣва Императрицы и для того не хочу бывать въ такомъ пестромъ обществѣ; и дѣйствительно ни разу не приходила, какъ скоро узнала, что великій князь хочетъ быть черезъ чуръ гостепріименъ, и если онъ приглашалъ меня, я посылала на мѣсто себя фрейлинъ. На маскерады, которые онъ давалъ въ Ораніенбаумъ, я надѣвала самое простое платье, безъ всякихъ уборовъ и бриліантовъ, что также нравилось Императрицѣ не любившей и не одобрявшей этихъ Ораніенбаумскихъ празднествъ, которыя за обѣдомъ дѣйствительно обращались въ вакханаліи; тѣмъ не менѣе она ихъ терпѣла, по крайнѣй мѣрѣ не запрещала. Мнѣ сказывали, что Ея Величество говорила: эти праздники не нравятся ни мнѣ ни великой княгинѣ; она бываетъ на нихъ въ самомъ простомъ нарядѣ и никогда не садится за столъ съ тамошнею сволочью. Я въ то время разводила и сажала въ Ораніенбаумѣ такъ называемый садъ мой; остальное время гуляла пѣшкомъ, ѣздила верхомъ и въ кабріолетѣ, а когда оставалась въ комнатѣ, то читала.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ мы узнали, что 24 Іюля городъ Мемель сдался на капитуляцію Русскимъ войскамъ; а въ Августѣ получено было извѣстіе о Гроссгерсдорфскомъ сраженіи, которое Русскіе выиграли 19 числа того же мѣсяца. Въ день празднованія этой побѣды, я дала у себя въ саду большой обѣдъ, на который пригласила великаго князя и все что было съ Ораніенбаумѣ значи-

тельныхъ лицъ; онъ и все общество повидимому были веселы и остались довольны моимъ обѣдомъ. Великій князь на время позабылъ свою досаду, которую причинила ему эта война, начавшаяся между Россіею и Королемъ Прусскимъ. Великій князь съ самаго дѣтства чувствовалъ особенную склонность къ Прусскому Королю; сначала тутъ не было ничего удивительнаго, но потомъ это пристрастіе дошло до безумія. Въ то время общая радость по случаю успѣха Русской арміи обязывала его скрывать свои мысли; но въ сущности ему досадно было пораженіе Прусскихъ войскъ, которыя онъ считалъ непобитыми. Въ этотъ день я приказала дать Ораніенбаумскимъ каменщикамъ и другимъ рабочимъ жаренаго быка. Вскорѣ за тѣмъ мы возвратились въ городъ, гдѣ заняли Лѣтній Дворецъ. Тутъ однажды вечеромъ графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что Императрица въ комнатѣ у жены его, и что я могу пойти поговорить съ нею, такъ какъ я этого желала прошедшею зимою. Я тотчасъ отправилась въ отдѣленіе графа и графини Шуваловыхъ, находившееся въ концѣ моего отдѣленія. Я застала Императрицу одну. По обыкновенію я подошла къ рукѣ, и она поцаловала меня. Потомъ я имѣла честь услышать, что она, узнавши о моемъ желаніи поговорить съ нею, нарочно для того пришла сегодня, и спрашиваетъ, что мнѣ нужно. Надо замѣтить, что тогда прошло уже восемъ мѣсяцевъ и даже больше, съ тѣхъ поръ какъ я говорила съ графомъ А. Шуваловымъ о Брокдорфѣ. Я отвѣчала, что прошлою зимою, видя поведеніе Брокдорфа, я сочла необходимымъ сказать о немъ графу А. Шувалову, дабы онъ могъ довести то до свѣденія Ея Величества; что когда Шуваловъ

спросилъ, имѣетъ ли онъ право сослаться на меня, я сказала, что если Ея Величество сама меня спроситъ, то я повторю ей лично все что сказала и все что знаю. Тогда я разсказала ей исторію Елендсгейма, все, какъ было. Она выслушала меня, по видимому, довольно холодно, и стала разспрашивать подробности о домашней жизни великаго князя и о лицахъ, его окружавшихъ. Я передала ей съ самою строгою точностью все что знала; замѣтивъ по моимъ разсказамъ о Гольштинскихъ дѣлахъ, что они мнѣ довольно извѣстны, она сказала: Вы, кажется, хорошо знаете эту страну. Я чистосердечно отвѣчала, что мнѣ не мудрена знать ее, ибо я познакомилась съ тамошними дѣлами по волѣ великаго князя. Тутъ изъ выраженія лица Императрицы я замѣтила, что такая повѣренность произвела на нее непріятное впечатлѣніе; вообще, во все время нашего разговора, она мнѣ показалась какъ то странно недовѣрчивою: она заставляла меня говорить и дѣлала мнѣ вопросы, а сама отъ себя почти не говорила ни слова, такъ что все это можно было назвать скорѣе вывѣдываніемъ съ ея стороны, нежели откровеннымъ разговоромъ. Наконецъ она отпустила меня такъ же холодно, какъ и приняла, и я не знала что подумать объ этой аудіенціи, про которую А. Шуваловъ велѣлъ мнѣ никому отнюдь не сказывать, что я ему обѣщала. Да и хвалиться было не чѣмъ! Возвратившись къ себѣ я приписала холодность Императрицы тому, что Шуваловы какъ давно мнѣ сказывали, успѣли внушить ей антипатію ко мнѣ. Послѣ мы увидимъ, какое отвратительное употребленіе (если смѣю такъ выразиться) заставили ее сдѣлать изъ этого разговора между мною и ею.

Черезъ нѣсколько времени мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться *взятіемъ* Мемеля и Гроссгерсдорфскою побѣдою и идти впередъ, повернулъ назадъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство, потому что онъ бросалъ и сожигалъ припасы и заколачивалъ пушки. Никто не могъ понять что это значило; даже друзья не знали что сказать ему въ оправданіе, и вслѣдствіе этого всѣ начали доискиваться тайныхъ причинъ. Хотя я не знаю въ точности, чему слѣдуетъ приписать это поспѣшное и ни съ чѣмъ несообразное отступленіе фельдмаршала Апраксина, съ которымъ я больше не видалась въ моей жизни, однако думаю, что причиною тому могли быть извѣстія, которыя онъ получалъ отъ дочери княгини Куракиной, попрежнему находившейся въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ (больше изъ политики, нежели по склонности) отъ зятя князя Куракина, отъ друзей и родственниковъ. Всѣ они увѣдомляли его, что здоровье Императрицы съ каждымъ днемъ становится хуже; въ то время почти всѣмъ было извѣстно, что съ нею постоянно каждый мѣсяцъ бываютъ сильныя конвульсіи, производившія замѣтное ослабленіе въ ея организмѣ; что послѣ каждой такой конвульсіи дня два, три, или четыре она остается въ такой слабости и въ такомъ истощеніи всѣхъ способностей, какъ будто въ летаргическомъ снѣ, и что въ эти дни нельзя говорить ни о чемъ ни съ нею, ни при ней. Фельдмаршалъ Апраксинъ, по всему вѣроятію преувеличивая опасность, въ которой находилась Императрица, не счелъ нужнымъ идти дальше въ Пруссію, и подъ предлогомъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, пошелъ назадъ, что-

бы ближе къ Русскимъ границамъ, ибо предвидѣлъ, что въ случаѣ кончины Императрицы война эта немедленно будетъ оставлена. Трудно оправдать поступокъ фельдмаршала Апраксина; но таковы могли быть его расчеты, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ свое пребываніе нужнымъ въ Россіи, какъ я сказала, говоря объ его отъѣздѣ. Гр. Бестужевъ прислалъ мнѣ сказать черезъ Штамбке, какой оборотъ принимали дѣйствія фельдмаршала Апраксина, на которыя громко жаловались послы Императорскій и Французскій. Онъ просилъ меня, чтобы я, по пріязни своей, написала къ фельдмаршалу и вмѣстѣ съ нимъ Бестужевымъ, уговорила его, снова двинуться впередъ, и положить конецъ этому бѣгству, которое враги его объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и постыднымъ для него образомъ. Я дѣйствительно написала письмо къ фельдмаршалу Апраксину, увѣдомляя его, что въ Петербургѣ ходятъ о немъ дурные слухи, что друзья его не знаютъ чѣмъ оправдать его поспѣшное отступленіе, и прося, чтобы онъ шелъ впередъ и повиновался распоряженіямъ правительства. Великій Канцлеръ гр. Бестужевъ доставилъ ему это письмо. Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ. Между тѣмъ къ намъ пріѣзжалъ прощаться и уѣхалъ на почтовыхъ изъ Петербурга, главный директоръ Императрицыныхъ построекъ, генералъ Ферморъ; намъ сказали; что онъ отправился принять начальство надъ арміею; онъ нѣкогда былъ начальникомъ штаба у графа Миниха. Ферморъ прежде всего потребовалъ, чтобы ему дали его чиновниковъ или помощниковъ по управленію постройками, бригадировъ Рязанова и Мордвинова и съ ними отправился къ арміи. Эти военные люди умѣли только заключать контракты по по-

стройкамъ. Какъ скоро онъ пріѣхалъ, ему велѣно было заступить мѣсто фельдмаршала Апраксина, который былъ вызванъ въ Петербургъ, и по пріѣздѣ получилъ приказаніе оставаться въ Тригорскомъ, и тамъ ждать воли Императрицыной. Участь его долго оставалась не рѣшенной, потому что друзья его, дочь и Петръ Шуваловъ употребляли всевозможныя мѣры и прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы потушить гнѣвъ Императрицы, разжигаемый графами Воронцовымъ, Бутурлинымъ Иваномъ Шуваловымъ и другими, которое дѣйствовали по внушеніямъ Вѣнскаго и Версальскаго пословъ и требовали суда надъ Апраксиномъ. Наконецъ были назначены слѣдователи по его дѣлу. Послѣ первыхъ вопросовъ, съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ сдѣлался апоплектическій ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ болѣе сутокъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи непремѣнно былъ бы замѣшанъ въ дѣло генералъ Ливенъ, другъ и повѣренный тайнъ Апраксина, что меня еще болѣе бы огорчило, потому что Ливенъ былъ искренно привязанъ ко мнѣ. Но какъ ни была я дружна съ Ливеномъ и Апраксинымъ во всякомъ случаѣ могу поклясться, что совершенно не знала о причинахъ ихъ поступка и о самомъ ихъ поступкѣ, хотя и старались распустить слухъ, будто они пошли назадъ вмѣсто того, чтобы идти впередъ, потому что желали сдѣлать угодное великому князю и мнѣ. Ливенъ иногда довольно странно выражалъ свою привязанность ко мнѣ; между прочимъ, на маскерадѣ у графа Естергази Вѣнскаго посла, гдѣ была Императрица и весь дворъ, Ливенъ, глядя на меня, сказалъ стоявшему возлѣ него графу Понятовскому: вотъ женщина, за которую честному можно охотно вынести нѣсколько

ударовъ кнута. Это мнѣ разсказывалъ самъ графъ Понятовскій, впослѣдствіи король Польскій.

Генералъ Ферморъ, принявъ начальство, поспѣшилъ исполнить то что ему было приказано, немедленно двинулся впередъ, и не смотря на суровую зиму, занялъ Кёнигсбергъ, который выслалъ къ нему своихъ депутатовъ 18 Генваря 1758 года. Въ эту зиму я замѣтила, что Левъ Нарышкинъ вдругъ совершенно перемѣнилъ свое поведеніе; онъ сталъ невѣжливъ и грубъ, и не охотно приходилъ ко мнѣ, ссылаясь на причины, которыя показывали, что у него что то есть противъ меня, противъ своей сестры, невѣстки, графа Понятовскаго и всѣхъ моихъ приближенныхъ. Я узнала, что онъ почти не выходитъ отъ Ивана Шувалова, и догадалась, что его отвлекали отъ меня, думая мнѣ отмстить этимъ за то, что я помѣшала его браку съ Хитровой, и что навѣрное отъ него вывѣдаютъ разныя вещи, и добьются разныхъ признаній, которыя могутъ повредить мнѣ. Его невѣстка, сестра и братъ также сердились на него за это, и въ самомъ дѣлѣ онъ велъ себя какъ помѣшанный, и съ полнымъ чистосердечіемъ всячески оскорблялъ насъ, между тѣмъ какъ въ это самое время я на свои деньги меблировала домъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить послѣ свадьбы. Всѣ обвиняли его въ неблагодарности, и говорили ему, что онъ безчувственный человѣкъ, однимъ словомъ, что онъ ни коимъ образомъ не можетъ быть недоволенъ мною. Было ясно, что онъ служилъ орудіемъ для тѣхъ, которые успѣли овладѣть имъ. Онъ больше обыкновеннаго ухаживалъ за великомъ княземъ, всячески забавлялъ его и заставлялъ дѣлать именно то, что я не одобряла какъ ему было извѣстно. Невѣжливость

свою онъ простиралъ иногда до того, что даже не отвѣчалъ на мои вопросы. Въ то время я не могла себѣ объяснить чѣмъ я могла его обидѣть; напротивъ можно сказать, что я не переставала оказывать мое расположеніе и дружбу какъ ему, такъ и всей его семьѣ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ знала. Мнѣ кажется, что онъ удвоилъ свои любезности относительно великаго князя также по совѣту Шуваловыхъ, увѣрившихъ его, что милость великаго князя всегда для него надежнѣе моей, такъ какъ ни Императрица, ни великій князь не расположены ко мнѣ, и не любятъ меня; что онъ можетъ повредить своему счастію, если не отстанетъ отъ меня; что какъ скоро Императрица умретъ, великій князь посадитъ меня въ монастырь, и проч. Мнѣ было донесено, что Шуваловы именно говорили обо всемъ этомъ. Кромѣ того его обнадежили, что великій князь, въ знакъ своей милости, дастъ ему орденъ Св. Анны. Посредствомъ такихъ доводовъ и примановъ изъ этого слабаго и безхарактернаго человѣка извлекали какія угодно признанія; и онъ самъ простиралъ свое легкомысліе дальше, нежели отъ него требовалось, хотя иногда, какъ увидимъ ниже, съ нимъ бывали припадки раскаянія. Онъ старался всѣми средствами отдалять отъ меня великаго князя, который въ это время почти не переставалъ дуться на меня, и снова связался съ графиней Елизаветой Воронцовой.

Къ веснѣ этого года разнесся слухъ, что принцъ Саксонскій Карлъ, сынъ Польскаго короля Августа III, пріѣдетъ въ Петербургъ. Это было вовсе непріятно великому князю по разнымъ причинамъ; во первыхъ онъ боялся, что пріѣздъ Принца стѣснитъ его, а онъ не любилъ ни малѣй-

шаго обстоятельства, которое могло разстроить заведенный имъ образъ жизни; во вторыхъ, Саксонскій домъ находился на сторонѣ враговъ Прусскаго короля; въ третьихъ, великій князь могъ опасаться невыгоднаго для себя сравненія съ Принцемъ Карломъ, хотя такое опасеніе означало бы великую скромность, потому что Принцъ Карлъ самъ по себѣ былъ человѣкъ ничтожный и необразованный; кромѣ охоты и танцевъ онъ ничего не зналъ, и я сама слышала отъ него, что онъ во всю жизнь не бралъ книгъ въ руки, исключая молитвенниковъ, которые ему давала королева, мать его, большая ханжа. Онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ 5 Апрѣля этого года. Его принимали съ большею церемоніею, великолѣпіемъ и блескомъ; свита его была очень многочисленна; его сопровождало много Саксонцевъ и Поляковъ, въ томъ числѣ Любомирскій, Потоцкій, Ржевусскій, котораго называли прекраснымъ, два князя Сулковскіе, графъ Сапѣга, графъ Браницкій, впослѣдствіи славный генералъ, графъ Ейнзидель и множество другихъ, именъ которыхъ я теперь не припомню. При немъ находился еще нѣкто Лахиналь, что-то въ родѣ гувернера; онъ руководилъ его поведеніемъ и завѣдовалъ его перепискою. Принца Карла помѣстили въ домѣ камергера Ивана Шувалова, только что отстроенномъ. Хозяинъ украсилъ этотъ домъ на сколько была у него вкуса, тѣмъ не менѣе домъ былъ безъ вкуса и довольно плохъ, хотя чрезвычайно роскошно убранъ. Въ немъ было много картинъ, но большею частью копій; одну комнату облекли чинаровымъ деревомъ, но такъ какъ чинара не казиста, то посверхъ ея навели глазурь, отчего комната сдѣлалась желтою; чтобы поправить дѣло

и уничтожить скверный желтый цвѣтъ, ее покрыли очень тяжелою и богатою рѣзьбою, которую посребрили. Снаружи этотъ домъ, хотя очень огромный, напоминалъ своими украшеніями *манжеты изъ Алансонскихъ кружевъ*, *такъ много* на немъ было разныхъ украшеній. Графъ Иванъ Чернышевъ назначенъ былъ состоять при Саксонскомъ принцѣ, которому все содержаніе отпускалось отъ Двора, и дана была дворцовая прислуга. Въ ночь передъ тѣмъ днемъ, какъ принцъ Карлъ посѣтилъ насъ, я почувствовала страшную колику съ такимъ поносомъ, что должна была слишкомъ тридцать разъ ходить на низъ. Сверхъ того со мною сдѣлалась лихорадка; но не смотря на все это, наутро я одѣлась и приготовилась принять принца Карла. Около двухъ часовъ послѣ обѣда его повели къ Императрицѣ, и отъ *нея привели ко мнѣ;* великій князь долженъ былъ придти тотчасъ послѣ него. Для этого поставлены были у стѣны три кресла; на середнемъ сидѣла я, на право отъ меня великій князь, на лѣво принцъ Карлъ. Мнѣ пришлось вести разговоръ, потому что Его Высочество не хотѣлъ вымолвить слова, а принцъ Карлъ былъ не разговорчивъ. Разговоръ продолжался съ полчетверти часа, послѣ чего принцъ Карлъ наконецъ всталъ и началъ представлять намъ свою огромную свиту; съ нимъ было кажется, больше 20 человѣкъ, къ которымъ въ этотъ день присоединились посланники Польскій и Саксонскій, находившіеся при Русскимъ дворѣ и ихъ чиновники. Черезъ полчаса принцъ удалился; а я раздѣлась, легла въ постель и пролежала дня три или четыре въ сильной лихорадкѣ, послѣ которой я почувствовала признаки беременности. — Въ

исходѣ Апрѣля мы отправились въ Ораніенбаумъ; но еще въ городѣ узнали, что принцъ Карлъ ѣдитъ волонтеромъ въ Русскую армію. Передъ отъѣздомъ туда онъ отправился съ Императрицею въ Петергофъ, гдѣ ему давали праздники. Но мы ни тамъ, ни въ городѣ не участвовали въ этихъ праздникахъ и проводили время въ своемъ обществѣ; принцъ Карлъ простился съ нами и уѣхалъ 4 Іюля.

Видя, что великій князь настоящно очень на меня сердится, чему я не находила другой причины, кромѣ той, что я не хотѣла знать ни Брокдорфа, ни графини Елизаветы Воронцовой, сдѣлавшейся снова любимою султаншею, я вздумала дать Его Имп. Величеству праздникъ въ моемъ Ораніенбаумскомъ саду и тѣмъ, будте возможно, смягчить его гнѣвъ; я знала, что всякій праздникъ по душѣ великому князю. Вслѣдствіе этого я приказала моему тогдашнему архитектору Итальянцу Антонію Ринальди сдѣлать изъ дерева въ отдаленномъ мѣстѣ большую колесницу, такъ чтобы на ней могъ помѣститься оркестръ, человѣкъ въ шестьдесятъ музыкантовъ и пѣвцевъ. Стихи я велѣла сочинить придворному поэту Итальянцу, а музыку капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, въ большой аллеѣ, устроена была иллюминованная декорація съ занавѣсью; напротивъ разставлены столы для ужина. 11 Іюля къ вечеру Его Имп. Высочество, все что было жителей въ Ораніенбаумѣ, и множество пріѣхавшихъ изъ Кронштадта и Петербурга отправились въ садъ, который уже былъ иллюминованъ. Сѣли за ужинъ, и послѣ перваго блюда занавѣсь, закрывавшая большую аллею, поднялась; вдали показался подвижной оркестръ, который везли двадцать быковъ, убран-

ныхъ гирляндами; а оркестръ окружали танцоры и танцовщицы, сколько я могла ихъ найдти. Аллея была такъ ярко иллюминована, что можно было различать всѣ предметы. Когда оркестръ остановился, на себѣ, какъ будто нарочно надъ самою колесницею показался мѣсяцъ. Это произвело необыкновенный эффектъ и очень удивило все общество; къ тому же погода стояла чудеснѣйшая. Всѣ вскочили изъ-за столовъ, чтобы ближе послушать симфонію и полюбоваться зрѣлищемъ. Какъ скоро симфонія кончилась, занавѣсь опустилась, всѣ усѣлись за столы, и послѣ втораго блюда послышались трубы и литавры, явился скоморохъ и началъ кричать: милостивые государи и милостивыя госыдарыни! пожалуйте ко мнѣ, въ моихъ лавочкахъ будетъ даровая лотерія. По обѣимъ бокамъ декораціи поднялись небольшія занавѣси и открылись двѣ маленькія, ярко освѣщенныя лавочки, изъ которыхъ въ одной находился фарфоръ, а въ другой цвѣты, ленты, вѣера, гребенки, гарусъ перчатки, портупеи и тому подобное тряпье, которое было все разобрано по билетамъ. Послѣ раздачи вещей всѣ отправились за десертъ, и потомъ начались танцы, продолжавшіеся до 6 часовъ утра. На этотъ разъ никакая интрига и никакое недоброжелательство не омрачило моего праздника. Его Имп. Высочество и всѣ посѣтители были въ восторгѣ, и то и дѣло хвалили великую княгиню и ея праздникъ; въ самомъ дѣлѣ я не пожалѣла издержекъ; вино находили отличнымъ, ужинъ вкуснѣйшимъ. Все было на мой собственный счетъ, такъ я истратила отъ 10 до 15 тысячь рублей, получая въ годъ всего 30 тысячь. Но праздникъ этотъ могъ обойтись мнѣ еще дороже: въ самый день 17 Іюля я поѣхала въ ка-

бріолетѣ съ Нарышкиною посмотрѣть все ли сдѣлано какъ слѣдуетъ; и когда выходила изъ кабріолета и уже стала на подножку, лошадь вдругъ дернула, и я упала на колѣни наземъ; тогда шелъ четвертый или пятый мѣсяцъ моей беременности. Я не показала никакого виду, веселилась не меньше другихъ, и ухаживала за моими гостьми, но очень боялась выкинуть; однако все обошлось благополучно, и я отдѣлалась однимъ страхомъ. Великій князь, всѣ его приближенные, всѣ его Гольштинцы и даже самые заклятые враги мои въ теченіи нѣсколькихъ дней не переставали восхвалять меня и мой праздникъ; не было ни друга, ни недруга, кто бы не получилъ отъ меня на память какаго нибудь тряпья; и такъ какъ въ этомъ праздникѣ или маскарадѣ участвовало множество народа изъ всѣхъ сословій и въ саду появилось между прочимъ множество женщинъ, которыя иначе никакъ не могли быть при дворѣ и въ моемъ присутствіи, то всѣ хвалились и показывали другъ другу мои подарки, въ сущности очень неважные. Я думаю, не было ни одной вещи, которая бы стоила болѣе ста рублей. Но эти вещи были получены отъ меня, и потому всѣ говорили другъ другу: это получена мною отъ Ея Имп. Высочества великой княгини, она необыкновенно добра, она всѣхъ обдарила, она прелесть какъ мила, она глядѣла на меня такъ снисходительно, она улыбалась такъ прекрасно, она заставляла насъ танцовать, изволила угощать, гулять съ нами, отводила мѣста у кого не было мѣстъ, сама все показывала всѣмъ и была необыкновенно весела. Словомъ, во мнѣ открыли свойства, которыхъ прежде не знали за мною, и я обезоружила враговъ моихъ, что и

было моей цѣлью. Впрочемъ, какъ мы увидимъ, это продолжалось недолго.

Послѣ этаго праздника Левъ Нарышкинъ по прежнему началъ ходить ко мнѣ. Однажды я застала его въ своемъ кабинетѣ; онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла; видя такую невѣжливость, я тотчасъ вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ, которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пучекъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумазбродное поведеніе и выучить его уважать насъ. Нарышкина охотно согласилась, мы велѣли принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяли съ собою одну изъ моихъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну, и всѣ три пошли въ мой кабинетъ: Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Увидавъ насъ, онъ хотѣлъ убѣжать; но мы успѣли настрекать ему руки, ноги и лице, такъ что онъ дня два или долженъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать что съ нимъ случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣйшей непріятности, которую онъ намъ сдѣлаетъ, мы возобновимъ наше наказаніе; такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Мы все это дѣлали какъ будто шутя и вовсе безъ злобы; но тѣмъ не менѣе проучили Нарышкина, по крайнѣй мѣрѣ онъ сдѣлался тише прежняго.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, въ Ораніенбаумѣ, мы узнали, что 14-го числа происходило Цорндорфское сраженіе, самое кровопролитное во всемъ столѣтіи; съ обѣихъ сторонъ считали убитыми и ранеными слишкомъ по 20-ти тысячь человѣкъ;

мы лишились множества офицеровъ, до 1200. Насъ извѣстили объ этомъ сраженіи какъ о побѣдѣ, но шопотомъ передавалось извѣстіе, что потери съ обѣихъ сторонъ были одинаковы, что въ теченіи трехъ дней оба непріятельскія войска не смѣли приписывать себѣ побѣды, и что наконецъ на третій день Король Прусскій въ своемъ лагерѣ, а генералъ Ферморъ на послѣ битвы служили благодарственные молебны. Императрица и весь городъ были поражены скорбью, когда сдѣлались извѣстны подробности этого кроваваго дня; многіе лишились родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Долгое время только и было слуховъ, что о потеряхъ. Много генераловъ было убито, ранено, либо взято въ плѣнъ. Наконецъ убѣдились въ неспособности генерала Формора и въ томъ, что онъ вовсе человѣкъ не воинственный. Дворъ отозвалъ его, и на его мѣсто главнокомандующимъ Русской арміи въ Пруссіи назначенъ былъ генералъ графъ Петръ Салтыковъ, котораго для этого вызвали изъ Украйны, гдѣ онъ стоялъ съ полками. До его пріѣзда начальство надъ арміею поручено было генералу Фролову-Багрѣеву, но съ секретнымъ предписаніемъ ничего не дѣлать безъ совѣта съ второстепенными генералами, графомъ Румянцовымъ и его зятемъ княземъ Александромъ Голицынымъ. Румянцева обвиняли въ томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 10,000 человѣкъ и находясь недалеко отъ поля битвы, на высотахъ, куда къ нему долетали пушечные выстрѣлы, онъ могъ бы сдѣлать битву болѣе рѣшительною, если бы ударилъ въ тылъ Прусской арміи въ то время, какъ она дралась съ нашею: графъ Румянцовъ этого не сдѣлалъ, и когда зять его князь Голицынъ послѣ битвы пріѣхалъ къ нему въ лагерь, сталъ

разсказывать ему о бывшемъ кровопролитіи, тотъ принялъ его очень дурно, наговорилъ ему разныхъ грубостей и послѣ этого не хотѣлъ съ нимъ знаться, называя его трусомъ, чѣмъ князь Голицынъ вовсе не былъ; не смотря на побѣды Румянцева и на теперешнюю славу его, вся армія убѣждена, что онъ уступаетъ Голицыну въ храбрости.

Въ началѣ Сентября Императрица находилась въ Царскомъ Селѣ. Осьмаго числа, въ день Рождества Богородицы, она пошла изъ дворца пѣшкомъ къ обѣднѣ въ приходскую церковь, находящуюся въ двухъ шагахъ отъ воротъ, къ сѣверу. Только что началась служба, она почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по крыльцу, которое ведетъ на искось во дворецъ, и дошедши до угла церкви, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народу, сошедшагося изъ окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Когда она вышла изъ церкви, съ ней никого не было изъ свиты; извѣщенныя дамы и другіе ея приближенные тотчасъ прибѣжали на помощь и нашли Императрицу безъ движенія и безъ сознанія, посреди народа, который глядѣлъ на нее, не смѣя къ нея приблизиться. Она была велика ростомъ и тяжела, и упавши должна была сильно ушибиться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ, и послали за докторомъ и хирургомъ; сей послѣдній пришелъ напередъ и немедленно пустилъ ей кровь, тутъ же на травѣ, посреди и на глазахъ всего народа; но она не приходила въ себя. Доктора долго ждали; онъ самъ былъ боленъ и не могъ ходить; принуждены были принести его на креслѣ. Это былъ Кондоиди, Грекъ родомъ; а хирургъ — Фузадье, французскій эмигрантъ. Наконецъ принесли изъ дворца ширмы

и кушетку, на которую положили Императрицу; съ помощію разныхъ средствъ ее привели немного въ чувство; но открывши глаза, она никого не узнала и едва внятнымъ голосомъ спросила, гдѣ она. Все это продолжалось слишкомъ два часа, по прошествіи которыхъ рѣшились перенесть Императрицу на кушеткѣ во дворецъ. Можно себѣ представить смущеніе, въ которомъ должны были находиться всѣ придворные. Гласность событія еще болѣе увеличивала его непріятность; до сихъ поръ скрывали нездоровье Императрицы, теперь оно сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ. На другой день, поутру въ Ораніенбаумѣ, я получила отъ графа Понятовскаго записку, въ которой онъ извѣщалъ меня о подробностяхъ. Я тотчасъ пошла передать ихъ великому князю, который ничего не зналъ; потому что отъ насъ самымъ тщательнымъ образомъ скрывали вообще все, и въ особенности относившееся лично до Императрицы. Обыкновенно только каждое воскресенье, когда мы жили съ нею не въ одномъ мѣстѣ, одинъ изъ нашихъ кавалеромъ отправлялся узнавать объ ея здоровьи. Мы сдѣлали это въ слѣдующее воскресенье, и узнала, что въ теченіи нѣсколькихъ дней Императрица оставалась безъ свободнаго употребленія языка, и что до сихъ поръ еще она говоритъ не совсѣмъ внятно. Разсказывали, что въ обморокѣ она прикусила себѣ языкъ. Все это заставляло предполагать, что слабость ея была болѣе слѣдствіемъ конвульсій, нежели обморока. — Въ исходѣ Сентября мы возвратились въ городъ.

По причинѣ беременности, я не выходила больше въ публику, ошибочно разсчитывая срокъ родинъ моихъ. Это не было пріятно великому князю,

потому что, когда я выходила, онъ могъ сказываться больнымъ и оставаться у себя въ комнатахъ. Такъ какъ Императрица также появлялась рѣдко, то на мнѣ лежала обязанность хозяйничать на куртагахъ, придворныхъ праздникахъ и балахъ; въ случаѣ же моей болѣзни, чтобы кто нибудь изъ насъ былъ въ публикѣ, заставляли выходить Его И. Высочество. Такимъ образомъ моя беременность не нравилась великому князю, и разъ, у себя въ комнатѣ, въ присутствіи Льва Нарыщкина и многихъ другихъ, онъ вздумалъ сказать: „Богъ знаетъ, откуда моя жена беременѣетъ; я не знаю навѣрное, мой ли это ребенокъ, и долженъ ли я признавать его своимъ." Левъ Нарышкинъ въ ту же минуту прибѣжалъ ко мнѣ и передалъ мнѣ этотъ отзывъ. Это, разумѣется, испугало меня, я сказала Нарышкину: вы не умѣли найтись; ступайте къ нему и потребуйте отъ него клятвы въ томъ, что онъ не спалъ съ своею женою, и скажите, что какъ скоро онъ поклянется, Вы тотчасъ пойдете донести о томъ Александру Шувалову, какъ начальнику Тайной канцеляріи. Левъ Нарышкинъ дѣйствительно пошелъ къ великому князю и потребовалъ отъ него этой клятвы, на что тотъ отвѣчалъ: Убирайтесь къ чорту и не говорите мнѣ больше объ этомъ. Слова великаго князя, произнесенныя съ такимъ безразсудствомъ, очень меня разсердили, и съ тѣхъ поръ я увидала, что мнѣ остаются на выборъ три, равно опасные и трудные, пути: 1-е Раздѣлить судьбу великаго князя, какая она ни будетъ; 2-е находиться въ постоянной зависимости отъ него и ждать что ему угодно будетъ сдѣлать со мною; 3-е дѣйствовать такъ, чтобы не быть въ зависимости ни отъ какаго событія. Сказать

яснѣе, я должна была либо погибнуть съ нимъ, или отъ него, либо спасти самое себя, моихъ дѣтей и можетъ быть все государство отъ тѣхъ гибельныхъ опасностей, въ которыя несомнѣнно вергли бы ихъ и меня нравственныя и физическія качества этого государя. Послѣдній путь казался мнѣ наиболѣе надежнымъ; поэтому я рѣшилась по прежнему, сколько могла и умѣла, давать ему благіе совѣты, но не упорствовать, когда онъ имъ не слѣдовалъ, и не сердить его, какъ прежде; указывать ему его настоящія выгоды всякій разъ какъ представится къ тому случай, но въ остальное время хранить самое строгое молчаніе, и съ другой стороны соблюдать свои интересы по отношенію къ публикѣ, такъ чтобы сія послѣдняя видѣла во мнѣ спасительницу общественнаго блага.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ великой Канцлеръ графъ Бестужевъ увѣдомилъ меня, что король Польскій прислалъ графу Понятовскому отзывныя грамоты; графъ Бестужевъ имѣлъ по этому случаю горячую переписку съ графомъ Брюлемъ и Саксонскимъ Кабинетомъ, негодуя, за чѣмъ они, какъ прежде, не посовѣтовались съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ наконецъ узналъ, что все дѣло было устроено происками Вицеканцлера графа Воронцова и Ивана Шувалова, которымъ помогалъ Саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Прассъ. Вообще этотъ Прассъ къ удивленію имѣлъ свѣденія о многихъ предметахъ, о которыхъ по видимому ему вовсе не откуда было узнавать; источникъ этихъ свѣдѣній открылся много лѣтъ спустя. Прассъ былъ тайнымъ и весьма скромнымъ любовникомъ жены Вицеканцлера, графини Анны Карловны, урожденной Скавронской, которая и видалась съ нимъ у пріятельницы своей

Самариной, жены Церемоніймейстера. Графъ Бестужевъ потребовалъ у Понятовскаго полученныя имъ отзывныя грамоты и отослалъ ихъ назадъ въ Саксонію подъ предлогомъ несоблюденія формальностей.

Въ ночь съ 8 на 9 Декабря я начала чувствовать боли и приближеніе родовъ; я велѣла Владиславовой извѣстить о томъ великаго князя и гр. А. Шувалова, чтобы онъ могъ доложить Императрицѣ. Черезъ нѣсколько времени явился ко мнѣ въ комнату великій князь въ своемъ Гольштинскомъ мундирѣ, въ сапогахъ со шпорами, повязанный шарфомъ и съ огромною шпагою на боку, *однимъ словомъ въ полномъ парадѣ*. Было около половины третьяго ночи; удивленная его нарядомъ, я спросила, за чѣмъ онъ такъ изысканно одѣлся. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что истинные друзья познаются въ важныхъ случаяхъ жизни, что въ этомъ мундирѣ онъ готовъ исполнить долгъ свой, что долгъ Гольштинскаго офицера по присягѣ защищать герцогскій домъ отъ всѣхъ непріятелей и что такъ какъ я нахожусь въ опасности, то онъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Можно было подумать что онъ шутитъ, но ничуть не бывало, онъ говорилъ очень серьезно; я тотчасъ догадалась, что онъ пьянъ и посовѣтовала ему идти спать, говоря, что придетъ Императрица, и разгнѣвается вдвойнѣ, когда увидитъ его пьянымъ и съ ногъ до головы въ Гольштинскомъ мундирѣ, котораго, какъ я знала, она не могла терпѣть. Я долго уговаривала его идти, и наконецъ съ помощію Владиславовой и бабушки, увѣрявшей, что я еще не такъ скоро рожу, успѣла его выпровадить. Когда онъ ушелъ, пришла Императрица. Она спросила, гдѣ великій князь; ей

сказали, что онъ только что вышелъ и придетъ назадъ. Такъ какъ боли мои утихли, и бабушка говорила, что остается еще нѣсколько часовъ до родинъ, то Императрица удалилась въ свои покои, а я легла въ постелъ и заснула. На утро я встала по обыкновенію, чувствуя по временамъ боли, и потомъ нѣсколько часовъ сряду оставаясь спокойною. Къ вечеру мнѣ захотѣлось ѣсть, и я велѣла принести себѣ ужинъ. Бабушка, сидѣвшая, съ какою алчностью я ѣмъ, говорила: кушайте, кушайте — этотъ ужинъ вамъ будетъ полезенъ. Дѣйствительно, окончавши ужинъ, я встала изъ-за стола, и въ ту самую минуту, какъ встала, со мною сдѣлалась такая боль, что я громко вскрикнула. Бабушка и Владиславова схватили меня подъ руки, уложили на родильную кровать, и велѣли позвать великаго князя и Императрицу. Только что они вошли ко мнѣ въ комнату, какъ 9 декабря, между 10 и 11 часами вечера, я родила дочь. Я просила Императрицу, чтобы она позволила назвать ребенка ея именемъ; но ей угодно было дать имя старшей сестры своей, Герцогини Гольштинской, Анны Петровны, матери великаго князя. Сей послѣдній по видимому очень радовался рожденію этого дитяти, устроивалъ у себя въ комнатахъ большіе обѣды; велѣлъ праздновать это событіе въ Гольштиніи и съ полнымъ самодовольствіемъ принималъ всѣ поздравленія. На шестой день дочь мою крестили; Императрица была крестною матерью и принесла мнѣ указъ кабинету съ пожалованіемъ мнѣ 60,000 рублей; столько же она приказала выдать и великому князю, что еще больше его обрадовало. Послѣ окрестинъ начались праздники, на которыхъ, какъ говорили, было очень весело; но я ни одного изъ

нихъ не видала, оставаясь въ своей постели, одна одинехонька, рѣшительно безъ всякаго общества. Только что я родила, Императрица въ этотъ разъ, какъ и въ первый, унесла ребенка къ себѣ въ комнаты, и меня, подъ предлогомъ необходимаго мнѣ спокойствія, оставили, безъ всякаго сожалѣнія, совершенно одну: никто не приходилъ ко мнѣ въ комнаты, никто не спрашивалъ и не присылалъ спрашивать о моемъ здоровьѣ. Какъ и въ первый разъ, я очень огорчалась этимъ забвеньемъ; но теперь я приняла всѣ возможныя предосторожности противъ сквознаго вѣтра и неудобствъ помѣщенія; послѣ родовъ я не оставляла постели, и такъ какъ никто не смѣлъ приходить ко мнѣ, развѣ украдкою, то я рѣшилась помочь и этому горю. Кровать моя стояла почти по серединѣ довольно длинной комнаты; окна были съ правой стороны отъ кровати; незамѣтная дверь вела въ комнату съ гардеробомъ, которая была загромождена ширмами и сундуками и служила также переднею комнатою. Начиная отъ постели до этой двери я велѣла поставить огромныя ширмы, за которыми образовался чудеснѣйшій кабинетъ, какой можно себѣ вообразить, взявъ во вниманіе мѣстность и обстоятельства. Въ этомъ кабинетѣ у меня стоялъ диванъ, были зеркала, передвижные столы и нѣсколько стульевъ. Когда я задергивала занавѣски моей постели съ этого боку, то ничего не было видно; а отдернувши ихъ, я видѣла кабинетъ мой и тѣхъ, кто въ немъ сидѣли. Приходившіе въ комнату видѣли только ширмы, и когда спрашивали, что у меня за ширмами, имъ отвѣчали, что тамъ стоитъ судно, котораго, разумѣется, никто не любопытствовалъ видѣть; впрочемъ и его можно было пока-

зать, не показывая кабинета, загороженнаго ширмами.

1 Января 1759 года придворные праздники заключились великолѣпнѣйшимъ фейерверкомъ, который сожженъ былъ *между баломъ и ужиномъ*. Я все еще считалась родильницей и не являлась ко двору. Передъ сожженіемъ фейерверка графъ Петръ вздумалъ показать мнѣ планъ его; Владиславова сказала ему, что я сплю и что она пойдетъ посмотрѣть, и у меня было мое обыкновенное маленькое общество, состоявшее изъ тѣмъ же лицъ что и прежде, Нарышкиной, Сенявиной, Измаиловой, графа Понятовскаго. Сей послѣдній послѣ своего отзыва сказался больнымъ, но приходилъ ко мнѣ, а позванныя дамы довольно любили меня и предпочитали бесѣду со мною баламъ и праздникамъ. Владиславова не знала навѣрное, кто у меня, но по своей догадливости не сомнѣвалась, что кто нибудь долженъ быть; я еще засвѣтло сказала ей, что отъ скуки раньше лягу спать, и потому она больше не приходила. Услыхавъ отъ графа Шувалова, что онъ желаетъ меня видѣть, она постучалась ко мнѣ во дверь; я задернула занавѣски постели со стороны кабинета, и отозвалась ей, что она можетъ войти. Она вошла и доложила о приходѣ графа П. Шувалова; я велѣла просить. Она пошла звать его; гости мои надрывались со смѣху въ ожиданіи этой забавной сцены, и говорили, что Шуваловъ готовъ будетъ поклясться, что засталъ меня одну въ постели, между тѣмъ какъ одни занавѣски будутъ отдѣлять мою веселую компанію отъ этого важнаго лица, бывшаго въ то время придворнымъ оракуломъ и находившагося въ отличномъ довѣріи у Императрицы. Наконецъ онъ вошелъ и поднесъ

мнѣ планъ своего фейерверка; онъ былъ тогда генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Я тотчасъ стала извиняться въ томъ, что заставила ждать его, и сказала, что только что проснулась, и для этого нарочно протирала себѣ глаза. Я солгала, чтобы не выдать Владиславову. Послѣ этого я вела съ нимъ довольно продолжительный разговоръ, такъ что даже онъ самъ сталъ торопиться уйти, чтобы скорѣе начать фейерверкъ и не заставить ждать Императрицу. Я распростилась съ нимъ, и когда онъ ушелъ, я снова отдернула занавѣски. Гостямъ моимъ, послѣ долгаго хохоту, захотѣлось пить и ѣсть, и я сказала имъ: будьте спокойны, мы достанемъ то и другое; было бы очень несправедливо морить васъ голодомъ за вашу любезность ко мнѣ и за то, что вы пришли навѣстить меня. Я снова задернула занавѣски и позвонила. Вошла Владиславова, и я сказала ей, чтобы она велѣла принести мнѣ ужинъ, прибавивъ, что чувствую страшный апетитъ, и что мнѣ надо покрайней мѣрѣ шесть кушаній. Когда ужинъ былъ готовъ и его пододвинули къ моей постели и сказала лакею, чтобы онъ шелъ. Тогда гости мои вышли изъ за ширмъ и какъ голодные принялись за ужинъ; веселость усиливала апетитъ. Я не помню въ жизни другаго вечера, который бы прошелъ такъ весело и забавно. Когда всѣ наѣлись, я велѣла точно также, какъ и прежде, унести остатки ужина. Должно быть только лакеи нѣсколько были удивлены моимъ необыкновеннымъ апетитомъ. При дворѣ оканчивался ужинъ, когда гости мои отправились по домамъ, очень довольные проведеннымъ вечеромъ. Графъ Понятовскій, уходя, обыкновенно надѣвалъ русскій парикъ и шинель, и когда часовые спрашивали, кто идетъ,

онъ отвѣчалъ: музыкантъ великаго князя. Мы много смѣялись въ этотъ вечеръ надъ русскимъ парикомъ.

Въ этотъ разъ, по истеченіи шести недѣль, я брала молитву въ Императрицыной церкви, въ присутствіи одного только графа А. Шувалова. Въ исходѣ масляницы, по окончаніи всѣхъ городскихъ праздниковъ, при дворѣ было три свадьбы. Гр. Александръ Строгоновъ женился на графинѣ Аннѣ Воронцовой, дочери Вицеканцлера; черезъ два дни потомъ Левъ Нарышкинъ на Закревской и въ тотъ же день графъ Бутурлинъ на графинѣ Маріи Воронцовой. Всѣ три дѣвицы были фрейлинами Императрицы и по случаю этихъ трехъ свадебъ Гетманъ Разумовскій и Датскій министръ графъ Остенъ держали пари, кто изъ троихъ молодыхъ супруговъ первый украсится рогами. Такимъ оказался графъ Строгоновъ, хотя супруга его была всѣхъ хуже лицемъ и въ то время слыла невиннымъ ребенкомъ. День накануиѣ свадьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина былъ очень несчастнымъ днемъ. Съ давнихъ поръ ходили тайные слухи о томъ, что значеніе великаго канцлера графа Бестужева ослабѣваетъ, и что непріятели одолѣваютъ его. Онъ лишился друга своего, генерала Апраксина. Графъ Разумовскій старшій долгое время держалъ его сторону, но съ тѣхъ поръ какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, онъ больше ни во что не вмѣшивался, и только изрѣдка, когда представлялся случай, ходатайствовалъ по не важнымъ дѣламъ за своихъ родственниковъ и друзей. Шуваловы и М. Воронцовъ были подстрѣкаемы въ ненависти своей къ великому канцлеру послами Австрійскимъ, графомъ Эстергази, и Французскимъ, маркизомъ

Лопиталемъ, который былъ увѣренъ, что графъ Бестужевъ болѣе склоненъ къ союзу Россіи съ Англіей, нежели съ Франціею. Австрійскій посолъ интриговалъ противъ графа Бестужева, за то, что онъ настаивалъ, чтобы Россія слѣдуя союзному трактату, высылала Маріи Терезіи только вспомагательное войско, а не употребляла на войну противъ Прусскаго Короля всѣхъ силъ своихъ. Графъ Бестужевъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ патріотъ, и его трудно было водить за носъ; между тѣмъ какъ М. Воронцовъ, Иванъ Шуваловъ находились совершенно подъ вліяніемъ обоихъ пословъ. Недѣли за двѣ до паденія Бестужева, Французскій посолъ маркизъ Лопиталь явился къ Вицеканцлеру Воронцову съ депешею въ рукѣ и сказалъ ему: „Графъ, вотъ депеша, которую я получилъ отъ двора своего; въ ней сказано, что если Вы черезъ двѣ недѣли не заступите мѣсто великаго канцлера, то я долженъ обратится къ нему и вести дѣла исключительно съ нимъ.“ Воронцовъ разгорячился и отправился къ Ивану Шувалову, послѣ чего представили Императрицѣ, будто вліяніе графа Бестужева омрачаетъ ея славу въ Европѣ. Императрица приказала въ тотъ же вечеръ собрать конференцію и позвать на нее великаго канцлера. Тотъ сказался больнымъ; тогда болѣзнь эту назвали неповиновеніемъ, и послали сказать ему, чтобы онъ немедленно былъ. Бестужевъ явился; и въ полномъ собраніи конференціи его арестовали, лишили должностей, чиновъ и орденовъ, хотя рѣшительно никто не могъ сообразить, за какія вины постигаетъ такая немилость перваго государственнаго человѣка. Его отослали домой подъ присмотромъ заранѣе назначенной роты гвардейскихъ гренадеровъ, которые, проходя берегомъ

Мойки, гдѣ находились дома графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, говорили между собой: „Ну, слава Богу, мы теперь возмемъ этихъ проклятыхъ Шуваловыхъ; они только и дѣлаютъ, что выдумываютъ пошлины;" но когда имъ велѣно было стеречь Бестужева, они говорили: „Это не онъ, это другіе обираютъ народъ." Хотя графъ Бестужевъ былъ арестованъ въ самомъ дворцѣ и не далеко отъ флигеля гдѣ мы жили, въ тотъ вечеръ мы ничего не узнали: до такой степени тщательно скрывали отъ насъ все происходившее. На утро, въ Воскресенье, когда я проснулась, мнѣ принесли отъ Льва Нарышкина (который давно уже сдѣлался опять надеженъ) записку гр. Понятовскаго. Записка эта начиналась слѣдующими словами: „Человѣкъ никогда не бываетъ лишенъ всѣхъ средствъ. Пользуюсь этимъ путемъ, чтобы увѣдомить Васъ, что вчера вечеромъ гр. Бестужевъ взятъ подъ стражу и лишенъ всѣхъ должностей и чиновъ; съ нимъ вмѣстѣ также Вашъ бриліянтщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ." Эти строки ошеломили меня. Перечитавши ихъ, я сообразила, что мнѣ нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанной въ это дѣло. Чтобы понять это, нужно слѣдующее объясненіе. Бернарди, довольно умный Итальянецъ, торговалъ бриліантами, и поэтому имѣлъ доступъ во всѣ дома. Я думаю, не было дома, который бы не задолжалъ ему, и которому бы онъ не оказалъ какую либо небольшую услугу. Такъ какъ онъ безпрестанно бывалъ вездѣ, то на него возлагались иногда разныя порученія: записка, посланная черезъ Бернарди, всегда доходила вѣрнѣе и скорѣе, нежели черезъ лакеевъ. Такимъ образомъ арестъ его встревожилъ весь городъ; онъ для всѣхъ исполнялъ комиссіи, и для меня также

какъ и для другихъ. Елагинъ былъ нѣкогда адъютантомъ у оберъегермейстера графа Разумовскаго, въ то время какъ тотъ держалъ у себя подъ опекою Бекетова, и остался домашнимъ у Разумовскихъ. Онъ былъ друженъ съ графомъ Понятовскимъ, вообще былъ человѣкъ честный и надежный; стоило однажды пріобрѣсти его расположеніе, чтобы больше не сомнѣваться въ немъ. Онъ всегда показывалъ усердіе и особенную привязанность ко мнѣ. Ададуровъ нѣкогда училъ меня Русскому языку и съ тѣхъ поръ очень былъ привязанъ ко мнѣ. Я замолвила о немъ слово графу Бестужеву, который сначала не любилъ его за сношенія съ врагомъ его, княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, и лишь въ послѣдніе два — три года сталъ довѣрялся ему. Когда я прочитала записку графа Понятовскаго и стала размышлять о ней, тысячи ощущеній, одно другаго непріятнѣе, наполнили мою душу. Словно съ кинжаломъ въ сердцѣ, я одѣлась и пошла къ обѣднѣ, гдѣ мнѣ показалось, что почти всѣ, кого я встрѣчала, ходили съ такими же длинными лицами, какъ и я. Никто во весь день ничего не говорилъ мнѣ, какъ будто не было извѣстно о случившемся. Я тоже хранила молчаніе. Великій князь никогда не любилъ графа Бестужева. Онъ мнѣ показался довольно веселъ въ этотъ день, но изъ его обращенія ничего не было видно, хотя онъ держался довольно далеко отъ меня. Вечеромъ надобно было идти на свадьбу. Я снова одѣлась и присутствовала на вѣнчаніи графа Бутурлина и Льва Нарышкина, на ужинѣ и на балѣ. Во время танцевъ я подошла къ маршалу свадьбы князю Никитѣ Трубецкому, какъ будто посмотрѣть ленты на его маршалскомъ жезлѣ, и сказала ему

въ полголоса: „Что все это значитъ? Нашли ли Вы больше преступленій, нежели преступниковъ, или у Васъ больше преступниковъ, нежели преступленій?“ На это онъ мнѣ сказалъ: „Мы сдѣлали, что намъ было приказано, а преступленій еще ищутъ. До сихъ поръ поиски неудаются.“ Послѣ разговора съ нимъ, я пошла разговаривать съ фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который сказалъ мнѣ: „Бестужевъ арестованъ, но теперь мы ищемъ причины ареста.“ Такъ говорили два слѣдователя, назначенные Императрицею по дѣлу Бестужева. Его арестовалъ графъ Александръ Шуваловъ. На этомъ балу я видѣла издали Штамбке и замѣтила, что онъ печаленъ и смущенъ. Императрица не присутствовала ни на одной изъ этихъ свадебъ, ни въ церквѣ, ни на пиру. На другой день пришелъ ко мнѣ Штамбке и сказалъ, что Бестужевъ прислалъ ему записку, въ которой поручалъ ему передать мнѣ, чтобъ я не тревожилась на счетъ того, что я знаю и увѣдомлялъ, что успѣлъ бросить въ огонь, и что когда его станутъ допрашивать, онъ сообщитъ ему обо всемъ тѣмъ же путемъ. Я спросила Штамбке, какой это путь, и узнала что записку Бестужева доставилъ ему трубачъ-егерь графа, и что они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки въ назначенное мѣсто между кирпичами, недалеко отъ дома гр. Бестужева. Я велѣла Штамбке, который самъ былъ, какъ мнѣ казалось, въ великомъ страхѣ, быть какъ можно осторожнѣе, чтобы эта опасная переписка не открылась. Тѣмъ не менѣе онъ и гр. Понятовскій продолжали сноситься съ гр. Бестужевымъ. Когда Штамбке ушелъ, я кликнула Владиславову, и велѣла ей отправиться къ ея зятю Пуговошникову

и отдать ему отъ меня записку, которую я ему написала въ слѣдующихъ словахъ: „Вамъ нечего бояться; все успѣли сжечь.“ Эти слова его успокоили; послѣ ареста Бестужева онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Вотъ чего онъ долженъ былъ бояться за себя, и вотъ что успѣлъ сжечь гр. Бестужевъ, Болѣзненное состояніе Императрицы и ея частыя конвульсіи заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Гр. Бестужевъ, и по мѣсту своему и по своимъ способностямъ конечно не менѣе другихъ долженъ былъ заботится о томъ что предстояло. Онъ зналъ, что великому князю съ давнихъ поръ внушено къ нему отвращеніе. Ему очень хорошо была извѣстна умственная слабость этого Государя, рожденнаго наслѣдникомъ стольких престоловъ. Очень естественно было, что этотъ государственный человѣкъ какъ и всякій другой, желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ, который сначала отдаляли меня отъ него. Кромѣ того, въ личномъ отношеніи, онъ можетъ быть, считалъ меня единственнымъ существомъ, на которомъ, въ случаѣ смерти Императрицы, могла быть основана надежда общества. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ размышленій, онъ составилъ планъ, чтобы, какъ скоро Императрица скончается, великій князь по праву былъ 'объявленъ Императоромъ, но чтобы въ то же время мнѣ было предоставлено публичное участіе въ управленіи; всѣ лица должны были остаться при своихъ мѣстахъ; Бестужевъ, получалъ званіе подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и предсѣдательство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ, иностранной, военной и адмиралтейской. Такимъ образомъ желанія его были чрезмѣрны. Онъ прислалъ мнѣ проэктъ этого мани-

феста, писанный рукою Пуговошникова; но я, поговоривъ съ гр. Понятовскимъ, чрезъ котораго манифестъ былъ мнѣ доставленъ, отвѣчала ему словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, и считаю, что ихъ очень трудно исполнить. Онъ писалъ и переписывалъ свой проэктъ много разъ, перемѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ по видимому имъ очень занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на его проэктъ почти какъ на бредни и какъ на приманку, посредствомъ которой этотъ старикъ хотѣлъ больше войдти ко мнѣ въ довѣренность; но я не думала поддаваться, потому что считала проэктъ этотъ вреднымъ для Государства, долженствовавшаго терпѣть отъ малѣйшей ссоры между мною и не любившимъ меня мужемъ; но такъ какъ все это были еще одни предположенія, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику, котораго трудно было разъ убѣдить, когда онъ что нибудь забиралъ себѣ въ голову. Этотъ-то проэктъ онъ успѣлъ сжечь, о чѣмъ и увѣдомилъ тѣхъ, которые о немъ знали.

Между тѣмъ камердинеръ мой Шкуринъ сказалъ мнѣ, что капитанъ, приставленный сторожить графа Бестужева, его давнишній пріятель, у котораго онъ обѣдаетъ каждое воскресенье, когда уходитъ отъ двора. Я ему сказала, что если это такъ и что если онъ можетъ расчитывать на капитана, то чтобъ постарался узнать, не согласится ли онъ ослабить надзоръ надъ своимъ плѣнникомъ. Это тѣмъ болѣе было нужно, что гр. Бестужевъ своимъ путемъ увѣдомилъ Штамбке о необходимости извѣстить Бернарди, чтобы онъ на допросахъ говорилъ сущую правду, и въ тоже время дать знать ему, о чемъ станутъ его допрашивать.

Когда я узнала, что Шкуринъ охотно берется открыть доступъ къ гр. Бестужеву, я сказала ему, чтобы онъ постарался также найдти средства для сношенія съ Бернарди, и похлопоталъ, нѣтъ ли возможности склонить къ тому сержанта или солдата, у котораго Бернарди находился подъарестомъ. Въ тотъ же день вечеромъ Шкуринъ донесъ мнѣ, что Бернарди находился подъ арестомъ у гвардейскаго сержанта Калышкина, и что онъ завтра будетъ имѣть свиданіе съ тимъ последнимъ. Къ пріятелю своему, капитану, стороживтему гр. Бестужева, Шкуринъ посылалъ спрашивать, можетъ ли онъ съ нимъ видѣться, и получилъ въ отвѣтъ, что если хочетъ поговорить съ нимъ, то чтобъ приходилъ къ нему; но одинъ изъ его подначальныхъ, котораго Шкуринъ также зналъ, и который былъ его родственникъ, отсовѣтовалъ ему идти, сказавши, что капитанъ хвастался наединѣ, что какъ скоро Шкуринъ придетъ, онъ его возметъ подъ арестъ, и тѣмъ выслужится передъ начальствомъ. Такимъ образомъ Шкуринъ пересталъ посылать къ капитану, своему ложному другу. За то Калышкинъ, съ которымъ я велѣла говорить отъ моего имени, передавалъ Бернарди все что угодно; и оба они исполняли наши приказанія, чѣмъ болѣе, что должны были говорить сущую правду.

Черезъ нѣсколько дней, очень рано по утру, явился ко мнѣ въ комнату Штамбке, блѣдный и разстроенный, и сказалъ, что переписка его и гр. Понятовскаго съ гр. Бестужевымъ открыта, что маленькій трубачь-егерь схваченъ, что по всему вѣроятію ихъ послѣднія письма попались въ руки сторожившимъ гр. Бестужева людямъ, что онъ самъ каждую минуту ждетъ, если не ареста, такъ

высылки, и что онъ пришелъ сказать мнѣ все это и проститься со мной. Получивъ такое извѣстіе, я, разумѣется, встревожилась. Я утѣшала его какъ могла, и сказала ему, чтобъ онъ уходилъ, такъ какъ его посѣщеніе можетъ подать поводъ еще къ большимъ непріятностямъ для меня, и что отъ меня могутъ послѣ этого отворачиваться, какъ отъ лица, находящагося въ подозрѣніи у правительства. Тѣмъ не менѣе я была убѣждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малѣйшаго упрека. Вообще, кромѣ Михайла Воронцова, Ивана Шувалова, двухъ пословъ, Вѣнскаго и Версальскаго и тѣхъ людей, которые находились подъ ихъ вліяніемъ, всѣ въ Петербургѣ, большіе и малые, были увѣрены, что гр. Бестужевъ былъ невиненъ, что онъ управлялъ дѣлами какъ слѣдуетъ и не совершилъ никакаго преступленія. Всѣмъ было извѣстно, что на другой день послѣ ареста, господину Волкову, нѣкогда первому чиновнику у гр. Бестужева, который въ 1755-мъ году спасся отъ него, и побродивъ по лѣсамъ, снова появился, и въ настоящее время былъ первымъ секретаремъ конференціи, велѣно было въ комнатѣ Ив. Шувалова написать манифестъ и представить публикѣ причины, побудившія Императрицу поступить такъ съ великимъ канцлеромъ. Волковъ и патроны его, на этомъ тайномъ сходбищѣ, ломали себѣ головы, отъискивая преступленій; наконецъ придумали оскорбленіе Величества, написали, будто Бестужевъ старался поселить несогласіе между Ея Им. Величествомъ и Ихъ Им. Высочествами и хотѣли, на другой же день послѣ ареста, безъ суда и разбора, сослать его въ одну изъ его деревень, лишить всего остальнаго имущества. Но другіе стали говорить, что это уже

слишкомъ ссылать человѣка безъ вины и суда, что по крайнѣй мѣрѣ слѣдуетъ искать преступленій въ надеждѣ найдти ихъ, и что если они не найдутся, то все таки слѣдуетъ нарядить слѣдственную комиссію надъ Бестужевымъ, лишеннымъ, неизвѣстно почему, должностей, чиновъ и орденовъ. Слѣдователи эти были, какъ я уже сказала, Фельдмаршалъ Бутурлинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкій и генералъ графъ А. Шуваловъ; при нихъ секретаремъ Волковъ. Господа слѣдователи прежде всего предписали, черезъ Иностранную Коллегію, всѣмъ посламъ, посланникамъ и уполномоченнымъ Россіи при Иностранныхъ дворахъ прислать копіи съ депешъ, которыя они получали отъ гр. Бестужева, съ тѣхъ поръ какъ онъ управлялъ дѣлами. Это было сдѣлано для того, чтобы отъискать въ депешахъ преступленій. Говорили, будто онъ писалъ что хотѣлъ, и въ противность приказаній Императрицы. Но такъ какъ Ея Величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было дѣйствовать противъ ея приказаній; что же касается до личныхъ повелѣній, то Императрица почти вовсе не давала ихъ великому канцлеру, который по цѣлымъ годамъ не имѣлъ даже случая ее видѣть; а личныя повелѣнія черезъ третье лице, если разбирать строго, могли быть дурно поняты, дурно переданы и дурно исполнены. Но изъ всего этого ничего не вышло; никто изъ чиновниковъ не захотѣлъ дать себѣ труда перебирать свой архивъ за двадцать лѣтъ, и снимать копіи для того, чтобы отъискивать въ нихъ преступленія противъ человѣка, по распоряженіямъ и инструкціямъ котораго они дѣйствовали, и слѣдовательно сами могли быть замѣшаны и донесли бы на самихъ себя. Кромѣ того одна пересылка такихъ архивовъ должна была

ввести казну въ значительныя издержки; а по привозѣ въ Петербургъ, нужны были многіе годы и много терпѣливыхъ людей, чтобы отъискать и дорыться въ этихъ бумагахъ чего въ нихъ можетъ быть вовсе не было. Такимъ образомъ это предписаніе никогда не было исполнено, самое дѣло наскучило, и черезъ годъ было окончено обнародованіемъ манифеста, который начали сочинять на другой день послѣ взятія великаго канцлера подъ стражу.

Въ самый тотъ день, когда приходилъ ко мнѣ Штамбке, послѣ обѣда Императрица велѣла сказать великому князю, чтобы онъ отослалъ его въ Гольштинію, что его слѣдовало бы взять подъ арестъ, такъ какъ открыты его сношенія съ Бестужевымъ, но что въ качествѣ министра великаго князя, ему дается свобода, съ тѣмъ однако, чтобы онъ немедленно ѣхалъ домой. Онъ былъ дѣйствительно высланъ и съ его отъѣздомъ окончилось мое завѣдываніе Гольштинскими дѣлами. Великому князю было сказано, что Императрицѣ непріятно мое вмѣшательство въ эти дѣла, да и онъ самъ былъ радъ отставить меня отъ нихъ. Я не помню, кого онъ взялъ на мѣсто Штамбке; кажется какого-то Вольфа. Послѣ этого Русское министерство формально потребовало отъ Польскаго Короля, чтобы Графъ Понятовскій былъ отозванъ; въ бумагахъ Бестужева нашли его записку, и хотя она была самаго невиннаго содержанія, но все же была адресована къ такъ называемому государственному арестанту. Узнавши о высылѣ Штамбке и о предстоявшемъ отъѣздѣ графа Понятовскаго, я не предвидѣла для себя ничего хорошаго и рѣшилась сдѣлать слѣдующее. Я кликнула камердинера моего Шкурина и приказала ему собрать всѣ мои счеты и

всѣ до одной бумаги, какія найдутся въ моихъ вещахъ, и принести ихъ ко мнѣ. Онъ исполнилъ это приказаніе съ усердіемъ и точностью. Когда все было принесено ко мнѣ въ комнату, я его выслала.

Когда онъ ушелъ, я бросила всѣ эти тетради въ огонь, и какъ скоро онѣ запылали, я позвала опять Шкурина и сказала ему: „Смотри, будь свидѣтелемъ, что всѣ мои бумаги и счеты сожжены, и если когда нибудь будутъ тебя спрашивать гдѣ они, ты можешь поклясться, что видѣлъ какъ я сама сожгла ихъ.“ Онъ поблагодарилъ меня за мою заботливость о немъ и сказалъ мнѣ, что захваченныхъ людей стали сторожить совсѣмъ иначе противъ прежняго. Послѣ открытія переписки Штамбке съ графомъ Бестужевымъ, стали строже слѣдить за симъ послѣднимъ и съ этою цѣлью взяли отъ Бернарди сержанта Калышкина и приставили его къ комнатѣ и особѣ бывшаго Канцлера. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Калышкинъ выпросилъ, чтобы ему дали нѣкоторыхъ изъ приверженныхъ къ нему солдатъ, которыхъ онъ имѣлъ, когда сторожилъ Бернарди. Такимъ образомъ мы съ Шкуринымъ имѣли въ комнатѣ гр. Бестужева умнаго и самаго надежнаго для насъ человѣка, сохраняя при томъ возможность сноситься съ Бернарди. Между тѣмъ слѣдствіе надъ графомъ Бестужевымъ продолжалось. Калышкинъ открылся ему въ своей преданности ко мнѣ, и дѣйствительно оказалъ ему множество услугъ. Онъ наровнѣ со мною былъ вполнѣ увѣренъ въ невинности гр. Бестужева, и смотрѣлъ на него какъ на жертву сильныхъ интригантовъ; публика была тѣхъ же мыслей. Что касается до великаго князя, то я видѣла, что его запугали, и

натолковали ему, будто Штамбке съ моего вѣдома переписывался съ государственнымъ преступникомъ. Я замѣчала, что Его Им. Высочество почти не смѣлъ говорить со мною и избѣгалъ случая приходить ко мнѣ въ комнату, гдѣ я оставалась въ это время одна одинехонька, не видя души человѣческой. Я сама нарочно никого не приглашала къ себѣ, боясь подвергнуть посѣтителей какой нибудь непріятности или несчастію. Тоже самое при дворѣ, чтобы отъ меня не отворачивались, я нарочно не подходила къ тѣмъ, на кого могло пасть подозрѣніе.

Въ послѣдніе дни масляницы на придворномъ театрѣ давали Русскую комедію. Графъ Понятовскій просилъ меня придти на нее, потому что начали распространятся слухи, будто меня хотятъ выслать, будто не позволятъ мнѣ являться въ публику и тому подобное, и всякій разъ какъ меня не было на спектаклѣ или при дворѣ, публика, можетъ быть столько же изъ любопытства сколько изъ участія ко мнѣ, принималась толковать, почему меня нѣтъ. Я узнала, что великій князь терпѣть не могъ Русской комедіи, и даже сердился, когда его звали на нее; на этотъ разъ сверхъ отвращенія къ народной комедіи онъ имѣлъ еще другую причину и даже личный интересъ не желать, чтобы я на нее ѣхала: въ это время графиня Елисавета Воронцова еще не ходила къ нему; онъ видался и любезничалъ съ нею въ передней комнатѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла съ остальными фрейлинами; если бы я поѣхала на комедію, эти дѣвицы должны были сопровождать меня, и такимъ образомъ Его И. Высочеству нечего было бы дѣлать какъ идти пить у себя въ комнатахъ. Но давъ слово быть на комедіи, я не хотѣла обра-

щать вниманіе на это обстоятельство, и послала сказать графу А. Шувалову, чтобы онъ велѣлъ приготовить мнѣ экипажъ, и что я хочу въ этотъ день съѣздить въ театръ. Графъ Шуваловъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мое намѣреніе ѣхать въ комедію не нравится великому князю. Я отвѣчала, что такъ какъ Его Высочество обыкновенно проводитъ время безъ меня, то, кажется, ему все равно, останусь ли я одна въ своей комнатѣ, или проведу вечеръ въ театральной ложѣ. Онъ ушелъ съ этимъ отвѣтомъ, заморгавши глазомъ, какъ всегда дѣлалъ, когда его что нибудь сильно занимало. Черезъ нѣсколько времени въ комнату ко мнѣ явился великій князь; онъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ, кричалъ орломъ и говорилъ, что я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы бѣсить его, что я знаю, какъ онъ не любитъ этой комедіи и для того нарочно вздумала смотрѣть ее. Я возразила ему, что напрасно онъ ея не любитъ. Онъ кричалъ, что запретитъ давать мнѣ экипажъ. Я говорила, что пойду пѣшкомъ и что не понимаю, какая ему охота, чтобъ я умирала со скуки, оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ все мое общество состояло изъ собаки и попугая. Послѣ долгаго спора и обоюдныхъ криковъ, онъ ушелъ, разгнѣвавшись больше, чѣмъ когда либо; а я осталась съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ комедію, и когда пришло время собираться, послала спросить у графа Шувалова, готовы ли экипажи. Онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь запретилъ давать экипажи. Это меня раздражило. Я сказала, что пойду пѣшкомъ, и что если дамамъ и кавалерамъ запретятъ сопровождать меня, то отправлюсь одна, и сверхъ того напишу письмо къ Императрицѣ и пожалуюсь на великаго князя

и на него. Что же Вы напишете? спросилъ онъ. „Напишу,“ отвѣчала я, „какъ со мною обращаются, и объявлю, что Вы, въ угоду великому князю, устроиваете ему свиданія съ моими фрейлинами и потому за одно съ нимъ не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могу имѣть счастіе видѣть Ея И. Величество — сверхъ того, попрошу, чтобъ меня отослали назадъ къ матушкѣ, потому что мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю; оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великомъ княземъ и вовсе не любимая Императрицею, я наконецъ хочу успокоиться, хочу никому не быть въ тягость и не причинять несчастія тѣмъ, кто меня любитъ, и особливо моимъ бѣднымъ людямъ, которыхъ уже столько сослано, единственно потому, что я ихъ любила и дѣлала имъ добро. И такъ знайте, о чемъ я напишу Ея И. Величеству; я посмотрю, какъ Вы не понесете моего письма.“ Мой Шуваловъ испугался такой рѣшительной рѣчи, и ушелъ; а я сѣла писать письмо къ Императрицѣ и написала его по Русски, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла. Я начала съ того, что благодарила ее за всѣ ея милости и благодѣянія, оказанныя мнѣ съ пріѣзда моего въ Россію. По несчастію — продолжала я въ этомъ письмѣ — оказалось, что я не заслуживала этихъ милостей, потому что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное неблагорасположеніе Ея И. Величества; видя мое несчастіе и оставаясь одна въ комнатѣ, гдѣ мнѣ не дозволяютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно прошу положить конецъ моимъ несчастіямъ и отослать меня къ моимъ родственникамъ, какимъ найдутъ приличнѣе способомъ. Что касается до дѣтей моихъ,

то хотя я живу съ ними подъ одною крышею, но вовсе не вижу ихъ, и потому для меня все равно, жить ли съ ними въ одномъ мѣстѣ или въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ нихъ; я знаю, что Ея И. Величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои слабыя способности. Я осмѣливаюсь просить о продолженіи этихъ попеченій, и въ увѣренности, что просьба моя будетъ исполнена, проведу остатокъ дней у моихъ родственниковъ, моля Бога за Ея Величество, за великаго князя, дѣтей моихъ и всѣхъ тѣхъ, которое оказывали мнѣ добро, или даже зло. Горе до такой степени разстроило мое здоровье, что я должна наконецъ позаботиться о немъ и покрайнѣй мѣрѣ спасти жизнь свою, и вслѣдствіе всего этого я прошу Ея Величество дозволить мнѣ поѣхать на воды, и оттуда къ моимъ родственникамъ. Написавъ это письмо, я велѣла позвать графа Шувалова. Онъ пришелъ и сказалъ, что экипажи, которыхъ я спрашивала, готовы. Но я ему сказала, что онъ можетъ объявить дамамъ и кавалерамъ, нежелающимъ ѣхать со мною въ комедію, что я ихъ увольняю отъ этого, и за тѣмъ подала ему письмо къ Императрицѣ. Взявъ письмо, онъ заморгалъ глазомъ; но такъ какъ оно было адресовано къ Ея И. Величеству, то онъ не смѣлъ не доставить его. Онъ передалъ также слова мои дамамъ и кавалерамъ, и великій князь самъ назначилъ кому ѣхать со мною, и кому оставаться съ нимъ. Когда я проходила черезъ переднюю комнату, онъ сидѣлъ въ углу съ графиней Воронцовой и игралъ съ нею въ карты. Увидавъ меня, они оба встали, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Я въ свою очередь тоже отдала низкій поклонъ, и пошла своею

дорогою. Я отправилась въ комедію, гдѣ на этотъ разъ Императрицы не было; думаю, ей помѣшало письмо мое. Когда я возвратилась изъ комедіи, гр. Шуваловъ сказалъ мнѣ, что Ея Величество сама поговоритъ со мною. По всему вѣроятію онъ передалъ великому князю и о моемъ письмѣ и объ отвѣтѣ Императрицы; потому что Его Высочество, хотя съ этого дня не ступалъ ко мнѣ ногою, однако принималъ всевозможныя мѣры, чтобы присутствовать при разговорѣ, который я буду имѣть съ Императрицею, въ чемъ, разумѣется, ему трудно было отказать. Между тѣмъ я оставалась у себя въ комнатѣ и спокойно ожидала, чѣмъ все это кончится. Я была вполнѣ убѣждена, что если дѣйствительно хотѣли меня выслать, или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничтожить это намѣреніе Шуваловыхъ, которому впрочемъ воспротивилась бы и сама Императрица, не любившая вовсе прибѣгать къ подобнаго рода гласнымъ мѣрамъ, кромѣ того помнившая семейныя раздоры Императорскаго дома и конечно не желавшая, чтобы они возобновились при ней. Противъ меня было только одно обстоятельство: именно, что племянникъ ея не казался мнѣ человѣкомъ, котораго бы можно было любить, точно также какъ и я не казалась ему женщиною, достойною любви. На счетъ племянника своего она была одинаковыхъ со мною мыслей; она очень хорошо знала его, и уже съ давнихъ поръ не могла провести съ нимъ нигдѣ четверти часа безъ огорченія, гнѣва, или даже отвращенія къ нему. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она обыкновенно заливалась слезами, и жаловалась, что Богъ далъ ей такаго наслѣдника, либо отзывалась объ немъ съ

совершеннымъ презрѣніемъ и нерѣдко давала ему прозвища, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ. У меня на это есть прямыя доказательства; въ ея бумагахъ найдены двѣ записки, писанныя рукою ея, навѣрно не знаю къ кому; одна, кажется, къ Ивану Шувалову, а другая къ графу Разумовскому: въ этихъ запискахъ она проклинаетъ племянника и посылаетъ его къ чорту. Въ одной есть такое выраженіе: *Проклятый мой племянникъ мнѣ досадилъ какъ нельзя болѣе*; въ другой она пишетъ: *Племянникъ мой уродъ — чортъ его возьми.* Впрочемъ мое рѣшеніе было составлено; оставаться ли, ѣхать ли — я смотрѣла на судьбу свою съ философской точки зрѣнія; каково бы ни было положеніе, въ которое бы Провидѣнію угодно было меня поставить, я все таки не лишилась бы средствъ ума и талантъ данныхъ каждому человѣку по его естественнымъ способностямъ; я готова была и на возвышеніе и на униженіе, и чувствовала въ себѣ достаточно бодрости, чтобы не измѣниться ни душою, ни сердцемъ, возвыситъ ли меня судьба моя, или унизитъ. Я знала, что я человѣкъ, слѣдовательно существо ограниченное и потому самому неспособное къ совершенству; но мои намѣренія всегда были чисты и честны. Хотя я съ самаго начала поняла, какъ трудно, почти невозможно любить мужа, который былъ вовсе не любезенъ и нисколько не старался быть таковымъ; тѣмъ не менѣе я соблюдала его интересы, и оказывала ему привязанность, самую искреннюю, какую другъ, или даже слуга можетъ оказывать своему другу или господину; совѣты мои были самые лучшіе, какіе я могла придумать для его блага; если онъ имъ не слѣдовалъ, то это не моя, а его вина. Что же дѣлать, если онъ ли-

шенъ былъ разсудка и здраваго смысла? По пріѣздѣ моемъ въ Россію и въ первые годы нашего брака, если бы человѣкъ этотъ захотѣлъ хотя сколько нибудь быть сноснымъ, сердце мое было бы отверсто ему. Но я видѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ онъ обращалъ на меня наименьшее вниманіе, именно потому, что я была его женою; очень естественно, что такое положеніе мнѣ не понравилось, что оно мнѣ надоѣдало, и можетъ быть, огорчало меня. Сіе последнее чувство, чувство горести, я старалась подавлять въ себѣ несравненно болѣе другихъ: моя природная гордость, естественный закалъ души моей, дѣлали для меня невыносимою мысль быть несчастною. Я говорила самой себѣ: счастіе и несчастіе въ сердцѣ и въ душѣ каждаго человѣка; если ты чувствуешь несчастіе, стань выше его и дѣйствуй такъ, чтобы твое счастіе не зависѣло ни отъ какого событія. Я родилась съ такимъ расположеніемъ души; я получила отъ природы великую чувствительность, и наружность, если не прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную; я нравилась съ перваго разу и не употребляла для этого никакаго искусства и прикрасъ. Душа моя отъ природы была до такой степени общительна, что всегда, стоило кому нибудь пробыть со мною четвергь часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободнымъ и вести со мною разговоръ, какъ будто мы съ давнихъ поръ были знакомы. По природной снисходительности моей, я внушала къ себѣ довѣріе тѣмъ, кто имѣлъ со мною дѣло; потому что всѣмъ было извѣстно, что для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ дѣйствовать съ доброжелательствомъ и самою строгою честностью. Смѣю сказать (если только позволительно

такъ выразиться о самой себѣ), что я походила на рыцаря свободы и законности. Я имѣла скорѣе мужскую, чѣмъ женскую душу; но въ этомъ ничего не было отталкивающаго, потому что съ умомъ и характеромъ мужчины соединялась во мнѣ привлекательность весьма любезной женщины. Да простять мнѣ эти слова и выраженія моего самолюбія; я употребляю ихъ, считая ихъ истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочемъ самое сочиненіе это должно показать, правду ли я говорю о моемъ умѣ, сердцѣ и характерѣ. Я сказала о томъ, что я нравилась; стало быть половина искушенія заключалась уже въ этомъ самомъ; вторая половина въ подобныхъ случаяхъ естественно слѣдуетъ изъ самаго существа человѣческой природы; потому что идти на искушеніе и подвергнуться ему — очень близко одно отъ другаго. Хотя въ головѣ запечатлѣны самыя лучшія правила нравственности, но какъ скоро примѣшивается и является чувствительность, то непремѣнно очутишься неизмѣримо дальше, нежели думаешь. Я по крайней мѣрѣ не знаю до сихъ поръ, какъ можно предотвратить это. Можетъ быть, скажутъ, что есть одно средство — избѣгать; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, гдѣ избѣгать невозможно; въ самомъ дѣлѣ, куда бѣжать, гдѣ найдти убѣжище, какъ отворачиваться посреди двора, который перетолковываетъ малѣйшій поступокъ. И такъ, если вы не бѣжите, то по моему нѣтъ ничего труднѣе, какъ уклонится отъ того, что вамъ существенно нравится. Повѣрьте, все что вамъ будутъ говорить противъ этого, есть лицемѣріе и основано на незнаніи человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произ-

волу сжимать его въ кулакъ и потомъ опять давать свободу.

Возвращаюсь къ своему разсказу. На другой день послѣ комедіи, я сказалась больною, и не выходила больше, дожидаясь спокойно, какое рѣшеніе послѣдуетъ на покорнѣйшую просьбу, которую я подала Ея Величеству; но на первой недѣлѣ великаго поста я сочла нужнымъ говѣть, дабы показать тѣмъ мою приверженность къ Православной Греческой вѣрѣ. На второй, или на третьей недѣлѣ, я имѣла новую непріятность. Однажды поутру, только что я встала, какъ люди мои сказали мнѣ, что Владиславова позвана къ гр. Александру Шувалову. Это мнѣ показалось довольно страннымъ; я съ безпокойствомъ ждала ея, но напрасно. Около часу по полудни пришелъ гр. Александръ Шуваловъ, и объявилъ мнѣ, что Императрица нашла нужнымъ взять отъ меня Владиславову. Я залилась слезами и сказала ему: „Конечно Ея Им. Величество вольна отнимать у меня и назначать ко мнѣ кого ей угодно; но мнѣ горько все болѣе и болѣе видѣть, что всѣ тѣ, которые были ко мнѣ приближены, становились жертвами немилости Ея Величества; по этому, чтобы не дѣлать людей несчастными, я прошу и убѣждаю васъ, попросить Императрицу, чтобы меня поскорѣе отпустили къ моимъ родственникамъ, и тѣмъ положила бы конецъ моему настоящему положенію, въ которомъ я становлюсь причиною несчастія для другихъ. Я сказала ему еще, что отъ Владиславовой они рѣшительно ничего не могутъ вывѣдать, потому что я не довѣрялась ни ей, ни кому другому. Шуваловъ хотѣлъ говорить, но видя мое рыданіе, онъ принялся также плакать, и сказалъ, что Императрица сама поговоритъ со

мною объ этомъ. Я просила его, чтобы онъ постарался ускорить это свиданіе, что онъ и обѣщалъ. Тогда я пошла къ моимъ людямъ, объявила имъ о случившемся, и сказала, что если на мѣсто Владиславовой ко мнѣ назначутъ какую нибудь госпожу, которая будетъ мнѣ не по сердцу, то я рѣшилась обращаться съ нею какъ можно хуже, даже просто буду колотить ее. Я просила ихъ, чтобы они пересказали это всѣмъ и каждому, дабы тѣ, которыхъ будутъ назначать ко мнѣ, не слишкомъ торопились принимать это мѣсто. „Я устала терпѣть" — прибавила я — „и вижу, что кроткимъ и снисходительнымъ обращеніемъ ничего не возмешь — себѣ же самой выходитъ худо; по этому я рѣшилась совершенно перемѣнить образъ дѣйствій." Люди мои не замедлили пустить слова мои въ ходъ, какъ я этого желала.

Вечеромъ этого дня, послѣ многихъ слезъ, я оставалась, какъ всегда, одна у себя въ спальнѣ, физически и нравственно разстроенная, и прохаживалась по комнатѣ вдоль и поперегъ. Вдругъ вошла ко мнѣ одна изъ моихъ камерфрау, Катерина Ивановна Шарагородская. Она была въ слезахъ и съ большимъ чувствомъ сказала мнѣ: „Мы всѣ боимся, чтобы вы не занемогли отъ горести; позвольте мнѣ сходить сегодня къ дядѣ моему, вашему и Императрицыному духовнику; я поговорю съ нимъ, и передамъ ему все что вы прикажете; увѣряю васъ, что онъ можетъ склонить Императрицу въ вашу пользу." Видя ея доброе сердце, я все до часта разсказала ей, какъ о моемъ письмѣ къ Императрицѣ, такъ и обо всемъ остальномъ. Она отправилась къ дядѣ, переговорила съ нимъ, расположила его ко мнѣ, и около 11-ти часовъ пришла назадъ передать,

что дядя ея совѣтуетъ мнѣ ночью сказаться больною; попросить объ исповѣди и для этого потребовать его къ себѣ, чтобы онъ могъ отъ меня лично услышать о чемъ говорить ему съ Императрицею. Эта мысль мнѣ очень понравилась; я обѣщалась привести ее въ исполненіе, и велѣла Шарагородской идти, сказавъ, что весьма благодарна ей и ея дядѣ за расположеніе, которое они мнѣ оказывали. Около двухъ или трехъ часовъ ночи я позвонила, и сказала вошедшей женщинѣ, что чувствую себя чрезвычайно дурно и хочу исповѣдаться. Но вмѣсто духовника прибѣжалъ ко мнѣ гр. Александръ Шуваловъ; слабымъ и прерывающимся голосомъ я повторила ему мою просьбу позвать духовника. Онъ послалъ за докторами; но я имъ сказала, что мнѣ нужна духовная помощь, и что я умираю. Одинъ изъ докторовъ пощупалъ у меня пульсъ, и нашелъ его слабымъ; но я не переставала говорить, что душа моя въ опасности, и что тѣлу больше не нужно никакихъ лекарствъ. Наконецъ духовникъ пришелъ, и насъ оставили однихъ. Я его посадила возлѣ моей постели, и мы разговаривали слишкомъ полтора часа. Я передала ему прошедшее и настоящее положеніе дѣлъ, поведеніе великаго князя относительно меня, и мое же отношеніе къ Его Им. Высочеству, злобу Шуваловыхъ, безпрестанныя ссылки отставки многихъ моихъ людей, и именно тѣхъ, которые были наиболѣе ко мнѣ привязаны; потомъ — какъ Шуваловы вселяютъ Ея Им. Величеству ненависть ко мнѣ, и наконецъ до чего дошли дѣла въ настоящее время и что заставили меня писать къ Императрицѣ письмо съ просьбою о позволеніи мнѣ уѣхать. Я просила его, чтобы онъ похлопоталъ о

скорѣйшемъ отвѣтѣ на мою просьбу. Я нашла его въ самомъ лучшемъ ко мнѣ расположеніи, и увидѣла, что онъ не такъ глупъ, какъ объ немъ говорили. Онъ сказалъ мнѣ, что письмо мое производило и будетъ производить желаемое дѣйствіе, что я должна настоятельно требовать о моемъ увольненіи, и что меня на вѣрно не отпустятъ, потому что невозможно будетъ оправдать этого удаленія въ глазахъ общества, принимавшаго ко мнѣ участіе. Онъ соглашался, что со мной поступали жестоко, что Императрица, взявъ меня на свое попеченіе въ очень нѣжномъ возрастѣ, не должна была оставлять меня въ жертву моимъ непріятелямъ; что скорѣе слѣдовало бы удалить моихъ соперниковъ, и прежде всего Елисавету Воронцову, и смотрѣть построже за своими любимцами, которые сдѣлались піявицами народа; что Шуваловы ежедневно изобрѣтаютъ новыя пошлины и своимъ поведеніемъ производятъ всеобщій ропотъ, чему свидѣтельствомъ служитъ участь гр. Бестужева, въ невинности котораго всѣ убѣждены. Въ заключеніе этого разговора онъ сказалъ мнѣ, что прямо найдетъ въ комнаты къ Императрицѣ, и какъ скоро она проснется, поговоритъ съ нею и убѣдитъ ее скорѣе повидаться со мною, какъ она обѣщалась; что это свиданіе должно быть рѣшительнымъ, и что мнѣ лучше покамѣстъ оставаться въ постелѣ. Онъ обѣщалъ сказать Императрицѣ, что я могу умереть отъ печали горести, если не будетъ мнѣ подана скорая помощь, и какимъ бы то ни было образомъ не разсѣютъ меня и не перемѣнятъ моего уединеннаго образа жизни. Онъ держалъ слово, и такими живыми чертами изобразилъ мое состояніе, что Императрица позвала гр. А. Шу-

валова и велѣла ему узнать, могу ли я придти къ ней въ слѣдующую ночь. Когда Шуваловъ спросилъ меня объ этомъ, я сказала ему, что для этого я готова собраться съ послѣдними силами. Къ вечеру я встала съ постели; Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что послѣ полуночи онъ придетъ за мною, и поводетъ меня въ покои къ Ея Величеству. Между тѣмъ духовникъ черезъ племянницу свою увѣдомилъ меня, что дѣло приняло довольно хорошій оборотъ, и что Императрица въ тотъ же вечеръ будетъ говорить со мною. Около 10-ти часовъ я одѣлась, легла въ платьѣ на кушетку и заснула. Было около половины втораго, когда А. Шуваловъ пришелъ ко мнѣ въ комнату, и сказалъ, что Императрица меня спрашиваетъ. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ мы никого не встрѣтили, но когда подходили къ галлереѣ, изъ противуположной двери вышелъ великій князь, и пошелъ также какъ и я, въ комнаты къ Ея Величеству. Я его не видала съ самаго того дня, какъ ѣздила въ комедію; даже когда я сказалась умирающею, онъ не приходилъ спрашивать о моемъ положеніи. Послѣ мнѣ сказывали, что въ этотъ самый день онъ обѣщалъ Елисаветѣ Воронцовой жениться на ней, если я умру, и что оба они очень радовались моей болѣзни.

Пришедши наконецъ въ комнату Ея Величества, я нашла тамъ великаго князя. Какъ скоро Императрица появилась, я упала къ ней въ ноги и со слезами настоятельно просила отпустить меня домой. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась на колѣнахъ. Она мнѣ показалась болѣе огорченною, чѣмъ разгнѣванною. Какъ же мнѣ отпустить тебя? сказала она со слезами на гла-

захъ, вспомни, что у тебя есть дѣти. На это я отвѣчала: Дѣти мои у васъ на рукахъ и имъ нигдѣ не можетъ быть лучше; я надѣюсь, что вы ихъ не покинете. Тогда она сказала: Что же сказать обществу, по какой причинѣ я тебя удалила? Я возразила: Ваше Имп. Величество объявите, если найдете приличнымъ, чѣмъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя. Императрица сказала: А чѣмъ же ты будешъ жить у своихъ родственниковъ? Я отвѣчала. Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, когда не имѣла чести быть здѣсь. На это она мнѣ сказала: Твоя мать въ бѣгахъ; она принуждена была удалиться изъ дому и отправилась въ Парижъ. Я отвѣчала, что знаю объ этомъ, и что Король Прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю приверженность къ Русскимъ интересамъ. Тутъ Императрица во второй разъ приказала мнѣ встать, и я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня въ сторону. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами Императрицы. Въ комнатахъ всего были она, великій князь, А. Шуваловъ и я; насупротивъ оконъ позади дивана висѣли густыя занавѣски. Я съ самаго начала догадывалась, что за этими занавѣсками навѣрно стоитъ Иванъ Шуваловъ, и можетъ быть двоюродный братъ его гр. Петръ. Послѣ мнѣ сказывали, что я въ половину угадала, и что Иванъ Шуваловъ дѣйствительно тамъ былъ. Я отошла къ столу съ туалетомъ, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ ложбинкѣ туалета свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: Богъ мнѣ свидѣтель какъ я объ тебѣ плакала, когда ты была при смерти больна по пріѣздѣ твоемъ въ

Россію; еслибы я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя. Я поняла, что Императрица хотѣла мнѣ дать знать этимъ, что я напрасно говорю, будто я у нея въ немилости. Въ отвѣтъ на то, я поблагодарила *Ея Величество за всѣ милости* и благодѣянія, которыя она мнѣ послѣ и тогда оказывала, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти, и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ въ моей жизни то, что навлекла на себя ея немилость. Тогда она еще ближе подошла ко мнѣ и сказала: Ты чрезвычайно горда; вспомни какъ однажды въ Лѣтнемъ Дворцѣ я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что я видѣла, что ты мнѣ едва поклонилась; ты не захотѣла мнѣ поклониться какъ слѣдуетъ изъ гордости. Боже мой! воскликнула я, неужели Ваше *Величество думаете, что мнѣ когда нибудь могло* придти въ голову гордиться передъ вами? Клянусь вамъ, что я никогда даже не подозрѣвала, чтобы этотъ вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали четыре года тому назадъ, могъ имѣть подобное значеніе. На это она мнѣ сказала: Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя. Если бы я такъ думала — отвѣчала я — то настоящее положеніе мое и самый разговоръ этотъ, кажется, должны вывести меня изъ подобнаго самообольщенія; потому что я по глупости моей до сихъ поръ не умѣла понять того, что Ваше Величество изволили сказать мнѣ четыре года тому *назадъ. Между тѣмъ какъ Императрица* говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и пошла къ нимъ; они оба стояли почти въ серединѣ комнаты. Я не могла хорошенько разслышать ихъ

разговора, они говорили довольно тихо, а комната была велика; наконецъ я услышала, какъ великій князь, возвысивши голосъ, сказалъ: Она чрезвычайно зла и черезъ чуръ много о себѣ думаетъ. Такъ какъ это касалось до меня, то я обратилась къ великому князю и сказала ему: Если вы говорите это обо мнѣ, то я очень рада случаю сказать Вамъ въ присутствіи Ея Имп. Величества, что я дѣйствительно зла противъ тѣхъ, которые совѣтуютъ Вамъ дѣлать несправедливости, и дѣйствительно стала высокомѣрна, потому что ласковымъ обращеніемъ ничего не добилась, а только навлекла на себя Вашу непріязнь. Тогда великій князь сталъ говорить Императрицѣ: Ваше Величество сами видите изъ словъ ея, какъ она зла. Но Императрица была неизмѣримо умнѣе великаго князя, и на нее слова мои произвели совершенно другое впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что хотя ей присовѣтовали, или можетъ быть сама она намѣревалась дать мнѣ строгій выговоръ, но чѣмъ дальше шелъ этотъ разговоръ, тѣмъ больше она смягчалась, вопреки собственной волѣ и намѣренію. Тѣмъ не менѣе она выслушала замѣчаніе великаго князя и сказала ему: О, ты не знаешь, что она мнѣ разсказывала о твоихъ совѣтчикахъ и о Брокдорфѣ по дѣлу того человѣка, котораго ты велѣлъ арестовать. Это должно было показаться великому князю формальною измѣною съ моей стороны. Онъ вовсе не зналъ о моемъ разговорѣ съ Императрицею въ Лѣтнемъ Дворцѣ и о томъ, что я жаловалась Императрицѣ на его Брокдорфа, который сдѣлался для него такъ дорогъ и милъ. Это значило еще болѣе раздражить его противъ меня, можетъ быть рассорить насъ окончательно, безъ возможности примиренія, и навсегда лишить меня

его довѣренности. Поэтому слова Императрицы поразили меня чрезвычайно; то что я передала ей и считала долгомъ своимъ передать для блага ея племянника, то самое она употребила теперь какъ оружіе противъ меня. Удивленный такимъ признаніемъ великій князь сказалъ: Вотъ этого анекдота я не зналъ; онъ очень хорошъ и доказываетъ ея злость. Я думала про себя: Богъ знаетъ, чью злость онъ доказываетъ. Отъ Брокдорфа Ея Величество сдѣлала рѣзкій переходъ къ сношеніямъ между Штамбке и гр. Бестужевымъ, и сказала мнѣ: любопытно знать, чѣмъ извинить его за эти сноженія съ государственнымъ арестантовъ. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ мое имя не было замѣшано, и Императрица о немъ вовсе не упоминала, то я не говорила ни слова, показывая тѣмъ, что слова ея вовсе не относятся ко мнѣ. Затѣмъ она подошла ко мнѣ и сказала: ты мѣшаешся въ многія дѣла, которыя до тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во время Императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину? Я отвѣчала: Я! Никогда мнѣ не приходило и въ голову посылать ему приказанія. Какъ ты можешь запираться въ перепискѣ съ нимъ — возразила она — твои письма вотъ тамъ на туалетѣ (она мнѣ показала на нихъ пальцемъ). Тебѣ запрещено писать. Тогда я сказала ей: Правда, я писала безъ позволенія, и прошу за то простить меня; но такъ какъ письма мои здѣсь, то изъ этихъ трехъ писемъ Ваше Величество можете увидѣть, что я никогда не посылала ему приказаній, но въ одномъ письмѣ передавала ему, что говорятъ объ его поступкахъ. Такъ она перервала меня и сказала: за чѣмъ же ты писала ему объ этомъ? За тѣмъ — отвѣчала

я очень просто — что я принимала въ немъ участіе и очень любила его. Я просила его исполнять Ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ, въ одномъ я поздравляла его съ рожденіемъ сына, а въ другомъ съ новымъ годомъ. На это она замѣтила: Бестужевъ говоритъ, что было много еще писемъ. Я отвѣчала: Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ. Хорошо же, сказала она, такъ какъ онъ обличаетъ тебя, то я велю пытать его. Она думала напугать меня этимъ. Но я отвѣчала ей, что по самодержавной власти своей она можетъ дѣлать все что найдетъ нужнымъ, но что я все таки писала къ Апраксину только эти три письма. Она замолчала и по видимому стала снова собираться съ мыслями. Я передаю замѣчательнѣйшія мѣста этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; всего передать невозможно, такъ какъ разговоръ продолжался по крайней мѣрѣ полтора часа. Императрица прохаживалась по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, и чаще всего къ графу А. Шувалову, съ которымъ великій князь постоянно заводилъ разговоръ, какъ скоро Императрица начинала говорить со мной. Я сказала выше уже, что въ Ея Величествѣ замѣтно было болѣе озабоченности, нежели гнѣва; что касается до великаго князя, то всѣ слова его во время этого разговора проникнуты были желчью непріязни и даже негодованія на меня; онъ старался всѣми способами возстановить противъ меня Ея Величество, но какъ способы эти были нелѣпы и вообще онъ показывалъ больше страстности, нежели здраваго сужденія, то это ему не удалось. Императрица, по уму своему и проницательности, брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и съ нѣкоторымъ неволь-

нымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и умѣренные отвѣты великому князю, который безпрестанно заносился и почти явно говорилъ, что ему хочется очистить мое мѣсто, если можно посадить на него тогдашнюю свою метрессу. Хотя Императрица могла не согласиться на это, да и сами Шуваловы по всему вѣроятію не захотѣли бы очутиться подъ властью Воронцовыхъ; но Его Высочество никакъ не въ состояніи былъ сообразить этого; онъ всегда считалъ возможнымъ то, чего ему хотѣлось, и забравши себѣ что нибудь въ голову, не хотѣлъ знать никакихъ противорѣчій. Наконецъ онъ довелъ дѣло до того, что Императрица подошла ко мнѣ и сказала въ полголоса: у меня много еще о чемъ поговорить съ тобою, но теперь я не могу, потому что не хочу, чтобы вы еще больше рассорились. Глазами и головою она мнѣ показала, что не хочетъ больше говорить при другихъ. За такой знакъ доброжелательства въ моемъ критическомъ положеніи я почувствовала къ ней живѣйшую благодарность, и отвѣчала тоже почти шопотомъ: Я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы открыть Вамъ мою душу и мое сердце. Я замѣтила, что слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея выступили на глаза слезы, и чтобы скрыть это и до какой степени она разстрогана, она велѣла намъ идти къ себѣ, отозвавшись, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ было уже около трехъ часовъ ночи. Великій князь вышелъ первый, я за нимъ; въ ту минуту, какъ гр. Шуваловъ затворялъ за мною дверь, Императрица позвала его, и онъ остался съ нею. Великій князь всегда ходилъ большими шагами; на этотъ разъ я не торопилась догонять его; онъ

ушелъ въ свои комнаты, я также пошла къ себѣ. Я раздѣвалась, чтобы лечь спать, какъ въ дверь, въ которую я вошла, кто то постучался. Я окликнула и услышала голосъ графа Шувалова, который просилъ, чтобъ я впустила его, что я и сдѣлала. Онъ сказалъ, чтобы я выслала женщинъ моихъ, и когда онѣ вышли, объявилъ, что Императрица призывала его къ себѣ и поговоривъ съ нимъ нѣсколько времени, поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобы я не огорчалась, и что она будетъ имѣть со мною разговоръ на единѣ. Я отдала гр. Шувалову низкій поклонъ и велѣла передать Ея Величеству мое глубочайшее почтеніе и благодарность за ея милости, которыя возвращаютъ меня къ жизни, прибавивъ, что буду съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать этого втораго разговора, и прося, чтобы онъ, Шуваловъ, постарался ускорить его. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я рѣшительно никому не говорила о томъ, а особливо великому князю, который къ сожалѣнію Ея Величества очень раздраженъ противъ меня. Я обѣщала ему это. Я думала: но если жалѣютъ о томъ, то за чѣмъ было еще больше раздражать, передавая ему разговоръ въ Лѣтнемъ Дворцѣ и мои отзывы о людяхъ, которые его губятъ. Тѣмъ не менѣе я была очень довольна, что Императрица, сверхъ всякаго чаянія, снова сдѣлалась милостива и довѣрчива ко мнѣ. На другой день я сказала племянницѣ духовника, чтобы она поблагодарила своего дядю и передала ему, что онъ мнѣ оказалъ важную услугу, устроивъ этотъ разговоръ. Возвратившись отъ дяди, она сообщила мнѣ отзывъ Императрицы, слышанный отъ дяди: Ея Величество сказала, что племянникъ ея дуракъ, но что великая княгиня очень умна. Я слышала и отъ

другихъ, что Императрица между приближенными своими безпрестанно хвалила мои способности, прибавляя: Она любитъ истину и справедливость, это очень умная женщина, а племянникъ мой дуракъ.

Подъ предлогомъ нездоровья я продолжала оставаться у себя въ комнатѣ. Помню, что тогда я читала, съ картою на столѣ, Исторію путешествій, первыя пять частей — чтеніе полезное и занимательное. Когда я уставала читать, то перелистывала первые томы Энциклопедіи, и между тѣмъ ожидала дня, когда Императрицѣ угодно будетъ позвать меня на второй разговоръ. Отъ времени до времени я напоминала Шувалову, что съ нетерпѣньемъ жду, когда наконецъ рѣшится моя участь. Что касается до великаго князя, то я съ нимъ не имѣла вовсе сношеній; слышала только, что онъ ждетъ не дождется минуты, когда меня отошлютъ, и что онъ навѣрное расчитываетъ вступить во второй бракъ и жениться на графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, которая уже ходила къ нему въ комнаты и разъигрывала тамъ роль хозяйки. Но дядя ея Вицеканцлеръ, который былъ лицемѣръ, узнавши о положеніи дѣлъ отъ брата своего, или скорѣе отъ своихъ племянниковъ, которые въ то время были дѣтьми (старшему всего было 20 лѣтъ, или около того) по всему вѣроятію испугался потерять только что усилившееся довѣріе къ нему Императрицы, и взялся отговорить меня, чтобы я не просила о своемъ удаленіи. Вотъ какъ было дѣло.

Въ одно прекрасное утро докладываютъ мнѣ, что графъ М. Воронцовъ желаетъ говорить со мной отъ имени Императрицы. Меня очень удивила эта чрезвычайная депутація и хотя я была еще не одѣта, но велѣла просить Вицеканцлера.

Онъ началъ съ того, что поцѣловалъ у меня руку и пожалъ ее съ большимъ чувствомъ, послѣ чего отеръ нѣсколько слезинокъ, появившихся у него на глазахъ. Я въ то время была нѣсколько предубѣждена противъ него, и потому не давала большой вѣры этому предварительному изъявленію его расположенія ко мнѣ, считая все это пустяками. Я просила его сѣсть. У него была небольшая одышка, происходившая отъ того, что у него было нѣчто въ родѣ зоба. Онъ сѣлъ и сказалъ, что Императрица поручила ему переговорить со мною, и убѣдить меня, чтобы я не настаивала на своемъ отъѣздѣ, что даже Ея Величество приказала ему просить меня отъ ея имени, выбросить изъ головы это намѣреніе, на которое она никогда не согласится, что онъ лично проситъ и заклинаетъ меня, чтобъ я дала слово больше никогда не говорить о томъ; что это намѣреніе мое чрезвычайно огорчаетъ Императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ числѣ которыхъ, какъ увѣрялъ онъ, находился и онъ. Я отвѣчала ему, что готова охотно сдѣлать все угодное Императрицѣ и честнымъ людямъ, но что я почитаю жизнь свою и здоровье въ опасности отъ образа жизни, который заставляютъ вести меня, что для меня невыносимо дѣлать людей несчастными, что у меня безпрестанно отнимаютъ и ссылаютъ моихъ приближенныхъ, что великій князь, который и безъ того не любилъ меня, теперь возстановленъ противъ меня даже до ненависти; что Ея Величество также почти постоянно оказывала знаки своей немилости; что будучи всѣмъ въ тягость, я просила позволенія уѣхать и дать мнѣ свободу, такъ какъ иначе я могу умеретъ отъ скуки и горя. Онъ сталъ говорить мнѣ о моихъ дѣтяхъ. Я сказала ему

на это, что я ихъ не вижу, что дочь мою я не видала съ тѣхъ поръ какъ брала молитву, и не могу ее увидѣть безъ особеннаго разрѣшенія Императрицы, которая помѣстила дѣтей моихъ въ двухъ комнатахъ отъ себя; что хотя мнѣ хорошо извѣстны ея попеченія о нихъ, но такъ какъ я лишена утѣшенія видѣть ихъ, то мнѣ все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Императрица будетъ имѣть со мною второй разговоръ, и прибавилъ, что очень бы желательно было, чтобы Ея Импер. Величество сблизилось со мной. Въ отвѣтъ на это я просила ускорить этотъ второй разговоръ, и сказала, что съ моей стороны употреблю всѣ мѣры къ исполненію желанія его на счетъ нашего сближенія. Онъ оставался у меня болѣе часа, говорилъ долго и много о разныхъ вещахъ. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ въ кредитъ, въ его рѣчахъ и въ обращеніи произошла перемѣна противъ прежняго; онъ уже говорилъ нѣсколько съ высока, между тѣмъ какъ прежде терялся въ толпѣ и былъ недоволенъ Императрицею, ходомъ дѣлъ и тѣми лицами, которыя пользовались довѣреніемъ и милостью Ея Величества. Однажды при дворѣ Императрица очень долго разговоривала съ Австрійскимъ посланникомъ, между тѣмъ какъ онъ, я и всѣ остальные не смѣли садится и умирали отъ скуки. Хотите держать пари — сказалъ онъ тогда мнѣ — что она говоритъ однѣ пошлости? Что вы это, отвѣчала я ему съ усмѣшкою. На это онъ сказалъ мнѣ порусски слѣдующія характеристическія слова: *Она съ природы*... Наконецъ онъ ушелъ отъ меня, увѣряя въ своемъ усердіи и на прощанье снова поцѣловалъ у меня руку.

Такимъ образомъ я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ, потому что меня просили даже не поминать о томъ; но я сочла нужнымъ по прежнему не выходить изъ своей комнаты, и показывать видъ, что жду рѣшенія своей участи отъ втораго разговора съ Императрицею. Долго ждала я этого разговора. Помню, что 21 Апрѣля, въ день моего рожденія, я не выходила; Императрица во время обѣда прислала А. Шувалова сказать мнѣ, что пьетъ за мое здоровье. Я велѣла благодарить ее за то, что она вспомнила обо мнѣ въ этотъ день, какъ я выразилась, моего несчастнаго рожденія, который я готова бы была проклясть, если бы въ этотъ же день не получила Св. крещенія. Великій князь узнавъ, что Императрица посылала поздравить меня, вздумалъ съ своей стороны отрядить такое же посольство. Когда мнѣ доложили о томъ, я встала и очень низкимъ поклономъ воздала мою благодарность. Послѣ праздника моего рожденія и Императрицыной коронаціи, которыя приходились черезъ три дня одинъ послѣ другаго, я все еще продолжала оставаться въ своей комнатѣ; но гр. Понятовскій довелъ до меня, что Французскій посолъ, Маркизъ Лопиталь очень расхваливаетъ мое твердое поведеніе, и говоритъ, что такая рѣшимость не выходить изъ комнаты должна послужить мнѣ въ пользу. Я разсудила, что похвала въ устахъ врага всегда вѣроломна и вздумала нарочно сдѣлать противное; и въ одно Воскресенье, когда никто не ожидалъ меня, одѣлась и вышла изъ моихъ внутреннихъ покоевъ. Надо было видѣть удивленіе и внезапность, которыя я произвела, вошедши въ ту комнату, гдѣ сидѣли дамы и кавалеры. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня пришелъ великій князь; я видѣла изумленіе на лицѣ

его. Я въ эту минуту разговаривала съ обществомъ; онъ вмѣшивался въ разговоръ и иногда обращался ко мнѣ; я отвѣчала ему съ достоинствомъ.

Въ это время во второй разъ пріѣхалъ въ Петербургъ Саксонскій Принцъ Карлъ. Въ первый разъ великій князь принималъ его довольно вѣжливо, но теперь считалъ себя вправѣ не обращать на него никакого вниманія, и вотъ почему. Въ Русской арміи было извѣстно, что во время Цорндорфскаго сраженія Принцъ Карлъ одинъ изъ первыхъ обратился въ бѣгство, и, какъ говорили, до такой степени простеръ свою трусость, что счелъ себя безопаснымъ только въ Ландбергѣ. Услыхавши объ этомъ великій князь, рѣшился не говорить съ нимъ и не имѣть никакого сношенія, какъ съ отъявленнымъ негодяемъ. Этому, по всему вѣроятію, немало способствовала дочь Бирона, принцесса Курляндская, о которой я часто имѣла случай поминать: отецъ ея попрежнему содержался въ Ярославлѣ; а между тѣмъ ходили тайные слухи о томъ, что принца Карла хотятъ сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ; она возстановляла противъ него великаго князя, надъ которымъ сохраняла нѣкоторую долю вліянія. Эта принцесса въ то время была въ третій разъ помолвлена, за барона Александра Черкасова, за котораго дѣйствительно и вышла въ слѣдующую зиму.

Наконецъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда въ деревню, гр. А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ отъ имени Императрицы, что послѣ обѣда я должна просить черезъ него позволенія повидать дѣтей моихъ, и что по выходѣ отъ нихъ я буду имѣть столь давно обѣщанное второе свиданіе съ Ея Величествомъ. Исполняя приказаніе, я въ

присутствіи многихъ сказала гр. А. Шувалову, чтобы онъ испросилъ мнѣ у Ея Величества позволеніе сходить къ дѣтямъ. Онъ пошелъ, и воротившись сказалъ мнѣ, что я могу пойдти къ нимъ въ три часа. Я отправилась минута въ минуту, и оставалась у дѣтей до тѣхъ поръ, пока гр. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что я могу видѣть Ея Величество. Я пошла и застала ее совершенно одну; на этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ занавѣсокъ, и слѣдовательно мы могли говорить съ ней свободно. Я начала съ того, что поблагодарила ее за это свиданіе, прибавивъ, что одно обѣщаніе о немъ, которое она изволила милостиво дать мнѣ, возвратило меня къ жизни. Послѣ этого она мнѣ сказала: я хочу, чтобы ты мнѣ говорила правду обо всемъ, о чемъ я буду тебя спрашивать. Я отвѣчала увѣреніями, что она услышитъ отъ меня одну сущую правду, и сказала, что ничего такъ не желаю, какъ открыть ей мое сердце безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять начала спрашивать, дѣйствительно ли я писала къ Апраксину только три письма. Я поклялась ей въ этомъ, потому, что въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Тогда она стала распрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

ПИСЬМА В. К. ПЕТРА ӨЕДОРОВИЧА НАЙДЕННЫЯ ГОДЪ ТОМУ НАЗАДЪ ВЪ МОСКВѢ.

1.

LETTRE A LA GRANDE-DUCHESSE CATHERINE.

MADAME,*)

Je vous prie de ne point vous incommodes cette nuis de dormir avec moi car il n'est plus tems de me trompes, le let a été trop étroit, après deux semaines de séparation de vous aujourd'hui après mide.

Votre
tres-infortuné
mari qui vous ne
daiguez jamais de
ce nom

PETER.

Le . . . . . . Xr.
1746.

---

*) Cette lettre a été envoyée avec un domestique du grand-duc André de nom, mais elle fut interceptée par Stehelin et la grande duchesse ne l'a pas reçue.

2.

LETTRES A JEAN SCHOUVALOFF.

MONSIEUR,

Je vous aie fait prier par Lef Alexandritz. pour que je puisse aller a Oranienbaum, mais je vois que ca n'a point d'effet, je suis malade et melancolique jusqu'au suppreme degré, je vous prie pour l'amour de Dieu de faire ensorte aupres de sa Majesté pour que je puisse partir bientot a Oranienbaum si je ne vient point dehors de cette belle vie de cour pour être un peu dans ma volonté et jouir a mon aise l'air de la campagne je crevorai surement ici d'aneui et de deplaisir vous me ferez revivre si vous ferez cela vous obligerez celui qui sera toute sa vie.

Votre affectioné,

PIERRE.

3.

MONSIEUR.

Comme je suis assuré que vous ne cherchez autre chose qua me faire plaisir, je suis donc assuré que vous le fairè dans l'affaire d'Alexandre Iwanitz Narischkin pour prier sa Majesté de me faire la grace de le faire gentilhomme de chambre aupres de moi pour la feste de pacques, cest un parfait honnette homme que je ne recommenderai pas si je ne le connoissois

pour tel, pressé cette affaire je vous en seré bien redevable et au rest je suis

Votre affectioné

PIERRE.

MON CHER AMY,

Vous m'avez encore demonstré vostre amitié en faisant aupres de sa Majesté imperiale qu'elle me donne dix mille ducats pour pajer ma deste que jai faite aux jeux, je vous prie de remercier de ma part sa Majesté de cette nouvelle grace qu'elle m'a faite et assuré la que je tacherai toute ma vie de m'en rendre de plus en plus digne de touts des graces dont elle m'a comblé. Pour vous Monsieur recevez les remerciements sincere d'un amy qui voudraint estre en etat de vous pouvoir convaincre combien il souhaitairai de vous en pouvoir rendre la pareille. Aureste en vous priant destre toujour de ses amis comme auparavant je reste.

Vostre affectioné amy,

PIERRE.

4.

MONSIEUR,

Je vous aie tant de fois prie de supplier de ma part Sa Majesté impériale de me laisser voyager pour deux ans hors du pais, je vous

le repete encore une fois vous priant tres instament de faire ensorte pour qu'on ma l'accorde, ma santé sanfaiblissant de jour en jour plus, faites moi pour l'amour le Dieu cette *seule amitié de le faire et de ne me laîsser* pas mourir de chagrin mon etat n'etant plus en etat de soutenir mes chagrin et ma melancolie empirant de jour en jour, si vous croyez quil est besoin de la montrer a Sa Majesté vous me ferez le plus grand plaisir du monde et de plus je vous en prie. Au reste je suis

Vostre affectioné,

PIERRE.

MONSIEUR,

Je vous prie comme je scais que vous estes de mes amis de me faire le plaisir d'aider le père du porteur de cette lettre qui est le lieutenant Gudowitz de mon regiment, sa fortune en depandt, il vous instruira de bouche luimême comment l'affaire est tout ce que je scai se sont des intrigues de monsieur Teploff qui n'en a fait pas la première, le hetmann se laisse mener par cette homme par le nez et je ne peut plus vous dire que ca n'est pas la première ni la dernière affaire dont j'aurai prie le hetmann, qui m'a refusé; j'espère que vous fairez cette affaire, vous me ferez plaisir par

ca parceque j'aime cet officier encore je vous prie n'oubliez pas mes interest et moi je chercheré toujours de vous convaincre que je suis de vos amis.

Vostre affectioné,

PIERRE.

5.

MONSIEUR,

J'ai esté extremement etonné que sa Majesté s'est faché de ce que j'ai fait la mascarade et l'opera j'ai crue le faire de plus qu'à Petersbourg Monsieur Locatelli l'a fait tout les semaines deux foix encore je me resouvients très-bien que quant il y avait le dœuil pour ma grand Mère nous avons fait le bal chez nous et trois jour que le dœuil avoit commencé nous avons esté a la comedie au petit teatre, je vous prie dont Monsieur d'avoir la bonté de prier Sa Majesté de me permettre de me divertir à mon aise et sans que je sois empeché leté vous savez assez combien ont sanuuye dejà l'hiver de plus ajant dejà fait la depense du nouveau opera je ne croi pas que Sa Majesté voudra me faire une depense *inutile* au reste je suis

Vostre affectioné,

PIERRE.

LETTRE A M. LE BARON DE STAKELBERG A ORANIENBAUM.

Mon cher frere et amy,

Je vous prie aujourd'hui de ne point oublier de faire ma commission auprès de la personne en question et de l'assurer que je suis prot à lui demontres mon parfait amour et que ce que je fait dans l'eglise, de ne la pas parler est que je ne veux pas faire trop devant les gens et assure lui encore que si elle voudra une fois seulement venir chez moy que je lui demontreré que je l'aime beaucoup. si vous voulez mon cher et mon vray amy montrez luy la lettre et en croyant que je ne peut estre mieux servis que d'un ami comme vous, je suis

Votre fidel et attaché amy,

Pierre.

1758.

ПЕРЕВОДЪ.

Барону Штакельбергу въ Ораніенбаумѣ.

1758 года.

Любезный братъ и другъ!

Прошу васъ не забудьте сегодня исполнить мое порученіе къ извѣстной особѣ, и увѣрить ее, что я готовъ доказать ей мою совершенную любовь; если я не говорю съ ней въ церкви, то это только для того чтобъ посторонніе незамѣтили. Скажите ей, что если она захочетъ хоть разъ придти ко мнѣ, то я ей докажу что я ее очень люблю. Если вы хотите, мой милый и истинный другъ, то покажите ей это письмо. Полагая что я не могу быть лучше услуженнымъ какъ такимъ другомъ какъ вы, остаюсь вашимъ вѣрнымъ и привязаннымъ другомъ

ПЕТРЪ.

Письма къ Ивану Ивановичу Шувалову.

I.

М. Г.

Я былъ ужасно удивленъ что Ея Величество разсердилась за то, что я устроилъ маскарадъ и оперу, я тѣмъ

болѣе думалъ что могу это сдѣлать, что въ Петербургѣ г. Локатолли дѣлалъ тоже два раза въ недѣлю, и еще я помню очень хорошо что во время траура по моей бабушкѣ, мы давали балъ у насъ, и три дня послѣ начала траура мы были въ театрѣ. И такъ я васъ прошу, будьте такъ добры попросите Ея Величество позволить мнѣ забавляться какъ я хочу безъ всякаго стѣсненія и помѣхи. Вы знаете какъ скучно зимой, въ добавокъ, такъ какъ я потратился на новую оперу не думаю чтобъ Ея Величество захотѣли меня заставить сдѣлать не нужныя издержки. Впрочемъ остаюсь

преданный вамъ

ПЕТРЪ.

II.

М. Г.

Я васъ просилъ черезъ Льва Александровича о дозволеньи ѣхать въ Ораніенбаумъ, но я вижу что моя просьба не имѣла успѣха. Я боленъ и въ хандрѣ до высочайшей степени, я васъ прошу именемъ Бога склоните Ея Величество на то чтобъ позволила мнѣ ѣхать въ Ораніенбаумъ. Если я не оставлю эту прекрасную придворную жизнь и не буду наслаждаться какъ хочу деревенскимъ воздухомъ то навѣрно околѣю (je creverai) здѣсь со скуки и отъ неудовольствія. Вы меня оживите если сдѣлаете это, и тѣмъ обяжете того который будетъ на всю жизнь

преданный вамъ

ПЕТРЪ.

III.

М. Г.

Такъ какъ я увѣренъ что вы всегда готовы мнѣ сдѣлать удовольствіе, я увѣренъ что вы въ дѣлѣ Александра

Ивановича (?) Нарышкина попросите Ея Величество сдѣлать мнѣ милость и назначить его камергеромъ при мнѣ, для праздника Пасхи, это честнѣйшій человѣкъ, я бы его не рекомендовалъ такъ еслибъ не зналъ — поспѣшите этимъ дѣломъ, я вамъ буду очень обязанъ и впрочемъ остаюсь

преданный вамъ

ПЕТРЪ.

IV.

Любезный другъ, вы мнѣ еще разъ доказали вашу дружбу устроивши чтобъ Ея Императорское Величество дала мнѣ десять тысячъ червенцовъ для уплаты моего карточнаго долга, прошу васъ поблагодарить за меня Ея Величество за эту новую милость оказанную ею мнѣ. Увѣрьте ее, что я буду стараться всю мою жизнь заслужить болѣе и болѣе милости, которыми она меня преисполнила. Что касается до васъ, примите искреннюю благодарность друга, который бы желалъ убѣдить васъ сколько бы хотѣлъ быть въ возможности сдѣлать тоже для васъ. За тѣмъ прося васъ быть всегда тѣмъ же другомъ какъ прежде, остаюсь

вашъ преданный

ПЕТРЪ.

V.

М. Г.

Я столько разъ просилъ васъ исходатайствовать у Ея Имп. Величества чтобъ она позволила мнѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ путешествовать за границей и теперь повторяю вамъ это еще разъ и прошу убѣдительно устроить чтобы мнѣ позволили. Мое здоровье слабѣетъ день отъ дня: ради Бога сдѣлайте мнѣ эту единственную дружбу и не дайте

мнѣ умереть съ горя. Мое положеніе не въ состояніи выдержать моей горести, и хандра моя ухудшается день ото дня. Если вы думаете что нужно показать письмо Ея Величеству, вы мнѣ сдѣлаете самое большое удопольствіе и за тѣмъ остаюсь

преданный вамъ

ПЕТРЪ.

VI.

М. Г.

Я васъ прошу, такъ какъ я знаю, что вы изъ моихъ друзей, сдѣлать мнѣ удоволствіе помочь отцу подателя этого письма, поручику моего полка Гудовичу — отъ этого зависитъ его участь, онъ вамъ объяснитъ самъ словесно въ чемъ дѣло, все что я знаю это то что это происки г. Теплова которому не въ первой разъ водить Гетмана за носъ и я не могу вамъ сказать первое это или послѣднѣе дѣло въ которомъ Гетманъ мнѣ отказываетъ. Надѣюсь, что вы это обдѣлаете для меня. Я очень прошу объ этомъ потому, что я люблю этого офицера. Еще разъ прошу васъ не забывайте моихъ интересовъ, а я буду стараться убѣдить васъ что я изъ вашихъ друзей

васъ любящій

ПЕТРЪ.

Къ великой Княгинѣ.

Милостивая Государыня.

Прошу васъ не безпокоится нынѣшнюю ночь спать со мной, потому что поздно уже меня обманывать: постель

стала слишкомъ узка — послѣ двухъ недѣльной разлуки; сегодня пол-день.

Вашъ
несчастный мужъ, котораго вы никогда
не удостоеваете этого имени

ПЕТРЪ.

. . . Декабря
1746.

II.

ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ПОНЯТОВСКОМУ.*)

Петръ третій совершенно потерялъ разсудокъ, котораго у него и безъ того было немного; онъ шелъ на проломъ, хотѣлъ разпустить гвардію, вывести ее во городъ и замѣстить Гольштинцами, хотѣлъ ввести иное вѣроисповѣданіе, жениться на Елизаветѣ Воронцовой, а со мной развестись и засадить меня въ тюрьму.

Въ день празднованія мира съ прусскимъ королемъ, онъ оскорбилъ меня публично за обѣдомъ, а вечеромъ приказалъ меня арестовать. Мой дядя

*) Для дополненія записокъ Екатерины II мы перепечатываемъ письмо приписываемое ей и какъ думаемъ адресованное Понятовскому. Мы его взяли изъ чрезвычайно любопытной книги вышедшей въ прошедшемъ году въ Берлинѣ подъ заглавіемъ „Россійской дворъ сто лѣтъ тому назадъ“. *(La Cour de la Russie il y a cent ans.)*

принцъ Георгій заставилъ его отмѣнить этотъ приказъ. Только съ этаго дня я обратила вниманіе на предложенія, съ которыми ко мнѣ приступали со смерти императрицы Елизаветы.

Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ захватить Петра III въ его комнатѣ и арестовать какъ нѣкогда была арестована принцесса Анна и дѣти. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. За нимъ слѣдовало множество ротныхъ командировъ гвардійскихъ полковъ. Тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Остенъ помнитъ какъ старшій изъ нихъ слѣдовалъ за мной всюду и дѣлалъ тысячу нелѣпостей; его страсть была всѣмъ извѣстна, онъ дѣйствовалъ побуждаемый ею.

Орловы люди рѣшительные и служа въ гвардіи, очень любимы солдатами. Я имъ много обязана, что подтвердитъ весь Петербургъ. Умы гвардейцевъ были приготовлены и уже въ заговорѣ была отъ тридцати до сорока офицеровъ и около десяти тысячъ рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не нашлось ни однаго измѣнника, въ продолженіи трехъ недѣль; было четыре отѣльныя партій, ихъ начальники были приглашены для осуществленія плана, а настоящая тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ. Панинъ хотѣлъ чтобъ провозгласили моего сына, но они ни за что на это не согласились.

Я была въ Петергофѣ, Петръ III жилъ и пьянствовалъ въ Ораніенбаумѣ.

Сговорились что въ случаѣ измѣны не будутъ ждать его возвращенья, а соберутъ гвардію и провозгласятъ меня. Ихъ преданность ко мнѣ дѣлала то что бы могла сдѣлать измѣна. Распространился слухъ 27-го что я арестована. Солдаты взволновались; одинъ изъ нашихъ офицеровъ ихъ успокоилъ. Одинъ солдатъ является къ поручику Пассеку начальнику одной изъ партій и говоритъ что я навѣрное изчезла. Онъ удостовѣрилъ его что онъ имѣетъ извѣстія обо мнѣ. Испуганный за меня солдатъ, пошелъ къ другому офицеру и сказалъ ему тоже, но послѣдній не былъ въ заговорѣ, слышавши что офицеръ отпустилъ солдата не арестовавши его, испугался и пошелъ къ маіору; тотъ велѣлъ арестовать Пассека и послалъ ночью рапортъ въ Ораніенбаумъ: и вотъ весь полкъ пришелъ въ волненіе и испугъ распространился между заговорщиковъ. Они рѣшили сперва послать ко мнѣ втораго брата Орлова, а другіе два брата отправились объявить вездѣ что я уже пріѣхала. Гетманъ, Волхонскій и Панинъ были въ секретѣ.

Я была почти одна въ Петергофѣ, окруженная только женщинами составлявшими мою прислугу, по видимому позабытая всѣми. Однакоже я была въ сильномъ безпокойствѣ, потому что я знала подробно все что дѣлалось за и противъ меня. Въ шесть часовъ утра 28-го, Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату, будитъ меня и говоритъ

съ величайшимъ спокойствіемъ: „Пора вставать, все готово чтобъ васъ провозгласить.“ Я спросила у него подробности, онъ отвѣчалъ: „Пассекъ арестованъ.“ Я не мѣшала болѣе, но скоро одѣлась не дѣлая своего туалета, и поѣхала въ его экипажѣ. Другой офицеръ лакеѣмъ; третій прискакалъ мнѣ на встрѣчу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга. Въ пяти верстахъ отъ городу я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ меньшимъ. Послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ каретѣ, потому что мои лошади были совершенно измучены, мы остановились въ казармахъ Измаиловскаго полка, тутъ было только двѣнадцатъ человѣкъ и барабанщикъ который пробилъ тревогу. И вотъ солдаты собираются, цалуютъ мои ноги, руки, платьи, называютъ меня ихъ спасительницой. Двое изъ нихъ ведутъ подъ руки священника съ крестомъ и начинаютъ мнѣ присягать; когда это было кончено, меня попросили сѣсть въ карету. Попъ съ крестомъ шелъ впереди. Мы поѣхали въ Семеновской полкъ, онъ вышелъ намъ на встрѣчу съ крикомъ: Ура! Мы поѣхали въ Казанской соборъ, тутъ я вышла: Преображенской полкъ пришелъ тоже съ крикомъ: Ура! говоря: „Виноваты, что послѣдніе пришли, офицеры насъ не пускали, за то четверыхъ мы арестовали и привели въ доказательство нашего усердія: потому что мы того же хотимъ чего наши братья. Конная гвардія пришла послѣ;

она была въ такомъ восторгѣ,- какаго я еще не видывала и кричала со слезами что отечество освобождено; эта сцена происходила между садомъ Гетмана и Казанскимъ соборомъ (la Kasanska). Конная гвардія была въ сборѣ, офицеры во главѣ. Такъ какъ я знала какъ ненавидили моего дядю, Принца Георгія въ полку данномъ ему Петромъ III, я послала его просить чтобъ онъ остался дома, опасаясь за него. Не тутъ то было: его полкъ отрядилъ *уже къ нему нѣсколько человѣкъ чтобъ его* арестовать, его обокрали и даже поколотили. Я поѣхала въ новый Зимній Дворецъ, гдѣ собрались синодъ и сенатъ.

На скоро написали манифестъ и присягу. Я сошла во внизъ и пѣшкомъ обошла войска, было болѣе четырнадцати тысячъ человѣкъ, гвардія и полевые полки. При моемъ появленіи со всѣхъ сторонъ раздавались радостные крики повторяемые безчисленной толпой. Потомъ я поѣхала въ старый Зимній Дворецъ чтобъ взять необходимыя мѣры и покончить дѣло. Тамъ, мы совѣщались и было рѣшено что я во главѣ войскъ пойду въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ дорогамъ были разставлены часовые и каждую минуту намъ приводили языковъ. Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Канцлеръ Воронцовъ пріѣхалъ съ тѣмъ чтобъ упрекнуть меня за мой отъѣздъ изъ Петергофа. Его привели въ церковь чтобъ мнѣ присягнутъ; въ этомъ со-

стоялъ мой отвѣтъ. Потомъ пріѣхали тоже изъ Петергофа князь Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ; они хотѣли увѣриться въ расположеніи войскъ и убить меня. Ихъ тоже повѣли присягать безъ всякого насилія.

Отправивши всѣхъ нашихъ курьеровъ и взявши всѣ предосторожности, около десяти часовъ вечера, я одѣлась въ гвардейской мундиръ — потому что я была уже провозглашена полковникомъ съ большимъ одушевленіемъ. Я поѣхала верхомъ, и мы оставили только нѣсколько человѣкъ изъ каждаго полка для охраненія моего сына, который оставался въ городѣ.

Я отправилась во главѣ всѣхъ войскъ, мы ѣхали всю ночь до Петергофа. Когда мы доѣхали до малаго монастыря, вицъ-канцлеръ Голицынъ привелъ мнѣ очень любезное письмо отъ Петра III. Я забыла сказать что при выѣздѣ изъ города, три солдата посланные изъ Петергофа съ манифестомъ къ народу, подали мнѣ его говоря: „На, вотъ что намъ поручилъ Петръ III, мы тебѣ его отдаемъ и очень рады что имѣемъ случай соединиться съ нашими братьми". Послѣ перваго письма Петра III я получила другое, поданное Михайломъ Измайловымъ, онъ палъ мнѣ въ ноги и сказалъ: „Считаете ли вы меня за честнаго человѣка? „Я отвѣчала ему: „Да". — „Ну," сказалъ онъ, „счастье имѣть дѣло съ умными людьми; Императоръ соглашается отказаться отъ престола; я вамъ его

привезу послѣ его свободнаго отрѣченья; этимъ предотвратиться отечество отъ междоусобной войны.“ Я ему безъ труда дала это порученье и онъ отправился.

Петръ III отказался отъ престола совершенно свободно въ Ораніенбаумѣ, окруженный тысячу пятью стами Гольштинцевъ; онъ пріѣхалъ въ Петергофъ съ Елисаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Михайломъ Измайловымъ; для охраненія его особы я дала ему пять офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Это случилось въ подденъ 29-го Іюня въ Петровъ день. Пока приготовляли обѣдъ для всѣхъ, солдаты вообразили что Петръ III былъ привезенъ фельдмаршаломъ княземъ Трубецкимъ и что онъ старался васъ помирить. И вотъ они поручаютъ всѣмъ кого ни встрѣтятъ, между прочимъ Гетману, Орловымъ и другимъ узнать обо мнѣ, говоря что уже, три часа какъ они меня не видали, они поручили мнѣ сказать, „что они до смерти боятся, чтобъ старый плутъ Трубецкой не обманулъ меня устроивая, говорили они притворный миръ между твоимъ мужемъ и тобой, и чтобъ тебя и насъ не погубили;“ это были ихъ собственныя слова. Я имѣла разговоръ съ Трубецкимъ и сказала ему: „Пожалуйста, садитесь въ карету, пока я пѣшкомъ обойду войска.“ Я ему разсказала все что было: онъ уѣхалъ въ городъ совсѣмъ перепуганный, а меня приняли съ неслыханнымъ восторгомъ, послѣ чего я отправила низ-

ложеннаго императора подъ предводительствомъ Алексѣя Орлова въ сопровожденіи четырехъ избранныхъ офицеровъ и отряда надежныхъ и смирныхъ солдатъ, въ уединенное, но очень пріятное мѣсто называемое Ропшой въ двадцати семи верстахъ отъ Петергофа, пока приготовляли приличныя комнаты въ Шлюссельбургѣ и заготовляли для него лошадей на почтовыхъ станціяхъ. Но Богъ рѣшилъ иначе: страхъ причинилъ ему поносъ, который продолжался три дня и остановился на четвертый. Онъ ужасно много пилъ въ этотъ день (онъ имѣлъ все что хотѣлъ кромѣ свободы). Онъ впрочемъ просилъ у меня только свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но боясь пересудъ и броженія умовъ, я послала ему только три послѣднія вещи. Гемороидальная колика возобновилась опять съ воспалѣніемъ мозгу; два дня онъ былъ въ этомъ положеніи за которымъ послѣдовала чрезмѣрная слабость, и не смотря на помощь докторовъ, онъ скончался прося лютеранскаго священника. Я боялась не отравили ли его офицеры, такъ онъ былъ ненавидимъ, и велѣла вскрыть тѣло, но не оказалось ни малѣйшаго слѣда яда: желудокъ его былъ совершенно здоровъ, но нашли воспаленіе въ кишкахъ; апоплектической ударъ убилъ его; сердце его было *чрезвычайно мало и поражено* (flétri).

Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа, мнѣ совѣтывали ѣхать прямо въ городъ; я предвидѣла что

войска взволнуются при такимъ извѣстіи и велѣла разпространить этотъ слухъ, подъ передлогомъ что хочу знать въ которомъ часу они будутъ готовы выступить. Послѣ трехъ дней устали, они назначили десять часовъ вечера: „Лишь бы,“ прибавляли они, „она съ нами поѣхала.“ Я отправилась отдохнуть въ загородномъ домѣ Куракина и бросилась на постель не раздѣваясь; офицеръ снялъ мои сапоги. Я спала два часа съ половиной, потомъ пустились опять въ путь верхомъ; гусарской полкъ шелъ впереди, потомъ мой эскортъ составленный изъ конной гвардіи, потомъ непосредственно за мной весь мой дворъ; гвардейскіе полки по старшинству и три линейные полка. Я въѣхала въ городъ при громкихъ возгласахъ и такъ я доѣхала до Лѣтняго Дворца гдѣ меня ожидали: дворъ, синодъ, мой сынъ и всѣ лица бывшіе при мнѣ. Я поѣхала къ обѣдни, потомъ служили молебенъ, потомъ стали меня поздравлять. Я съ пятницы вечера почти ни ѣла, ни пила, ни спала. Я была очень рада когда легла спать воскресенье вечеромъ.

Едва я заснула, какъ въ полночь ротный командиръ Пассекъ вошелъ въ мою комнату и разбудилъ меня этими словами: „Наши люди очень пьянны; какой-то гусаръ въ такомъ же видѣ проходя мимо насъ закричалъ: Къ оружью! три тысячи Пруссаковъ идутъ, они хотятъ отнять у насъ нашу *матушку*. Солдаты взялись за оружье

и пришли провѣдать про ваше здоровье; говоря что уже три часа какъ васъ не видѣли и то они смирно разойдутся по домамъ, лишь бы имъ видѣть что съ вами ничего не случилось; они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ.“ И вотъ я опять на ногахъ, чтобъ не испугать мой гвардейской караулъ, состоявшій изъ одняго батальона, сначала я пошла къ нему и объяснила причину моего ранняго выхода. Потомъ я сѣла въ экипажъ съ двумя офицерами и отправилась къ войскамъ, я имъ сказала что совершенно здорова, чтобъ они шли спать и дали бы мнѣ тоже отдохнуть, что я только что легла, послѣ трехъ неспанныхъ ночей; и что я желала бы чтобъ впредъ они слушались своихъ офицеровъ. Они отвѣчали мнѣ что ихъ напугали этими проклятыми Пруссаками, что они всѣ готовы умѣреть за меня: „Ну благодарю васъ,“ сказала я имъ, „но ступайте спать.“ За тѣмъ они мнѣ пожелали доброй ночи и добраго здоровья и разошлись какъ овцы по домамъ, оборачиваясь безпрестанно на мой экипажъ. На другой день они велѣли просить у меня прощенье, и очень жалѣли что разбудили меня.

Надо бы цѣлую книгу написать чтобъ разсказать повѣденье каждаго изъ начальниковъ. Орловы блестятъ умѣньемъ управлять людьми, осторожной смѣлостью, въ большихъ и малыхъ дѣлахъ, большимъ присутствіемъ духа и авторитеромъ заслуженнымъ ихъ повѣденьемъ. Они имѣютъ много

здраваго смысла, великодушнаго мужества; они патріоты до энтузіасма и очень честные люди; они страстно привязаны ко мнѣ и дружны между собой какъ братья не бываютъ никогда. Ихъ пятеро, но трое только были здѣсь. Ротный командиръ Пассекъ оставался двѣнадцать часовъ подъ арестомъ не смотря на то что солдаты отворили ему двери и окны; и все это чтобъ не начать тревоги прежде чѣмъ я пріѣду въ его полкъ, хотя онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что его возмутъ и увезутъ въ Ораніенбаумъ, чтобъ подвергнуть пыткѣ. Къ счастью приказъ Петра III пришелъ, когда я въѣхала въ Петербургъ. Княгиня Лашкова, меньшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и хочетъ приписать себѣ всю честь этой революціи, но она не пользовалась большимъ довѣріемъ за ея родство; въ добавокъ ея девятнадцать лѣтъ ни вселяли никому большаго уваженія. Она утверждала что все шло ко мнѣ черезъ ея руки. Однако я уже шесть мѣсяцевъ переписывалась со всѣми начальниками, прежде чѣмъ она узнала первое имя однаго изъ нихъ. Правда она очень умна; но умъ ея испорченъ ея чрезмѣрнымъ тщеславіемъ и характеръ ея взбалмошенъ; она ненавидима начальниками и дружна только ихъ вѣтренными головами которыя сообщали ей то что знала, т. е. маловажныя подробности. Иванъ Шуваловъ, самый низкій и подлый человѣкъ въ мірѣ, писалъ, говорятъ,

Вольтеру, что девятнадцати-лѣтняя женщина измѣнила правительство этой имперіи: пожалуйста, выведите великаго писателя изъ заблужденья. Надо было скрывать отъ княгини Дашковой какими путями сносятся другіе со мною, и она цѣлые пять мѣсяцевъ не знала ничего; послѣднія четыре недѣли, хотя ей и говорили но какъ можно меньше. Умъ князя Барятинскаго, который скрывалъ эту тайну отъ своего любимаго брата, адъютанта бывшаго императора, не потому что онъ былъ недостоенъ довѣрія, а потому только что это былъ бы лишній повѣренный, заслуживаетъ большихъ похвалъ. Въ конной гвардіи, офицеръ двадцати двухъ лѣтъ Хитровъ и подпоручикъ Потемкинъ, управляли всѣмъ дѣятельно и храбро.

Вотъ почти въ чемъ состоитъ наша исторія. Все дѣлалось, признаюсь, подъ моимъ особеннымъ руководствомъ; и наконецъ я сама все приостановила, потому что отъѣздъ за городъ мѣшалъ исполненію нашего плана; все было двѣ недѣли тому назадъ совершенно готово. Фельдмаршалъ Мюнихъ совѣтывалъ бывшему императору броситься въ Кронштадтъ или въ армію, взявши нѣсколько человѣкъ съ собой, но молодыя дамы составлявшія его свиту, удержали его; и когда онъ отправился на галерѣ въ Кронштадтъ, городъ былъ уже нашъ, благодаря хорошему распоряженію адмирала Талызина, который велѣлъ обезоружить генерала Ливерса бывшаго еще при Императорѣ.

Когда Талызинъ пріѣхалъ, портовой офицеръ по собственному побужденію грозилъ несчастному государю стрѣлять ядрами по его галерѣ. И такъ Богъ довелъ все къ цѣли имъ предопредѣленной и все это кажется скорѣе чудомъ чѣмъ предвидѣннымъ и кѣмъ нибудь устроеннымъ дѣломъ. Столько счастливыхъ случайностей могутъ встрѣтиться только по волѣ Всевышняго!

— Мы не знаемъ чѣмъ лучше окончить благочестивую молитву Екатерины — какъ словами французскаго посла Беранже — который оканчиваетъ свою депешу о томъ же событіи. „Что за зрѣлище для народа словами когда онъ спокойно обдумаетъ, съ одной стороны, какъ внукъ Петра I былъ свергнутъ съ престола и потомъ убитъ; съ другой какъ внукъ Царя Іоанна увядаетъ въ оковахъ — въ то время какъ Ангалтская принцесса овладѣваетъ наслѣдственной ихъ короной — начиная цареубійствомъ свое собственно царствованіе!“

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II.

КЪ

ДѢВИЦѢ ЛЕВШИНОЙ.

Эти письма не имѣютъ никакой связи съ содержаніемъ записокъ, и потому я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ въ защиту ихъ. Издатель вполнѣ увѣренъ, что онѣ будутъ приняты благопріятно, какъ характеристика доброты и веселаго нрава императрицы. Едва ли кто обладалъ искуствомъ нравиться въ такой высокой степени, какъ Екатерина II. Она умѣла примѣняться къ каждому возрасту, характеру, затрогивать самыя тайныя пружины сердца и находить неистощимый юморъ въ источникѣ своего гибкаго ума. Эти четыре письма были писаны къ Левшиной, изъ благороднаго семейства, оставшейся сиротой по четвертому году и опредѣленной въ этомъ возрастѣ въ Смольной монастырь, основанный императрицей. Левшина была одна изъ первыхъ воспитанницъ; вслѣдствіе этого обстоятельства, или изъ участія къ ея сиротству, или за ея хороше поведеніе и успѣхи, можетъ быть, въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ вмѣстѣ, императрица отличила ее въ числѣ другихъ питомицъ института.

Я слышала отъ племянницы Дашковой, которая воспитывалась въ томъ же монастырѣ и сообщила мнѣ копіи этихъ писемъ, что Смолянки съ энтузіазмомъ говорили о посѣщеніяхъ Екатерины въ это заведеніе.

Чтобы понять нѣкоторые термины въ этихъ письмахъ, какъ напрм. *кофейный голубой* и проч., надобно замѣтить, что младшія дѣвушки, первые три года по правиламъ института носили платья *кофейнаго* цвѣта; потомъ онѣ переходили во второе отдѣленіе и назывались *голубыми*; далѣе въ третьемъ отдѣленіи одѣвались въ *сѣрый* цвѣтъ и наконецъ, въ послѣднемъ классѣ, въ *бѣлый*. Левшина была на переходѣ изъ третьяго отдѣленія въ высшее, когда получила первое и второе письмо, а третіе и четвертое въ старшемъ классѣ. Окончивъ свое воспитаніе въ институтѣ, она была принята ко двору фрейлиной, за тѣмъ вскорѣ вышла за мужъ и умерла молодой.

1.

Прочитавъ ваше прекрасное письмо, я готова была приказать заложитъ карету и немедленно ѣхать въ монастырь, но не пеняй, моя милая смуглая Девушка, что холодъ удержалъ меня. Правда, я по-временамъ прыгаю, но не такъ много, какъ вы. И хотя ты очень милая дѣвушка, но воздухъ вашихъ коридоровъ слишкомъ свѣжъ для меня въ этомъ мѣсяцѣ. Какъ только пройдутъ холода, я непремѣнно пріѣду и буду участвовать во всѣхъ твоихъ разнообразныхъ занятіяхъ, если, впрочемъ позволятъ мои (вѣдь я также не безъ занятій). Передай мой поклонъ подругамъ;

а *старых* моихъ сестеръ прошу тебя поцѣловать. Скажи имъ, что я радуюсь ихъ успѣхамъ, а чтобъ доказать это, предупреди ихъ, что я намѣрена провести у васъ цѣлый вечеръ за игрой въ „лисицу и гусей". Слово привѣта мадамъ Лажопъ, которой вы очень многимъ обязаны и которая любитъ васъ нѣжно.

КАТЕРИНА.

2.

Скажи мнѣ, Девушка, развѣ не довольно съ тебя твоей собственной милой болтовни, если бъ я и въ состояніи была болтать съ тобой о всякой всячинѣ? Сначала и до конца, ты пишешь все что ни забредетъ тебѣ въ голову. Ты поздравляешь меня со днемъ ангела, журишь зачѣмъ я поѣхала за городъ, приглашаешь пріѣхать и посмотрѣть вашъ отвратительный садишко, и чего ты не наговорила мнѣ? Чтобъ отвѣчать на все, мнѣ надо исписать цѣлую десть бумаги. Поэтому извини меня, хотя я охотно готова слушать отъ тебя все, что угодно. Твое перо, языкъ и сердце удивительно успѣваютъ; и потому-то я горячо люблю тебя. Ахъ! Девушка, ваша театральная субретка, вовсе не очаровательна. И неужели ты въ самомъ дѣлѣ, каждый день отмѣриваешь двѣсти двадцать одну ступеньку, чтобъ издали взглянуть на мой дворецъ, который вы не любите за то, что онъ такъ далеко разлученъ съ вами. Спасибо тебѣ за всѣ лестныя выраженія, и за искуство, съ которымъ ты смѣшишь даже степенныхъ монашенокъ и вызываешь ихъ изъ келій своими шутками; благодарю и за многія другія вещи.

Вѣрно мадамъ Крупильякъ*) бережетъ свою бумагу для процессовъ; рукопись ея очень мелкая, и комплименты очень заучены. Впрочемъ, она хорошо играетъ свою роль и даже умѣетъ подсмѣяться надъ солнцемъ, когда желаетъ ему чести затмѣнія; такова сила привычки. Лиза, милая Лиза, вмѣсто того, чтобъ быть совершенно счастливой, такъ часто выходя за-мужъ за своего вѣрнаго Евфемона, и не смотря на ласковое поздравленіе меня съ праздникомъ, также попрекаетъ меня *дворцомъ, блестящимъ золотомъ*. Но что сказать о самомъ Евфемонѣ, который, разоривъ подданныхъ съ своими буйными друзьями, предлагаетъ мнѣ свое сердце! Ну хорошо, я выйду за него, на-зло Лизы и мадамъ Крупильякъ, которую я со временемъ готовлю въ невѣсты господина Фрейенфата — чтобъ отмѣстить за оскорбленіе моего дворца; и во время свадьбы я заставлю дѣвицу Барешову открыть балъ, въ наказаніе за то, что она сравниваетъ Петербургскій снѣгъ съ Царскосельскимъ.

Явленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой я очень близко наблюдаю, и въ ту самую минуту, когда она всего меньше ожидаетъ того; скоро, можетъ быть, даже очень скоро. Молите Бога, чтобъ скорѣй прошелъ ледъ; а между тѣмъ поцѣлуйте за меня, и всѣхъ заразомъ, маленькихъ шалуній и не забудьте поблагодарить за ихъ ласки ко мнѣ. Передайте поклонъ Лафондъ.

---

*) Это имя, какъ и вышеупомянутое субретка и нѣкоторыя другія означаютъ героинъ театральныхъ піесъ, игранныхъ воспитанницами монастыря.

3.

Вотъ мой отвѣтъ на ваши два письма; замѣтьте кстати, что первое написано такъ мелко, что если вы усовершенствуетесь въ этомъ искуствѣ, я скоро принуждена буду купить пару очковъ, для чтенія вашихъ писемъ. Но съ очками или безъ очковъ, вѣрьте, что онѣ всегда будутъ приняты мной. Скажите отъ меня мадамъ Лафондъ, что высокая дѣвица, въ бѣломъ платьѣ, съ носомъ попугая и темнымъ лицомъ, та самая что привѣтствовала меня при входѣ въ монастырь и провожала цѣлой батарей *охъ* и *ахъ,* попросите сказать ей, что письма ея нравятся мнѣ; но такъ какъ я люблю природу безъ всякого усилія и стѣсненія, то милая Девушка, со всей ея рѣзвостью и шалостями совершенно въ моемъ вкусѣ. Продолжайте, продолжайте; ровно черезъ три года я пріѣду и возьму васъ изъ монастыря; тогда кончатся и слезы и вздохи. На-зло себѣ вы увидите что то же Царское Село, о которомъ вы такъ невыгодно отзываетесь, понравится вамъ (я знаю, вы любите истину) и вы найдете его несравненно лучше лѣтняго дворца. Я, конечно, хорошо помню, какъ въ немъ однажды прыгали рои моихъ бѣлыхъ друзей (между тѣмъ какъ разноперыя птички латали по стѣнамъ), вскружившихъ головы почти всему городу. Прошу замѣтить, къ какимъ послѣдствіямъ иногда ведутъ движенія молодыхъ дѣвушекъ. Съ этого самаго дня городъ былъ наводненъ *de vers,* не тѣми, которые грызутъ листья на моихъ рѣдкихъ деревахъ, нѣтъ, а тѣми, которые родятся въ головѣ поэтовъ вдохновенныхъ предметами, дѣйствующими на ихъ воображеніе. Когда нибудь я пріѣду въ городъ взгля-

нуть, какъ Лафондъ устроила клѣтки и углы въ своемъ мѣщанскомъ жилищѣ, которое вы мнѣ описали.

Благодаря вашему попеченію, я надѣюсь, что котята, о которыхъ вы говорите постоянно, не станутъ безпокоить васъ — *мяуканьемъ*, выражаясь языкомъ вашего общества, или лучше вашимъ собственнымъ. Не печалься, если Бетцкій настаиваетъ, чтобъ вы учились плавать. Въ его возрастѣ въ дѣлѣ занятій требующихъ и силы и ловкости, люди способны болѣе говорить, чѣмъ дѣлать. Поймайте его — совѣтую вамъ — на словѣ, и онъ больше смѣшается, чѣмъ вы. Онъ отвѣтитъ: „хорошо, очень хорошо", и отложитъ свой проэктъ до другого дня. Вы можете спросить у этого учителя плаванія, зачѣмъ онъ поставилъ въ моей комнатѣ зимняго дворца Турецкую софу. Онъ, подлинно, размѣщаетъ все въ моихъ покояхъ, по собственной фантазіи, за исключеніемъ извѣстной любимой мебели сдѣланной Молчановой; этой мебели я сама отвела мѣсто, или лучше вы назначили его и притомъ навсегда. Если вамъ покажется моя мысль темной, попросите директрису объяснить ее; она хорошо знаетъ эту дѣвушку и потому можетъ отвѣчать вамъ. Серенада, которую вамъ задалъ князь Орловъ, по моему мнѣнію, не дурная мысль. Онъ любитъ дурачиться и очень расположенъ къ вамъ, извѣстной ему отъ колыбели. Онъ также любитъ отечество и вашъ институтъ, устроенный на благо его. Онъ въ-особенности любитъ васъ: и знаете ли за что? За то что васъ нельзя не любить.

И такъ, не довольно ли на этотъ разъ? Да поздравьте отъ меня вашихъ кафейныхъ куколъ, приголубьте голубыхъ обезьянъ, поцѣлуйте сѣ-

рыхъ сестеръ и обнимите крѣпко своихъ бѣлыхъ рѣзвушекъ, моихъ старыхъ друзей. Передайте Лафонъ глубочайшее уваженіе, и когда будете передавать, выразите на лицѣ всевозможныя чувства, которыми она васъ напитала.

4.

Я думаю, что изъ вашего письма можно вывести два заключенія; вопервыхъ, вы горюете, когда не видите меня, во вторыхъ, вы, напротивъ, очень веселы, когда видите меня. Увы! погода дождливая. Путешествіе въ Москву печалитъ васъ; слезы ручьемъ текутъ и, когда я видѣла васъ, въ послѣдній разъ, слѣды ихъ были замѣтны; но на-перекоръ старой пословицѣ: „когда женщина начинаетъ плакать, все плачетъ съ ней“, я соверженно спокойна. Посудите какъ, міръ несправедливъ и какъ онъ глумится надъ нашей чувствительностью. Конецъ концовъ, осушите ваши слезы; по возвращеніи изъ Москвы, я пріѣду въ монастырь и увезу васъ съ собой. Тогда вы будете постоянно со мной и на свободѣ; подобно нѣкоторыхъ изъ нашихъ придворныхъ сорокъ, скоро вынучитесь тарантить. Поклонитесь отъ меня Лафонъ и пожелайте скорѣй выздоровѣть. Мое душевное и тѣлесное привѣтствіе остальному обществу. Замѣтьте, что мое чистописаніе хуже вашего, а ортографія лучше.

КАТЕРИНА.

Печатано въ типографіи Г. Ушмана въ Веймарѣ.

	М. пф.
Общество пропаганды въ 1849 г. Собраніе секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій (1875)	2 —
Отголоски 14 декабря 1825 г. Изъ записокъ одного недекабриста (1903)	2 —
Памяти братьевъ Бестужевыхъ. Выдержки изъ современныхъ записокъ декабристовъ (1880)	— 75
Письма изъ Россіи (1805—1807) миссъ Катринъ Уильмотъ. Переводъ съ англійскаго (1876)	1 —
Политическія понятія русскаго простолюдина въ сказкахъ (1896)	3 —
Присутственный день уголовной палаты. Судебныя сцены изъ записокъ чиновника очевидца (1874) . . .	1 —
Прогрессъ въ Россіи и ея будущее. Старые совѣты для новаго разсмотрѣнія (1904)	2 50
Процессъ пятидесяти сужденныхъ за соціально-революціонную пропаганду въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Москвѣ (1886)	1 50
Путешествіе изъ С.Петербурга въ Москву А.Радищева въ 1790 г. (1876)	3 —
Сибирь и русское правительство. Нѣсколько объяснительныхъ замѣтокъ и документовъ изъ прошедшаго времени (1877)	2 —
Скопческія духовныя пѣсни и нѣчто изъ богослуженія скопцевъ въ Россіи (1879)	1 —
Собраніе запрещенныхъ стиховъ и прозы (1875) . .	2 —
Тайное общество и 14 декабря 1825 г. (1875)	4 —
Тюрьма и ссылка. Образцы изъ жизни политическихъ заключенныхъ въ Россіи (1905)	2 50
Финансовое положеніе Россіи. Взглядъ на государственное хозяйство императора Николая I по 1866 годъ (1881)	1 —

Застольныя рѣчи В. Д. Спасовича 1873—1901 г. (1903)	2 —
Политическіе итоги. Очеркъ варшавскаго публициста. Русская политика въ Польшѣ (1896)	1 —
Польскій вопросъ въ Россіи. Открытое письмо къ русскимъ публицистамъ польскаго дворянина (1896) . .	1 50
Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества. Очеркъ М. Урсина. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого (1896)	1 —